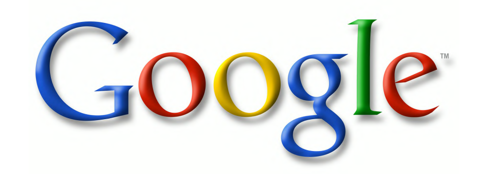

Гравировано у Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

А. Кольцовъ.

волено Цензурою 10 Іюня 1892 г. Печат. въ Артистич. Зав. А. Ф. Маркса въ С. Петербургѣ.

Kol'tsov, Aleksei Vasil'evich, 1809-1842.

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. В. КОЛЬЦОВА.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Арс. И. Введенскаго.

Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ А. В. Кольцова, гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

Изданіе А. Ф. Маркса.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1892.

Дозволено цензурою. СПБ. 14 октября 1892 г.

Типографія А. Ф. МАРКСА, Средняя Подъяческая, д. № 1.

Предисловіе.

Въ 1835 году, по иниціативѣ Станкевича, вышли небольшою книжкою 18 стихотвореній Кольцова, и затѣмъ при жизни поэта отдѣльныхъ изданій его произведеній болѣе уже не было, — они появлялись только въ журналахъ. Первое посмертное изданіе, Некрасова и Прокоповича, со статьею Бѣлинскаго „О жизни и сочиненіяхъ Кольцова", послужило прототипомъ всѣхъ многочисленныхъ послѣдующихъ, внесшихъ только ошибки и опечатки, да сокращенія статьи Бѣлинскаго, хотя въ журналахъ успѣли уже появиться новыя отысканныя стихотворенія Кольцова. Между тѣмъ интереснѣйшая въ исторіи русской литературы поэтическая личность Кольцова далеко не получила полнаго отраженія въ названномъ изданіи 1846 года, хотя оно и называло себя „полнымъ собраніемъ стихотвореній покойнаго Кольцова". Издатели и Бѣлинскій собрали разбросанныя по журналамъ стихотворенія нашего поэта, и имѣли, очевидно, рукописи стихотвореній, въ печати еще не бывшихъ; но — конечно, въ благородномъ стремленіи представить публикѣ поэта въ возможно совершенномъ видѣ, и по направленію его мыслей примыкающимъ къ умственному и нравственному направленію „людей сороковыхъ годовъ" — они, внеся въ изданіе новыя стихотворенія, устранили изъ него нѣкоторыя, въ высокой степени характеристичныя, какъ „Благодѣтелю моей родины", „Военная пѣсня", Ура", „Человѣческая мудрость" и проч., уже бывшія въ печати въ тѣхъ же самыхъ журналахъ, изъ которыхъ другія стихотворенія ими взяты; а многія стихотворенія они измѣняли, выбрасывая и передѣлывая строфы и строки.

Пятьдесятъ лѣтъ, протекшихъ со времени смерти нашего народнаго поэта, выдвинули его постепенно въ среду извѣстнѣйшихъ писаталей и сдѣлали необходимымъ болѣе глубокое отношеніе къ его произведеніямъ; давно уже чувствуется потребность въ такомъ изданіи ихъ, которое отражало бы личность ихъ автора съ большею полно-

тою. Наше изданіе преслѣдуетъ именно эту цѣль, ограничиваясь, однако, только стихотвореніями Кольцова. Мы не рѣшились измѣнять всѣмъ привычнаго текста Кольцовскихъ пѣсенъ и въ нашемъ главномъ текстѣ воспроизвели его съ необходимыми исправленіями съ изд. 1846 года; но въ подстраничныхъ примѣчаніяхъ мы даемъ подробныя указанія, гдѣ и какъ печатались стихотворенія прежде 1846 года и какъ они читаются въ рукописяхъ. Простаго сопоставленія текстовъ иногда достаточно для опредѣленія, что̀ написано самимъ Кольцовымъ; въ случаяхъ, требующихъ объясненія, приходятъ на помощь наши «Краткія примѣчанія», напечатанныя въ концѣ книжки.

Стихотворенія Кольцова сами собою распадаются на три рода: пѣсни и картины русскаго народнаго быта, въ которыхъ самобытный талантъ поэта выразился съ наибольшей силой; «думы», свидѣтели его духовной жизни, отражающія стремленіе большаго, но неискушеннаго наукой ума постигнуть основные вопросы міровой жизни; наконецъ разныя лирическія произведенія, въ которыхъ Кольцовъ является почти всегда подражателемъ, стремящимся примкнуть къ общему теченію литературы, писать, какъ всѣ; строгой границы между этими родами, конечно, нѣтъ, и нѣкоторыя риѳмованныя «пѣсни» по названію всецѣло должны быть причислены къ третьему роду Кольцовскихъ стихотвореній. Сообразно съ этимъ, мы и раздѣлили стихотворенія Кольцова на три отдѣла, расположивъ ихъ въ каждомъ въ хронологическомъ порядкѣ. Затѣмъ желающіе найдутъ въ «Приложеніи» первоначальные опыты нашего поэта, позволяющіе видѣть послѣдовательное развитіе его мощнаго дарованія, и наконецъ стихотворенія, которыя приписывались Кольцову съ бо̀льшими или меньшими основаніями.

Въ заключеніе считаемъ своимъ долгомъ принести искреннюю благодарность Л. Н. Майкову, И. А. Бычкову, В. И. Саитову, В. П. Ламбину и И. М. Болдакову, со стороны которыхъ мы встрѣчали всегда благосклонное вниманіе и помощь во время занятій нашихъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

А. В.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ.

(Біографическій очеркъ).

Въ личной жизни поэта поэтическія произведенія его всегда находятъ глубокое объясненіе, выигрывая отъ того въ глазахъ читателей въ силѣ и значеніи. Старая истина эта особенно примѣнима къ такому поэту, какъ Кольцовъ, съ самаго дѣтства и до конца жизни находившій источникъ своихъ вдохновеній почти исключительно въ самомъ себѣ и окружающей природѣ и жизни, безъ помощи образованія и соединеннаго съ нимъ обширнаго круга идей.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ родился въ Воронежѣ 2 октября 1808 года, въ мѣщанской, но довольно богатой семьѣ. Отецъ его занимался ремесломъ прасола: закупалъ скотъ, выпасывалъ его на наемныхъ поляхъ и въ степяхъ, продавалъ его, торговалъ и мясомъ, кожами, овчинами и шерстью. Предки его то записывались въ купцы, то переставали вносить гильдейскія и снова становились мѣщанами; и самъ Василій Петровичъ, вращаясь въ купечествѣ, могъ бы записаться въ купцы, если бы къ тому представилась необходимость; старшая дочь его, Марья, вышла замужъ за богатаго судопромышленника, Башкирцева, игравшаго затѣмъ видную роль въ городѣ. Такимъ образомъ Кольцовъ-отецъ бѣденъ не былъ. Но по своему образу жизни, по своимъ понятіямъ и воззрѣніямъ, онъ не выходилъ изъ обыкновенной мѣщанской среды, и одѣвался по-мѣщански. Будущій поэтъ, естественно, прожилъ свое дѣтство и юность въ условіяхъ обычной тогда мѣщанской жизни. Предоставленный въ дѣтствѣ самому себѣ, ребенокъ, какъ и всѣ его товарищи, любилъ бродить босикомъ по лужамъ и мокрой травѣ, и это едва не отозвалось на его здоровьѣ серьезными послѣдствіями: онъ чуть не лишился ногъ, долго былъ боленъ. Въ концѣ концовъ, однако, онъ росъ крѣпкимъ и здоровымъ мальчикомъ. Его безпризорное «воспитаніе», если можно въ данномъ случаѣ употребить это слово, проходило подъ крылышкомъ матери, очень любившей его; отецъ былъ строгъ, но въ этой строгости не было ничего въ той средѣ необыкновеннаго, и скорѣе свидѣтельствовало объ извѣстной нравственной требовательности. Бѣлинскій

утверждаетъ, что Кольцовъ «не могъ набраться не только какихъ-нибудь нравственныхъ правилъ или усвоить себѣ хорошія привычки, но и не могъ обогатиться никакими хорошими впечатлѣніями, которыя для юной души важнѣе всякихъ внушеній и толкованій»; что онъ видѣлъ вокругъ себя домашнія хлопоты, мелочную торговлю съ ея продѣлками, слышалъ грубыя и не всегда пристойныя рѣчи даже отъ тѣхъ, изъ чьихъ устъ ему слѣдовало бы слышать одно хорошее», и что только «къ благодатной натурѣ Кольцова не приставала грязь, среди которой онъ родился и на лонѣ которой былъ воспитанъ...» Въ дѣйствительности, какъ это показали Де-Пуле и Малыхинъ, собравшіе о жизни Кольцова многія любопытныя свѣдѣнія, ничего подобнаго не было; и самъ Кольцовъ, уже въ возрастѣ, какъ увидимъ, не относился и не имѣлъ основаній относиться такъ отрицательно къ средѣ, воспитавшей его: въ ней было далеко не одно дурное.

Когда мальчику минуло девять лѣтъ, его стали учить грамотѣ: для этого приглашенъ былъ какой-то воронежскій семинаристъ. Кольцовъ учился настолько успѣшно, что могъ миновать приходское училище и поступилъ прямо въ уѣздное. Курса, однако, онъ не кончилъ: онъ умѣлъ читать, писать и считать, и отецъ взялъ его въ половинѣ учебнаго года изъ втораго класса училища, находя, что сыну бóльшаго знать не нужно. Можно предположить, что въ уѣздномъ училищѣ учился Кольцовъ не блестяще; по крайней мѣрѣ вынесъ изъ него онъ не много, и Бѣлинскій не замѣтилъ въ немъ «никакихъ признаковъ элементарнаго образованія».

Кольцовъ взятъ былъ изъ училища между прочимъ и потому, что отецъ нуждался въ помощникѣ, которому онъ могъ бы вполнѣ довѣрять. Для юноши наступила дѣйствительная жизнь, со всѣми ея тревогами. Вѣрный своему отрицательному, почти презрительному отношенію къ средѣ, изъ которой вышелъ поэтъ, Бѣлинскій говоритъ, что «Кольцовъ окунулся въ омутъ довольно грязной дѣйствительности; но онъ какъ будто и не замѣтилъ ея: его юной душѣ полюбилось широкое раздолье степи». Стихотворенія Кольцова не совсѣмъ соотвѣтствуютъ этому взгляду на дѣло. Уже много позже, въ 1828 году, онъ писалъ въ «Ночлегѣ чумаковъ»:

Я познакомился со свѣтомъ...
И, если бы... да въ добрый часъ!
Готовъ остаться я у васъ!.. и проч.

Такъ или иначе, но Кольцовъ, съ его страстной душой, жилъ впечатлѣніями природы и жизни народной, находя въ нихъ мотивы для поэтическихъ вдохновеній, а не для отрицанія, кото-

раго въ его стихотвореніяхъ почти совершенно нѣтъ. Книги сдѣлали другое дѣло—вывели его на литературный путь.

Еще въ уѣздномъ училищѣ Кольцовъ пристрастился къ чтенію. Первыя книги, которыя попались ему подъ руку, были сказки о Бовѣ-Королевичѣ, Еруланѣ Лазаревичѣ и т. п. «На Руси», справедливо замѣчаетъ Бѣлинскій, «не одна одаренная богатою фантазіею натура, подобно Кольцову, начала съ этихъ сказокъ свое литературное образованіе. Охота къ сказкамъ всегда есть вѣрный признакъ въ ребенкѣ присутствія фантазіи и наклонности къ поэзіи, — и переходъ отъ сказокъ къ романамъ и стихамъ очень естественен». Любовь къ чтенію была въ Кольцовѣ такъ велика, что на деньги, получаемыя имъ отъ отца на игрушки и лакомства, онъ сталъ покупать книги, зачитывался ими и — любопытный фактъ, сообщаемый Бѣлинскимъ, конечно со словъ самого Кольцова — возъимѣлъ охоту и самъ составлять что-нибудь въ ихъ родѣ. Отъ чтенія сказокъ будущій поэтъ перешелъ къ романамъ, которыхъ не мало было у одного изъ его товарищей, сына купца, сосѣда. Кольцову больше всего понравились изъ этой библіотеки арабскія сказки «Тысяча и одна ночь» и «Кадмъ и Гармонія» Хераскова. Товарищъ его умеръ и отъ него досталось ему на память 70 книгъ, между которыми были и стихотворенія. Кольцову было въ то время лѣтъ около 15.

Читая урывками, въ свободное время, онъ не успѣлъ прочитать и этихъ книгъ, когда одно обстоятельство, по внѣшности совершенно незначительное, сдѣлалось для него роковымъ. Какъ-то разъ онъ купилъ на рынкѣ за сходную цѣну стихотворенія Дмитріева. Онъ началъ читать ихъ, и стихи ему очень понравились. Бѣлинскій разсказываетъ, что онъ *пѣлъ* стихи Дмитріева. «Ему казалось, что стихи нельзя читать, но должно ихъ пѣть: такъ заключалъ онъ по пѣснямъ, между которыми и стихами не могъ тотчасъ же не замѣтить близкаго сходства.» Многія пьесы онъ выучилъ наизусть; особенно ему понравился «Ермакъ». Какъ со сказками, такъ и тутъ, Кольцовымъ овладѣло желаніе самому слагать такія же звучныя строфы съ риѳмами. Онъ не имѣлъ никакого понятія о стихосложеніи, не было у него и о чемъ писать. Совершенно оригинальное обстоятельство выручило его, давъ ему тему, и онъ принялся за сочиненіе стиховъ. Бѣлинскій такъ разсказываетъ объ этомъ: «Одному изъ его (Кольцова) пріятелей приснился странный сонъ, повторявшійся три ночи сряду. Въ молодыя лѣта всякій сколько-нибудь странный или необыкновенный сонъ имѣетъ для насъ таинственное и пророческое значеніе. Пріятель Кольцова былъ сильно пораженъ своимъ сномъ и разсказалъ его Кольцову, чѣмъ и произвелъ на него такое

глубокое впечатлѣніе, что тотъ сейчасъ же рѣшился описать его стихами. Оставшись одинъ, Кольцовъ занялся за дѣло, не имѣя никакого понятія о размѣрѣ и версификаціи: выбралъ одну піесу Дмитріева и началъ подражать ея стиху. Первый стиховъ десятокъ достался ему съ большимъ трудомъ, остальные пошли легче, и въ ночь готова была чудовищная пьеса, подъ названіемъ «Три видѣнія», которую онъ потомъ истребилъ, какъ слишкомъ неудачный опытъ. Но какъ ни плохъ былъ этотъ опытъ, однако-жъ онъ навсегда рѣшилъ поэтическое призваніе Кольцова: послѣ него онъ почувствовалъ рѣшительную страсть къ стихотворству. Ему хотѣлось и читать чужіе стихи, и писать свои, такъ что съ этихъ поръ онъ уже неохотно читалъ прозу и сталъ покупать только книги, писанныя стихами.» Въ Воронежѣ тогда существовала небольшая книжная лавка и при ней нѣчто въ родѣ библіотеки для чтенія, купца Кашкина; въ ней Кольцовъ нашелъ и купилъ сочиненія Ломоносова, Державина, Богдановича, читалъ ихъ и пробовалъ имъ подражать. Насколько удачны его произведенія, онъ не зналъ, и это побудило его показать ихъ Кашкину.

По словамъ Бѣлинскаго, книгопродавецъ этотъ «былъ человѣкъ необразованный, но не глупый и добрый». Но Де-Пуле, лично знавшій Кашкина, даетъ нѣсколько иное представленіе объ этомъ человѣкѣ. «Дмитрій Антоновичъ Кашкинъ», говоритъ онъ, «былъ въ своемъ родѣ и въ свое время замѣчательностью. Воронежскій уроженецъ, принадлежа къ купеческому сословію, онъ велъ сначала довольно выгодную торговлю хлѣбомъ, но страсть къ чтенію и самообразованію заставила его обратиться къ новой (кажется, еще небывалой въ Воронежѣ) дѣятельности—книжной торговлѣ... Ставши «книжникомъ» (такъ называли тогда книгопродавцевъ), онъ предался страстно чтенію и достигнулъ замѣчательныхъ, по времени, успѣховъ въ самообразованіи: онъ довольно правильно владѣлъ литературнымъ языкомъ и... даже... писалъ стихи.» Онъ самоучкою выучился рисовать и играть на гусляхъ и фортепьяно. Это былъ художникъ по натурѣ, никогда не заботившійся о своей выгодѣ и умершій бѣднякомъ. Такое же представленіе даетъ о немъ и Малыхинъ, бывшій редакторомъ газеты въ Воронежѣ. Въ стихотворномъ письмѣ Кольцова (см. стр. 117) къ Кашкину есть мѣсто, всего краснорѣчивѣе говорящее за такое воззрѣніе на Кашкина.

Этой-то оригинальной и самобытной личности мы и обязаны первыми успѣхами Кольцова на пути къ литературной дѣятельности. По разсказу Де-Пуле, Кашкинъ, тогда еще молодой человѣкъ, хотя много старше Кольцова, обратилъ вниманіе на мальчика, невзрачной наружности, плохо одѣтаго, но читающаго

и даже покупающаго книги, и приласкалъ его. Кольцовъ сталъ ходить чаще и рѣшился довѣриться авторитету Кашкина. Онъ показалъ ему «Три видѣнія» и другіе стихи свои. Кашкинъ сказалъ откровенно, что стихи плохи, но чтобы писать хорошіе, нужно познакомиться съ правилами стихосложенія, — и подарилъ Кольцову «Русскую Просодію», предложивъ въ то же время пользоваться книгами изъ его библіотеки безплатно. Книги, которыя Кольцову особенно нравились, онъ покупалъ, и въ его библіотекѣ появились сочиненія Жуковскаго, Пушкина, Дельвига. Насколько знакомство и дружба съ Кашкинымъ имѣли значеніе въ жизни Кольцова, видно уже изъ того факта, что именно съ 1826 года онъ начинаетъ быть извѣстнымъ въ Воронежѣ въ качествѣ стихотворца, а въ 1827 имъ написаны стихотворенія, вошедшія во всѣ изданія. Изъ вышесказаннаго очевидно, что оригинальный и сильный талантъ Кольцова развивался долго исключительно подъ вліяніемъ впечатлѣній отъ русской природы и народной жизни, и личностей, принадлежавшихъ къ тому общественному слою, къ которому принадлежалъ и онъ самъ.

Когда Кольцову исполнилось 17 лѣтъ, съ нимъ совершилось событіе, имѣвшее огромное вліяніе на его душевную жизнь. Въ домѣ ихъ всегда была крѣпостная женская прислуга, покупаемая, конечно, на имя какого-нибудь помѣщика. Одна изъ такихъ служанокъ, жившая, впрочемъ, болѣе въ качествѣ подруги и помощницы сестеръ поэта, отличалась замѣчательной красотою,— и онъ влюбился въ нее. Чувство его не осталось безъ отвѣта со стороны дѣвушки, разсчитывавшей выйти замужъ за Кольцова. Связь не могла быть долго скрываема, и отецъ, воспользовавшись отсутствіемъ сына, бывшаго въ степи, продалъ дѣвушку. Возвратившись домой и не найдя любимой дѣвушки, Кольцовъ былъ такъ пораженъ этимъ несчастіемъ, что схватилъ сильную горячку, отъ которой едва не умеръ. Оправившись, онъ бросился отыскивать дѣвушку; но всѣ поиски не привели ни къ чему. «Результатомъ ихъ было извѣстіе», говоритъ Бѣлинскій, слышавшій подробности эти отъ самого Кольцова въ 1838 году уже, «что несчастная жертва разсчета, попавшись въ донскія степи, въ казачью станицу, скоро зачахла и умерла въ тоскѣ разлуки и въ мукахъ жестокаго обращенія...» Такъ, вѣроятно, и представлялось дѣло Кольцову, которому могли сообщить что-нибудь подобное, чтобы разъ навсегда прекратить его поиски; вѣроятнѣе же другой эпилогъ романа, передаваемый Де-Пуле: по нему дѣвушка «вышла замужъ за урядника, жила счастливо, пріѣзжала, уже послѣ смерти Кольцова, въ Воронежъ и была въ домѣ Кольцовыхъ, у матери и сестры поэта».

Послѣ этого происшествія, Кольцовъ еще съ большею страстью отдался литературѣ. Видя, что стихотворство не мѣшаетъ ему въ дѣлѣ, отецъ, сначала косо смотрѣвшій на «баловство» сына, въ концѣ концовъ оставилъ его въ покоѣ. Между тѣмъ Кольцовъ пріобрѣталъ новыя знакомства, изъ которыхъ два имѣли на его литературную судьбу вліяніе сильное и рѣшительное. Во-первыхъ, онъ познакомился и близко сошелся съ семинаристомъ Серебрянскимъ, человѣкомъ выдающимся по уму и поэтическому чувству, и ему онъ много обязанъ своими успѣхами въ литературныхъ занятіяхъ. Серебрянскій указывалъ Кольцову недостатки его произведеній, дурныя прямо уничтожалъ, лучшія исправлялъ. Между нимъ и поэтомъ завязались совершенно дружескія отношенія, не прекращавшіяся и послѣ, когда Серебрянскій поступилъ въ Медицинскую Академію, въ бытность въ которой онъ, впрочемъ, скоро умеръ отъ чахотки. Другое знакомство, повліявшее сильно на Кольцова, было съ извѣстнымъ Н. В. Станкевичемъ, сыномъ богатаго острогожскаго помѣщика, разбогатѣвшаго отъ винныхъ откуповъ. Знакомство это было случайное, близкихъ отношеній на вызвавшее; но талантливый юноша, впослѣдствіи глава извѣстнаго московскаго кружка̀, очень заинтересованъ былъ «поэтомъ-прасоломъ» и оказалъ ему, какъ увидимъ, нѣкоторыя услуги въ смыслѣ облегченія ему выступленія на литературное поприще.

Въ концѣ 20-хъ годовъ Кольцовъ узналъ отъ Кашкина, что въ Воронежъ пріѣхалъ изъ Одессы «литераторъ», нѣкто Сухачевъ, который желаетъ съ нимъ познакомиться. Кольцовъ явился къ нему съ тетрадкою своихъ стихотвореній. Сухачевъ былъ бездарный стихослагатель, который воспользовался тетрадкою своеобразно: вскорѣ (въ 1830 году) въ Москвѣ появились съ его именемъ «Листки изъ записной книжки», и въ этой тоненькой книжкѣ оказались напечатанными три стихотворенія Кольцова (а не одно, какъ обыкновенно говорятъ), да и въ четвертомъ множество стиховъ тоже Кольцовскихъ. Поэту, однако, не было это непріятно; напротивъ, онъ былъ доволенъ тѣмъ, что видѣлъ свои стихи уже напечатанными. Благодаря одному изъ своихъ знакомыхъ-покровителей, Кольцовъ въ слѣдующемъ году напечаталъ въ московской плохой газетѣ *Листокъ* и еще нѣсколько стихотвореній, подписанныхъ уже его полнымъ именемъ. Въ то же время Станкевичъ послалъ одно изъ стихотвореній, именно «Перстень» (въ изд. «Кольцо») въ *Литер. Газету*, гдѣ его и напечатали. Поэтъ-прасолъ обратилъ на себя въ литературныхъ кругахъ нѣкоторое вниманіе: имъ заинтересовались. Въ томъ же 1831 году Кольцову случилось быть, по дѣламъ отца, въ Москвѣ. Онъ остановился у Станкевича и сдѣлалъ нѣсколько знакомствъ,

которыя ему позже пригодились; тогда онъ познакомился и съ Бѣлинскимъ. Станкевичъ, между тѣмъ, предложилъ Кольцову отдѣльно издать нѣкоторыя его стихотворенія. По его собственнымъ словамъ, онъ въ одинъ вечеръ сдѣлалъ подписку съ этой цѣлію, выбралъ изъ довольно большой тетрадки 18 стихотвореній, и въ 1835 году появилась маленькая опрятная книжка, которая обратила на Кольцова общее вниманіе. «Правда», говоритъ Бѣлинскій, «тутъ больше всего дѣйствовало волшебное словцо: *поэтъ-самоучка*, *поэтъ-прасолъ*»; но послѣдовавшая затѣмъ популярность Кольцова говоритъ, что внутреннія свойства поэзіи Кольцова играли въ этомъ случаѣ значительную роль. Такъ или иначе, но Кольцовъ сдѣлался извѣстностью.

Въ 1836 году, по дѣламъ отца, онъ долженъ былъ долгое время пробыть въ Москвѣ и Петербургѣ, коротко сблизился съ Бѣлинскимъ, а черезъ него познакомился и со многими московскими литераторами. Въ Петербургѣ онъ былъ дружески принятъ кн. В. Одоевскимъ, Пушкинымъ, Жуковскимъ, кн. Вяземскимъ. Новыя знакомства оказались для него очень цѣнными и въ чисто дѣловомъ отношеніи: запутанныя тяжебныя дѣла, которыя могли бы продолжаться годы, при помощи Жуковскаго, Одоевскаго и кн. Вяземскаго шли иначе, болѣе быстро. Практическій Василій Петровичъ оцѣнилъ эту сторону дѣла хорошо, и сыну его, съ его стихотворствомъ, стало житься легче. Нужно сказать, что въ литературныхъ отношеніяхъ своихъ Кольцовъ обнаружилъ свой необыкновенный умъ и много такта. Вотъ что разсказываетъ Тургеневъ о встрѣчѣ съ нимъ на вечерѣ у Плетнева: «...Въ комнатѣ находился еще одинъ человѣкъ, одѣтый въ длиннополый двухбортный сюртукъ, короткій жилетъ съ голубой бисерной часовой цѣпочкой и шейный платокъ съ бантомъ; онъ сидѣлъ въ уголку, скромно подобравъ ноги, и изрѣдка покашливалъ, торопливо поднося руку къ губамъ. Человѣкъ этотъ поглядывалъ кругомъ не безъ застѣнчивости, прислушивался внимательно; въ глазахъ его свѣтился умъ необыкновенный, но лицо у него было самое простое, русское... Это былъ Кольцовъ... Плетневъ сталъ было просить Кольцова прочесть свою послѣднюю «думу» (чуть ли не «Божій міръ»); но тотъ чрезвычайно сконфузился и принялъ такой растерянный видъ, что Петръ Александровичъ не настаивалъ». Тургеневъ вышелъ съ Кольцовымъ отъ Плетнева вмѣстѣ и предложилъ довезти его до дому въ своихъ саняхъ. Кольцовъ согласился—«и всю дорогу покашливалъ и кутался въ свою худую шубенку». Тургеневъ спросилъ, зачѣмъ онъ не хотѣлъ прочесть свою «думу».—«Что же это я сталъ бы читать-съ», отвѣчалъ онъ съ досадой,—«тутъ

Александръ Сергѣевичъ только что вышелъ, а я бы читать сталъ! Помилуйте-съ!»—Кольцовъ благоговѣлъ предъ Пушкинымъ».

Въ 1837 году Воронежъ посѣтилъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ. Съ нимъ пріѣхалъ и Жуковскій. Онъ тотчасъ же послалъ за Кольцовымъ и проводилъ съ нимъ все свое свободное время, былъ у него въ домѣ, познакомился съ семьей его, пилъ чай. «Весь городъ видѣлъ», говоритъ Де-Пуле, «какъ знаменитый поэтъ и воспитатель Наслѣдника Престола прогуливался (пѣшкомъ и въ экипажѣ) по городу вмѣстѣ съ поэтомъ-прасоломъ, гдѣ и надъ чѣмъ они останавливались, гдѣ присаживались для отдыха». Вѣроятно, Кольцовъ былъ представленъ Наслѣднику. Городъ изумлялся, не говоря уже о родныхъ Кольцова. Отецъ его былъ, конечно, въ восторгѣ. Жизнь, повидимому, складывалась для нашего поэта необыкновенно благопріятно; теперь уже ему не стали бы мѣшать въ его литературныхъ трудахъ. Но вскорѣ, какъ увидимъ, обстоятельства какъ-то круто повернулись въ дурную сторону.

Въ 1838 году Кольцовъ опять былъ по дѣламъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ этотъ разъ онъ особенно долго прожилъ въ Москвѣ и все тѣснѣе и тѣснѣе сближался съ Бѣлинскимъ. Нужно думать, что Бѣлинскій имѣлъ на него именно въ это время наибольшее вліяніе. По стихотвореніямъ Кольцова можно прослѣдить, что прежде занимавшіе его и выражавшіеся въ «думахъ» философскіе вопросы, въ этотъ 1838 годъ его оставляютъ; ни одной думы имъ не написано. Вѣроятно, на тревожившія его сомнѣнія онъ получалъ объясненія и отвѣты. Письма Кольцова, писанныя послѣ 1838 года, подтверждаютъ сказанное какъ нельзя болѣе. Въ Кольцовѣ совершается несомнѣнное раздвоеніе. Жизнь, окружавшая его въ Воронежѣ и въ поляхъ и степяхъ, и дававшая ему поэтическіе мотивы, вызывала съ его стороны уже нѣсколько отрицательное отношеніе. По возвращеніи въ Воронежъ, онъ нашелъ «дѣла комерціи разстроенными порядочно» и «новыхъ непріятностей кучу», но все это сдѣлалось для него «будто предметами посторонними и до меня почти не касающимися». «Я теперь гляжу на себя, и не узнаю», писалъ онъ. Старикъ отецъ съ нимъ хорошъ; Воронежъ принялъ его «противу прежняго въ десять разъ радушнѣе»; встрѣчные «такъ любопытно глядѣли» на него, «какъ на заморскую чучелу». Но онъ уже съ знакомыми «расходится по-маленьку»—«наскучили мнѣ ихъ разговоры пошлые», замѣчаетъ онъ. «Я хотѣлъ съ пріѣзда увѣрить ихъ», пишетъ Кольцовъ, «что они криво смотрятъ на вещи, ошибочно понимаютъ; толковалъ такъ и сякъ. Они надо мной смѣются, думаютъ, что я несу имъ вздоръ. Я повер-

нулъ себя отъ нихъ на другую дорогу; хотѣлъ ихъ поучить— да ба!—и вотъ какъ съ ними поладилъ: все ихъ слушаю, думая самъ про себя о другомъ; всѣхъ ихъ хвалю во всю мочь; всѣ они у меня люди умные, ученые, прекрасные поэты, философы, музыканты, живописцы, образцовые чиновники, образцовые книгопродавцы; и они стали мной довольны,—и я самъ про себя смѣюсь надъ ними отъ души...»

Изъ всего этого вышли послѣдствія печальныя. Всѣ близкіе и знакомые отвернулись отъ Кольцова; въ семьѣ пошли тоже непріятности: отецъ, такъ благоволившій къ сыну, теперь съ нимъ все болѣе и болѣе расходился; любимая и преданная ему сестра—сдѣлалась ему чуть не врагомъ. Кольцовъ очутился одинокимъ, а между тѣмъ здоровье его пошатнулось. При этихъ условіяхъ его внутренняя неудовлетворенность росла. «У меня давно уже лежитъ на душѣ грустное сознаніе», писалъ онъ, «что въ Воронежѣ долго мнѣ не сдобровать. Давно живу я въ немъ и гляжу вонъ, какъ звѣрь. Тѣсенъ мой кругъ, грязенъ мой міръ, горько жить мнѣ, и я не знаю, какъ я еще не потерялся въ немъ давно». Въ Петербургѣ, гдѣ въ это время уже былъ Бѣлинскій, строились проекты сдѣлать Кольцова то управляющимъ книжною лавкою, основанною на акціяхъ, то завѣдующимъ конторою *Отечественныхъ Записокъ* Краевскаго. Съ умомъ глубоко практическимъ, съ знаніемъ жизни въ ея всякихъ сторонахъ, Кольцовъ, самъ хозяинъ значительнаго промысла, конечно, не могъ сдаться на эфемерныя предложенія. «Первое предложеніе», пишетъ Бѣлинскій, «было ему совершенно не по душѣ: сумма акцій была незначительная, а онъ (Кольцовъ) былъ убѣжденъ, что начинать какую бы то ни было торговлю можно только съ большимъ капиталомъ, и что иначе поневолѣ выйдетъ или разореніе, или не торговля, а торгашество, со всѣми его продѣлками». И Кольцовъ грустно угасалъ въ своемъ Воронежѣ.

Ко всему этому присоединилось обстоятельство, отозвавшееся пагубно и на душевномъ состояніи, и на здоровьѣ Кольцова. «Страстною любовью озарился восходъ его жизни», говоритъ Бѣлинскій, «пышнымъ, багрянымъ, но зловѣщимъ блескомъ страстной любви озарился и закатъ его жизни. Закрывъ глаза на все, полною чашею, съ безумной жадностью, пилъ нашъ страдалецъ отвратительные восторги. На бѣду его, эта женщина была совершенно по немъ—красавица, умна, образована». Въ дѣйствительности эта женщина, которою увлекся поэтъ, была особа, значительно потерянная; сблизившись съ Кольцовымъ очень легко, она еще легче бросила его, умчавшись изъ города съ какимъ-то офицеромъ. Къ ней именно относится стихотвореніе «Къ ***» (стр. 139).

Осенью 1840 года Кольцовъ опять былъ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, опять по тяжебнымъ дѣламъ отца. Около трехъ мѣсяцевъ прожилъ онъ въ Петербургѣ «у одного изъ друзей», по словамъ Бѣлинскаго; подъ этимъ другомъ разумѣется самъ Бѣлинскій. Новый 1841 годъ онъ встрѣтилъ шумно и весело, въ кругу московскихъ друзей Бѣлинскаго, гдѣ находились Грановскій, Щепкинъ, Кетчеръ, Клюшниковъ и проч. Хотѣлъ онъ остаться въ одной изъ столицъ и просилъ у отца денегъ, вѣроятно для того, чтобы открыть какое-нибудь дѣло. «Денегъ нѣтъ ни копѣйки», отвѣтилъ отецъ, «а что дѣло (для котораго Кольцовъ ѣздилъ) кончилось хорошо,—мнѣ все равно, хоть бы кончилось и дурно. Мнѣ 68 лѣтъ и жить осталось меньше, чѣмъ вамъ. Я уже слышалъ, что ты хочешь остаться въ Питерѣ,—съ Богомъ, въ святой часъ, благословеніе дамъ, и больше ничего».

Кольцовъ вернулся въ Воронежъ. Онъ былъ совершенно больной. Дѣла онъ нашелъ въ разстройствѣ и принялся ихъ устраивать. «Онъ долженъ былъ жить и трудиться безъ копѣйки въ карманѣ», замѣчаетъ Бѣлинскій. Болѣзнь шла все хуже и хуже. Вражда окружающихъ, при несомнѣнной относительной грубости нравовъ среды, отзывалась на Кольцовѣ тяжело. Въ домѣ случилась свадьба; черезъ его комнату, гдѣ онъ лежалъ больной, началась бѣготня; то и дѣло мыли полы, а сырость была для него убійственна. Такъ прожилъ Кольцовъ, одинокій и заброшенный, лишь изрѣдка посѣщаемый дорожившими его поэтическимъ талантомъ лицами, до осени 1842 года. По временамъ онъ все еще мечталъ, по выздоровленіи, переѣхать въ Петербургъ, хотя мысль эта не особенно улыбалась его практическому уму, богатому опытомъ. «Пріѣхавши туда, что я буду дѣлать?» писалъ онъ, и ясно указывалъ, что вѣдь ему, въ сорокъ лѣтъ, можетъ выпасть возможность—нищенствовать.

Смерть разрѣшила сложную задачу. 19 октября 1842 года, Кольцовъ умеръ.

Теперь, на родинѣ Кольцова, бульваръ въ самомъ центрѣ Воронежа называется его именемъ и поэту воздвигнутъ публичный памятникъ.

А. В.

Стихотворенія.

Пишу не для мгновенной славы:
Для развлеченья, для забавы,
Для милыхъ, искреннихъ друзей,
Для памяти минувшихъ дней.
1827 г. дек. 14.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Пѣсни и бытовыя картины.

1827.

ПѢСНЯ.

Если встрѣчусь съ тобой,
Иль увижу тебя,—
Чтò за трепетъ-огонь
Разольется въ душѣ!

Если взглянешь, душа,—
Я горю и дрожу,
И безчувственъ и нѣмъ
Предъ тобою стою!

Если молвишь мнѣ чтò,—
Я на рѣчи твои,
На привѣты твои
Чтò сказать не сыщу.

А лобзаньямъ твоимъ,
А восторгамъ твоимъ,—
На землѣ, у людей
Выраженья имъ нѣтъ!

Дѣва, радость души!
Это жизнь,—мы живемъ!
Не хочу я другой
Жизни въ жизни моей!

1828.

РАЗМОЛВКА. *)

Теперь яснѣй
Ужъ вижу я,
** Любви огонь [1])
Давно потухъ
Въ груди твоей. [2])
Бывало ты —
Сестра и другъ;
Бывало ты —
Совсѣмъ не та!
А нынче — грѣхъ
И вымолвить —
Какъ ты со мной
Суха, дика
И сумрачна! **)
Незваный гость,
Долой съ двора!
Немилый другъ,
Не знай меня!
Ахъ, радъ не радъ,—
Пришлось и мнѣ
Сказать съ слезой:
Прости, прощай,
Любезный другъ—
И недругъ мой!...

1829.

* * *

Люди добрые, скажите,
Люди добрые, не скройте:

---

[1]) *Что огнь* любви
[2]) Въ груди твоей.
Но что виной —
Могу-ли знать?
Бывало ты—

1828 г.
Рукоп. И. Публ. Библ

---

*) **Посланіе.**
**) Что *дружбы огнь*
Давно потухъ
Въ груди твоей.
Но что виной
Могу-ли знать?
Бывало ты
Мнѣ другъ и братъ;
А нынче—грѣхъ
И вымолвить,
Какъ ты ко мнѣ
Суровъ, угрюмъ!
Молчанье, взоръ,
Движенье, видъ,
Какъ бы твердятъ:

1829 г., марта 28.
„Отеч. Зап.“ 1867, т. 170.

Гдѣ мой милый?.. Вы молчите!
Злую-ль тайну вы храните?

За далекими-ль горами
Онъ живетъ одинъ, тоскуя?
За степями-ль, за морями
Счастливъ съ новыми друзьями?

Вспоминаетъ-ли порою,
Чья любовь къ нему до гроба?
Иль, забывъ меня, съ другою
Связанъ клятвой вѣковою?

Иль ужъ ранняя могила
Приняла его въ объятья?
Чья-жъ слеза ее кропила?
Чья душа о немъ грустила?

Люди добрые, скажите,
Люди добрые, не скройте:
Гдѣ мой милый?.. Вы молчите!
Злую тайну вы храните!

Изданіе 1835 г.

ПѢСНЯ.

Увижу-ль я дѣвушку,
Увижу-ль я красную,
Забьется неволею
Сердечко удалое —
Любовію чистою.

«Полюбишь-ли, дѣвушка,
Полюбишь-ли, красная,
Безъ модной учтивости,
Любовію вѣрною
Удалаго молодца?

«Ахъ, что же ты, дѣвушка,
Ахъ, что же ты, красная,
Стыдишься? Аль, милая,
Любить не намѣрена
Удалаго молодца?»

— Любила-бъ я молодца,
Любила-бъ удалаго...
Но мнѣ-ли сироточкѣ
Безкровной и бѣдненькой
Ласкаться любовію? —

«Желаю-ль я, дѣвушка,
Желаю-ль я, красная,
Палатъ раззолоченныхъ,
Богатствомъ украшенныхъ
И блескомъ обманчивыхъ?

«Люблю тебя, милую,
Люблю тебя, юную,
За характеръ добренькій,
За стыдливость дѣтскую,
Всѣмъ дѣвицамъ сродную».

1829 г., ноября 16.
Тетради Кольцова. („Отеч. Зап." 1867 г., т. 170).

ТЕРЕМЪ.

Тамъ, гдѣ теремъ тотъ стоитъ,
Я люблю всегда ходить
Ночью тихой, ночью ясной,
Въ благовонный май прекрасный!

Чѣмъ же теремъ этотъ милъ?
Чѣмъ меня онъ такъ плѣнилъ?
Онъ не пышный, онъ не новый,
Онъ бревенчатый — дубовый.

Ахъ, въ томъ теремѣ простомъ
Есть съ раскрашеннымъ окномъ
Разубранная свѣтлица:
Въ ней живетъ душа-дѣвица.

Какъ-то встрѣтился я съ ней —
Не свожу съ тѣхъ поръ очей;
Красна-жъ дѣвица не знаетъ,
По комъ грудь моя вздыхаетъ.

Разрывайся, грудь моя!
Буду суженымъ не я:
Тотъ богатый; я безъ хаты —
Цѣлый міръ мои палаты!

Вѣщунъ-сердце говоритъ:
Жить тебѣ, дѣтинкѣ, жить
Не съ женою молодою —
Съ чужой дальней стороною...

1830.

СОВѢТЪ СТАРЦА.

Скучно съ жизнью старческой—
Скучно, други, въ мірѣ жить;
Грустно, среди пиршества,
О могилѣ взгадывать,
И, съ сѣдою мудростью,
Къ ней, наморщась, двигаться.
Поспѣшайте-жъ, юноши,
Наслаждаться жизнію!
Отпируйте въ радости
Праздникъ вашей юности!
Много-ль разъ роскошная
Въ годъ весна является?
Много-ль разъ долинушку
Убираетъ зеленью,
Муравою бархатной,
Парчой раззолоченной?
Не одно-ль мгновеніе
И веснѣ, и юности?

Изд. 1835 г.

КОЛЬЦО. [1])

Я затеплю свѣчу
Воску ярова,
Распаяю кольцо
Друга милова... [2])

Загорись, разгорись,
Роковой огонь!
Распаяй, растопи
Чисто золото! [3])

Безъ него, для меня
Ты не надобно; [4])
Безъ него на рукѣ
Камень на сердцѣ.

Что взгляну, то вздохну,
[5] Затоскуюся.

---

[1]) **Русская пѣсня.**
Рукоп. И. Публ. Библ.
[1]) **Перстень.**
[2]) Чисто золото...
[3]) Перстень милова!
[4]) Ты не надобенъ;
[5]) Растоскуюся,
Калены, горячи
Слезы выроню.

И зальются глаза
Горькимъ горемъ слезъ. [5])

Возвратится-ли онъ?
Или вѣсточкой [6])
Оживитъ-ли меня,
Безутѣшную?

Нѣтъ надежды въ душѣ...
Ты разсыпься же
Золотою слезой,
Память милова! [7])

8 Невредимо, черно
На огнѣ кольцо,
И звенитъ по столу
Память вѣчную... [8])

„Утр. Заря" 1839.

1831.

ПѢСНЯ СТАРИКА.

Осѣдлаю коня,
Коня быстрова,
Я помчусь, полечу
Легче сокола

Чрезъ поля, за моря,
Въ дальню сторону,
Догоню, ворочу
Мою молодость!

Приберусь — и явлюсь
Прежнимъ молодцомъ,
И приглянусь опять
Краснымъ дѣвицамъ!

Но—увы!—нѣтъ дорогъ
Къ невозвратному!
Никогда не взойдетъ
Солнце съ запада!

„Молва" 1835 г., т. IX, № 11.—Изд. 1835 г.

ПѢСНЯ ПАХАРЯ.

Ну, тащися, сивка,
Пашней десятиной!

---

[6]) *Иль хоть* вѣсточкой
[7]) Перстень *горестный.*

[8]) *(Всей строфы нѣтъ).*
„Лит. Газ." 1831, № 34.

Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.
Красавица зорька
Въ небѣ загорѣлась;
Изъ большова лѣса
Солнышко выходитъ.
Весело на пашнѣ...
Ну! тащися, сивка!
Я самъ другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.
Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.
Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю...
Ну! тащися, сивка!
Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.
Его вспоитъ, вскормитъ
Мать-земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка...
Ну! тащися, сивка!
Выйдетъ въ полѣ травка—
Вырастетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.
Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ!
Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою—
Водой ключевою.
Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ — мое богатство!

„Молва" 1835 г., т. IX, № 11.—Изд. 1835 г.

1832.

ДОМИКЪ ЛѢСНИКА.

Въ темномъ лѣсѣ, за рѣкой,
Стоитъ домикъ небольшой,
Съ двумя свѣтлыми окнами,
Съ распашными воротами.

Подъ замкомъ тѣ ворота
И калитка заперта,
Чтобъ не вшелъ туда рогатый
Лѣшій, страшный и косматый;

Чтобъ не вшелъ туда упырь,
Ни проѣзжій богатырь...
Кто-жъ живетъ тутъ одиноко,
Отъ жилья кругомъ далеко?

Рыболовъ-ли небогатый?
Иль разбойникъ бородатый
Въ немъ спасается мольбой
Съ сундуками и казной?

Живетъ въ домѣ съ давнихъ поръ,
Караулитъ царскій боръ —
Лѣсной староста съ женою
Съ третьей дочкой молодою.

И для ней старикъ сѣдой *)
Замыкаетъ домикъ свой,
Чтобы въ каменны палаты
Не увезъ купецъ богатый;

Чтобъ бояринъ окружной
Не прильнулъ бы къ молодой
Безотвязной повиликой,—
Чтобъ не быть ей горемыкой. **)

---

*) Иль разбойникъ бородатый?
Тамъ спасается мольбой
Съ сундуками и казной
Лѣсной староста съ женою
Съ третьей дочкой молодою.
Онъ живетъ здѣсь съ давнихъ поръ,
Караулитъ царскій боръ.
И для ней старикъ сѣдой...

**) Чтобъ не быть ей горемыкой.
Духи лѣса, дайте мнѣ
Крылья сокола скорѣй!
Я въ полночной тишинѣ
Полечу въ объятья къ ней.
Сладострастными руками
Кругомъ шеи обовьюсь,
Ея черными глазами
Налюбуюсь, насмотрюсь;
Беззаботно къ груди полной,
Какъ пчела къ цвѣтку, прильну,
Нѣгой, счастьемъ усыпленный
Безпробудно я засну!

„Библ. д. Чт." 1836 г., т. 16.

РАЗМЫШЛЕНІЕ ПОСЕЛЯНИНА.

На восьмой десятокъ
Пять лѣтъ перегнулось,
Какъ одну я пѣсню,
Пѣсню молодую,
Пою, запѣваю
Старою погудкой;
Какъ одну я лямку
Тяну безъ подмоги!
Ровесникамъ дѣтки
Давно помогаютъ,—
Только мнѣ на свѣтѣ
Перемѣны нѣту.
Сынъ пошелъ на службу,
А другой въ могилу;
Двѣ вдовы невѣстки,
У нихъ дѣтей кучи —
Все малъ-мала-меньше;
За̀дной головою
Ничего не знаютъ,
Гдѣ пахать, что̀ сѣять —
Позабыли думать...
Богу, знать, угодно
Наказать, подъ старость,
Меня горемыку
Такой тяготою.
Сбыть съ двора невѣстокъ,
Пустить сиротъ въ люди—
Старики, на сходкѣ,
Про Кузьму что скажутъ?
Нѣтъ,—мой згадъ, ужъ лучше,
Доколь мочь и сила,
Доколь душа въ тѣлѣ,
Буду я трудиться;
Кто у Бога проситъ,
Да работать любитъ —
Тому невидимо
Господь посылаетъ.
Посмотришь: одинъ я
Батракъ и хозяинъ;
А живу чѣмъ хуже
Людей семьянистыхъ?

Лиха-бѣда въ землю
Кормилицу ржицу
Мужичку закинуть,—
А тамъ Богъ уродитъ,
Микола подсобитъ
Собрать хлѣбецъ съ поля;
Такъ его достанетъ
Годъ семью пробавить.
Посбыть подать съ шеи
И нужды поправить,
И лишней копѣйкой
Божій праздникъ встрѣтить.

Изд. 1835 г.

ПѢСНЯ.

Ты не пой, соловей,
Подъ моимъ окномъ;
Улети ты въ лѣса *)
Моей родины!

Полюби ты окно
Души-дѣвицы;
Прощебечь нѣжно ей
Про мою тоску...

Ты скажи, какъ безъ ней
Сохну, вяну я,
Что трава на степи
Передъ осенью.

Безъ нея, ночью, мнѣ
Мѣсяцъ сумраченъ;
Среди дня, безъ огня
Ходитъ солнышко.

Безъ нея, кто меня
Приметъ ласково?
На чью грудь, отдохнуть,
Склоню голову?

Безъ нея, на чью рѣчь
Улыбнуся я?
Чья мнѣ пѣснь, чей привѣтъ
Будетъ по сердцу?

---

*) Улети въ лѣса

Что-жъ поешь, соловей,
Подъ моимъ окномъ?
Улетай, улетай
Къ душѣ-дѣвицѣ!

Изд. 1835 г.

1833.

УДАЛЕЦЪ.

Мнѣ ли, молодцу
Разудалому,
Зиму-зимскую
Жить за печкою?

Мнѣ-ль поля пахать,
Мнѣ-ль траву косить,
Затоплять овинъ,
Молотить овесъ?

Мнѣ поля—не другъ,
Коса—мачиха,
Люди добрые—
Не сосѣди мнѣ.

Еслибъ молодцу
Ночь да добрый конь,
Да булатный ножъ,
Да темны лѣса!

Снаряжу коня,
Наточу булатъ,
Затяну чекмень,—
Полечу въ лѣса:

* Стану въ тѣхъ лѣсахъ
Вольной волей жить,
Удалой башкой
Въ околоткѣ слыть.

Съ кѣмъ дорогою
Сойдусь, съѣдусь ли—
Всякій молодцу
Шапку до земли!

** Оберу купца,
Убью встрѣчнаго
Мужика-глупца
За желѣзный грошъ!

Но не грѣхъ ли мнѣ
Будетъ отъ Бога
Обижать людей
За ихъ доброе?

Въ церкви попъ Иванъ
Міру гуторитъ,
Что душой за кровь
Злодѣй платится... *) **)

Лучше жъ воиномъ,
За царевъ законъ,
За крещеный міръ,
Сложить голову!..

1834.

НЕ ШУМИ ТЫ, РОЖЬ.

Не шуми ты, рожь,
Спѣлымъ колосомъ!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

Мнѣ не для чего
Собирать добро,
Мнѣ не для чего
Богатѣть теперь!

Прочилъ молодецъ,
Прочилъ доброе
Не своей душѣ —
Душѣ дѣвицѣ.

Сладко было мнѣ
Глядѣть въ очи ей,
Въ очи, полныя
Полюбовныхъ думъ!

И тѣ ясныя
Очи стухнули,
Спитъ могильнымъ сномъ
Красна-дѣвица!

Тяжелѣй горы
Темнѣй полночи

---

*) *Любо* въ тѣхъ лѣсахъ
Вольной волей жить,
Но душой за кровь
Злодѣй платится...
Изд. 1835 г.

**) (*Три строфы точекъ въ изд. 1846 г.*).

Легла на сердце
Дума чорная!

Изд. 1835 г.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПИРУШКА *).

Ворота тесовы
Растворилися,
На коняхъ, на саняхъ
Гости въѣхали;
Имъ хозяинъ съ женой
Низко кланялись,
Со двора повели
Въ свѣтлу горенку.
Передъ Спасомъ святымъ
Гости молятся;
За дубовы столы,
За набраные,
На сосновыхъ скамьяхъ
Сѣли званые.
На столахъ куръ, гусей
Много жареныхъ,
Пироговъ, ветчины
Блюда полныя.

Бахромой, кисеей
Принаряжена,
Молодая жена,
Чернобровая,
Обходила подругъ
Съ поцѣлуями,
Разносила гостямъ
Чашу горькова;
Самъ хозяинъ, за ней,
Брагой хмѣльною
Изъ ковшей вырѣзныхъ
Родныхъ потчуетъ;
А хозяйская дочь
Медомъ сыченымъ
Обносила кругомъ,
Съ лаской дѣвичей.

Гости пьютъ и ѣдятъ,
Рѣчи гуторятъ—

*) Пирушка русскихъ поселянъ.

Про хлѣба, про покосъ,
Про старинушку:
Какъ-то Богъ и Господь
Хлѣбъ уродитъ намъ?
Какъ-то сѣно въ степи
Будетъ зелено?

Гости пьютъ и ѣдятъ,
Забавляются
Отъ вечерней зари
До полуночи.
По селу пѣтухи
Перекликнулись;
Призатихъ говоръ, шумъ
Въ темной горенкѣ;
Отъ воротъ поворотъ
Виденъ по снѣгу.

Изд. 1835 г.

1835.

УРОЖАЙ.

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туманъ стелется.

Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ,

Нагустилъ его
Въ тучу черную.
Туча черная
Понахмурилась,

Понахмурилась,
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...

Понесутъ ее *)
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлова...

*) Понес*ли* ее.

Ополчается
Громомъ, бурею,
Огнемъ, молніей,
Дугой-радугой;

Ополчилася—
И расширилась,
И ударила,
И пролилася

Слезой крупною—
Проливнымъ дождемъ
На земную грудь
На широкую.

И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко;
** Напилась воды
Земля досыта **).

На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельскіе
Не насмотрятся.

Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою.

За-одно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.

Дума первая:
Хлѣбъ изъ закрома
Насыпать въ мѣшки,
Убирать воза.

А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села гужомъ
Въ пору выѣхать.

Третью думушку
Какъ задумали,—

**) Напилась земля
Воды досыта.— „Соврем." 1836, т. 2.

Богу-Господу
Помолилися;

Чѣмъ-свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались,—
И пошли гулять
Другъ за дружкою,

Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать;
И давай пахать
Землю плугами,

Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьёмъ
Порасчесывать.

Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Что послалъ Господь
За труды людямъ:

Выше пояса
Рожь зернистая
Дремитъ колосомъ
Почти дȍ-земи;

Словно Божій гость,
На всѣ стороны,
Дню веселому
Улыбается.

Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается...

Люди се́мьями
Принялися жать,
Косить подъ корень
Рожь высокую;

Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрыпитъ музыка.

На гумнахъ вездѣ,
Какъ князья, скирды

Широко сидятъ,
Поднявъ головы.

Видитъ солнышко—
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени.

Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери.

ГЛАЗА *).

Погубили меня
Твои черны глаза:
Въ нихъ огонь неземной
Жарче солнца горитъ.

Омрачитесь, глаза,
Охладѣйте ко мнѣ;
Ваша радость, глаза,
Не моя, не моя.

Не глядите же такъ!
О, не мучьте меня!
Въ васъ страшнѣе грозы
Блещутъ искры любви.

Нѣтъ, прогляньте, глаза,
Загоритесь, глаза,
И огнемъ неземнымъ
Сердце жгите мое,

Мучьте жаждой любви!
Я горю, и въ жару
Безконечно хочу
Оживать, умирать,—

Чтобы, черны глаза,
Васъ съ любовью встрѣчать,
И опять, и опять
Горевать и страдать!

„Сборникъ", альманахъ 1838 г.

*) Русская пѣсня.

1836.

ЖЕНИТЬБА ПАВЛА.

Павелъ дѣвушку любилъ,
Ей подарковъ надарилъ:
Два аршина касандрики,
Да платокъ, да черевики,

Да китаечки конецъ,
Да золоченый вѣнецъ;
Она стала щеголиха,
Какъ богатая купчиха.

Плясать въ улицу пойдетъ,
Распотѣшитъ весь народъ;
Пѣсни ль на голосъ заводитъ,
Словно зельями обводитъ.

Одаль мо̀лодцы стоятъ,
Межъ собою говорятъ:
«Всѣ мы ходимъ за тобою,
Чьей-то будешь ты женою?»

Говорите. Самъ-третей,
Запрягъ Павелъ лошадей,
Везть товары подрядился,
Кой-гдѣ зиму волочился,

И, разго̀рившись казной,
Къ веснѣ ѣдетъ онъ домой:
Въ гости ро̀дныхъ созываетъ,
Свахой тетку наряжаетъ...

Большой выкупъ далъ отцу,—
Кладъ достался молодцу.
Свадьбу весело играли:
Двѣ недѣли пировали.

МОЛОДАЯ ЖНИЦА.

Высоко стоитъ
Солнце на небѣ,
Горячо печетъ
Землю-матушку.

Душно дѣвицѣ,
Грустно на полѣ,

Нѣтъ охоты жать
Колосистой ржи.

Всю сожгло ее
Поле жаркое,
Горитъ-гормà все
Лицо бѣлое;

Голова со плечъ
На грудь клонится,
Колосъ срѣзанный
Изъ рукъ валится...

Не съ-простà-ума
Жница жнетъ—не жнетъ,
Глядитъ въ сторону,
Забывается:

Охъ, болитъ у ней
Сердце бѣдное,
Заронилось въ немъ
Небывалое!

Она шла вчера—
Нерабочимъ днемъ,
Лѣсомъ шла-себѣ
По малинушку;

Повстрѣчался ей
Добрый молодецъ;
Ужъ не въ первый разъ
Повстрѣчался онъ...

Повстрѣчается *)
Будто нехотя,
И стоитъ, глядитъ
Какъ-то жалобно.

Онъ вздохнулъ, запѣлъ
Пѣсню грустную,—
Далеко въ лѣсу
Раздалась та пѣснь;

Глубоко въ душѣ
Красной дѣвицы
Озвалась она
И запала въ ней...

Душно, жарко ей,
Грустно на полѣ,

*) Разминется съ ней— Рукоп. И. Публ. Библ.

Нѣтъ охоты жать
Колосистой ржи...
1836.

ПѢСНЯ.

Перстенечекъ золотой,
Ненаглядный, дорогой!
Свѣтлой памятью любви
Въ очи черныя гляди.

Если грустно будетъ ей,
Ты потускни, почернѣй;
Если радость—измѣнись:
Весь алмазомъ разгорись!

День забвенья-ли придетъ,
Душа чувство изживетъ:—
Тогда, перстень золотой,
Почернѣй ты самъ-собой! *)

КОСАРЬ.

Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю...
Отчего же такъ
Не возьму я въ толкъ?
Охъ, въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ!
У меня-ль плечо
Шире дѣдова;
Грудь высокая—
Моей матушки;
На лицѣ моемъ
Кровь отцовская
Въ молокѣ зажгла
Зорю красную;
Кудри черныя
Лежатъ скобкою;
Что работаю—
Все мнѣ спорится!
Да въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,

*) *Ты разсыпься* самъ-собой!— „Отеч. Зап.", 1841, т. 15 (съ помѣтою: 1840 г.).

Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ!
Прошлой осенью
Я за Грунюшку,
Дочку старосты,
Долго сватался;
А онъ, старый хрѣнъ,
Заупрямился!
За кого же онъ
Выдастъ Грунюшку?
Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю...
Я-ль за тѣмъ гонюсь,
Что отецъ ея
Богачемъ слыветъ?
Пускай домъ его—
Чаша полная!
Я ее хочу,
Я по ней крушусь: [1]
Лицо бѣлое—
Заря алая,
Щеки полныя,
Глаза темные
Свели молодца
Съ ума разума...
Ахъ, вчера по мнѣ [2]
Ты такъ плакала!
Наотрѣзъ старикъ
3 Отказалъ вчера...
Охъ, не свыкнуться [3]
Съ этой горестью!..
Я куплю себѣ
4 Косу новую;
Отобью ее,
Наточу ее—
И прости-прощай, [4]

---

[1]) Я по ней *групу*:
[2]) *Охъ*, вчера по мнѣ
[3]) Отказалъ вчера...
Что же, Груня, мнѣ
Дѣлать надобно?
Охъ, не свыкнуться
[4]) Косу новую...
Не плачь, милая;
Твоего отца
Не зарѣжу я...
Куплю косу я,
Отобью ее,
Наточу ее
Востро-на-востро,—
И прости-прощай,

Село родное!
Не плачь, Грунюшка,—
Косой вострою
Не подрѣжусь я...
Ты прости, село,
Прости, староста:
Въ края дальніе
Пойдетъ молодецъ:
Что внизъ по Дону,
По набережью.
Хороши стоятъ
Тамъ слободушки!
Степь раздольная [5])
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ-травой [6])
Разстилается!..
Ахъ ты, степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Чорному
Понадвинулась!
Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ-другъ
Съ косой вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной
Вдоль и пòперекъ
Съ ней хотѣлося...
Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ съ полудня! [7])
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную!
8 Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ! [8])

---

[5]) Степь *широкая*
[6]) *И ковыль*-травой
[7]) Вѣтеръ полудня!

[8]) Зажужжи, коса,
Какъ пчелиный рой;
Молоньёй, коса,
Засверкай кругомъ!

Зашуми, трава,
Подкошōная;
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!
Наряду съ травой [9])
Вы засохнете,
Какъ по Грунѣ я
Сохну, молодецъ!
Нагребу копенъ,
Намечу стоговъ,—
Дастъ казачка мнѣ
Денегъ пригоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну;
Ворочусь въ село—
Прямо къ старостѣ:
Не разжалобилъ
Его бѣдностью,
Такъ разжалоблю
Золотой казной!..

1837.

РАЗДУМЬЕ СЕЛЯНИНА *).

Сяду я за столъ—
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

Нѣтъ у молодца
Молодой жены,
Нѣтъ у молодца
Друга вѣрнова,

Золотой казны,
Угла тёплова,
Бороны-сохи,
Коня-пахаря...

Вмѣстѣ съ бѣдностью
Далъ мнѣ батюшка
Лишь одинъ таланъ—
Силу крѣпкую;

[9]) *По рядамъ* съ травой „Телеск.", 1835 г., ч. 28.

*) Русская пѣсня.

Да и ту какъ разъ
Нужда горькая
По чужимъ людямъ
Всю истратила. **)

Сяду я за столъ—
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

ЛѢСЪ.

(Памяти А. С. Пушкина).

Снова тучи надо мною
Собралися въ тишинѣ;
Рокъ завистливый бѣдою
Угрожаетъ снова мнѣ...
А. Пушкинъ.

Что, дремучій лѣсъ,
Призадумался,
Грустью темною
Затуманился?

Что, Бова-силачъ,
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою—

Ты стоишь-поникъ,
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей-бурею?

Густолиственный
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ—
И развѣялъ въ прахъ;

Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался...
Ты стоишь—поникъ—
И не ратуешь.

Гдѣ-жъ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

**) Всю *размыкала.*— „Моск. Набл.", 1838, ч. 16.

У тебя-ль, было,
Въ ночь безмолвную
Заливная пѣснь
Соловьиная...

У тебя-ль, было,
Дни—роскошество: *)
Другъ и недругъ твой
Прохлаждаются...

У тебя-ль, было,
Поздно вечеромъ
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдетъ;

Распахнетъ она
Тучу черную,
Обойметъ тебя
Вѣтромъ-холодомъ...

И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
«Вороти назадъ!
Держи около!»

Закружитъ она,
Разыграется...
Дрогнетъ грудь твоя,
Зашатаешься; **)

Встрепенувшися,
Разбушуешься:
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ...

Буря всплачется
Лѣшимъ, вѣдьмою,—
И несетъ свои
Тучи за̀ море.

Гдѣ-жъ теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился...

Одичалъ, замолкъ...
Только, въ непогодь,
Воешь жалобу
На безвременье...

---

*) *Въ* дни—роскошество: **) Зашат*ается*;

Такъ-то, темный лѣсъ,
Богатырь-Бова!
Ты всю жизнь свою
Маялъ битвами;

Не осилили
Тебя сильные,
Такъ дорѣзала ***)
Осень черная.

Знать, во время сна,
Къ безоружному
Силы вражія
Понахлынули;

Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломенкой...

ГОРЬКАЯ ДОЛЯ.

Соловьемъ залетнымъ
Юность пролетѣла;
Волной въ непогоду
Радость прошумѣла.

Пора золотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая
Съ тѣломъ износилась.

Отъ кручины-думы
Въ сердцѣ кровь застыла;
Что̀ любилъ, какъ душу —
И то̀ измѣнило [1]).

Какъ былинку, вѣтеръ
Молодца шатаетъ;
Зима лицо знобитъ [2]),
Солнце — сожигаетъ.

До поры-до время
Всѣмъ я весь изжился,
И кафтанъ мой синій
Съ плечъ долой свалился!

***) Такъ *подрѣзала* „С. Отеч." 1838, т. 2.

1) И *та* измѣнила.

2) *Лицо—зима* знобитъ, „С. Отеч." 1838, т. 2.

Безъ любви, безъ счастья
По міру скитаюсь:
Разойдусь съ бѣдою,—
Съ горемъ повстрѣчаюсь!

На крутой горѣ
Росъ зеленый дубъ;
Подъ горой теперь
Онъ лежитъ — гніетъ...

ПЕРВАЯ ПѢСНЯ

ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА.

Съ радости-веселья [1])
Хмѣлемъ кудри вьются;
Ни съ какой заботы
Они не сѣкутся.

Ихъ не гребень чешетъ —
Золотая доля,
Завиваетъ въ кольца
Молодецка удаль.

Не родись богатымъ,
А родись кудрявымъ:
По щучью велѣнью
Все тебѣ готово.

Чего душа хочетъ —
Изъ земли родится;
Со всѣхъ сторонъ прибыль
Ползетъ и валится.

Что̀ шутя задумалъ, —
Пошла шутка въ дѣло;
А тряхнулъ кудрями, —
Въ одинъ мигъ поспѣло.

Не возьмутъ гдѣ лоскомъ,
Возьмутъ кудри силой;
А что̀ худо, — смотришь,
По водѣ поплыло!

Любо жить на свѣтѣ
Молодцу съ кудрями,
Весело на бѣломъ
Съ чорными бровями!

[1]) Въ золотое время— „Утренняя Заря“ 1839 г.

Во-время да въ пору
Медомъ рѣчи льются,
И съ утра до ночи
Пѣсенки поются.

Про тѣ рѣчи, пѣсни
Дѣвушки всѣ знаютъ,—
И о кудряхъ зиму
Ночь не спятъ—гадаютъ.

Честь и слава кудрямъ!
Пусть ихъ волосъ вьется!
Съ ними все на свѣтѣ
Ловко удается!

Не подъ шапку горе
Головѣ кудрявой!
Разливайтесь, пѣсни!
Ходи, парень, браво!

ВТОРАЯ ПѢСНЯ

ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА.

Въ золотое время
Хмѣлемъ кудри вьются;
Съ горести-печали
Русыя сѣкутся.

Ахъ, сѣкутся кудри!
Любитъ ихъ забота;
Полюбитъ забота, —
Не чешетъ и гребень!

Не родись въ сорочкѣ,
Не родись таланливъ:
Родись терпѣливымъ
И на все готовымъ.

Вѣкъ прожить — не поле
Пройти за сохою;
Кручину, что́ тучу,—
Не уносить вѣтромъ.

Зла бѣда, не буря—
Горами качаетъ;
Ходитъ невидимкой,
Губитъ безъ разбору.

От̀ъ ея напасти
Не уйти на лыжахъ:
Въ чистомъ полѣ найдетъ
Въ темномъ лѣсѣ сыщетъ;

Чуешь только сердцемъ:
Придетъ, сядетъ рядомъ,
Объ руку съ тобою
Пойдетъ и поѣдетъ...

И щемитъ, и ноетъ,
Болитъ ретивое:
Все — изъ рукъ вонъ плохо,
Нѣтъ ни въ чемъ удачи.

То — скосило градомъ,
То — сняло пожаромъ...
Чистъ кругомъ и легокъ,
Никому не нуженъ...

Къ старикамъ на сходку
Выйти приневолятъ, —
Старыя лаптишки
Безъ онучъ обуешь;

Кафтанишка рваный
На плеча натянешь;
Бороду вскосматишь,
Шапку нахлобучишь...

Тихомолкомъ станешь
За чужія плечи...
Пусть не видятъ люди
Прожитова счастья!

„Утр. Заря“ 1839 г.

ПОРА ЛЮБВИ.

Весною степь зеленая
Цвѣтами вся разубрана,
* Вся птичками летучими,
Пѣвучими полнымъ-полна *);
Поютъ онѣ и день, и ночь.
То пѣсенки чудесныя!
Ихъ слушаетъ красавица
И смысла ихъ не вѣдаетъ,
Въ душѣ своей не чувствуетъ,

*) Вся птичками *пѣвучими*
Населена полнымъ полна;

Что пѣсни тѣ—волшебныя:
Въ нихъ сила есть любовная...
Любовь — огонь; съ огня — пожаръ...
Не слушай ихъ, красавица,
Пока твой сонъ, сонъ дѣвичій,
Спокоенъ, тихъ до утра-дня!
Какъ-разъ бѣду наслушаешь **):
Въ цвѣту краса загубится,
Лицо твое румяное
Скорѣй платка износится.

Стоитъ она, задумалась,
*** Дыханьемъ чаръ овѣяна;
Запала въ грудь любовь-тоска,
Нейдетъ съ души тяжелый вздохъ ***);
Грудь бѣлая волнуется,
Что рѣченька глубокая —
Песку со дна не выкинетъ ****);
Въ лицѣ огонь, въ глазахъ — туманъ...
Сверкаетъ степь, горитъ заря...

Весной, въ рѣкѣ, при мѣсяцѣ,
Поитъ коня дѣтинушка;
Самъ думаетъ онъ думушку
Про дѣвицу завѣтную:
«Четвертый годъ, какъ я люблю
Меньшую дочь сосѣдскую...
Пойдешь за ней на улицу,
Затѣешь рѣчь сторонкою, —
Такъ, нѣтъ, куда!—сидитъ, молчитъ...
Пошлешь къ отцу посвататься,—
Сѣдой старикъ спѣсивится:
Нельзя никакъ — жди череду.

«Болитъ моя головушка,
Щемитъ въ груди ретивое,
Печаль моя всесвѣтная,
Пришла бѣда незваная!
Какъ съ плечъ свалить — не знаю самъ;
И сила есть — да воли нѣтъ;

**) *Не то*—какъ разъ бѣду наслушаешь:

***) Дыханьемъ чаръ овѣяна;
Блеснула мысль какъ молнія,
Зажгла любовь сердечушко,
Запала въ грудь недобрая;
Нейдетъ съ души тяжелый вздохъ;

****) *Со дна песка* не выкинетъ;

„Литер. Приб. къ Рус. Инв." 1838 г.

Наружѣ кладъ — да взять нельзя:
Заклялъ его обычай нашъ;
Ходи, гляди, да мучайся,
Толкуй съ башкой порожнею...

«Возьму жъ я ржи двѣ четверти,
Поѣду жъ я на мельницу:
Про мельника слухъ носится,
Что мастеръ онъ присушивать.
Скажу ему: Иванъ Кузьмичъ!
Къ тебѣ нужда есть кровная:
Возьми съ меня, что хочешь ты,
Лишь сдѣлай мнѣ — по-своему».

Въ селѣ, весной, при мѣсяцѣ,
Спокойно спитъ крещеный міръ;
Вдоль улицы нашъ молодецъ
Идетъ самъ-другъ съ сосѣдкою;
Промежъ себя ведутъ они
О чемъ-то рѣчь хорошую.
Даетъ онъ ей съ руки кольцо,—
У ней беретъ себѣ въ обмѣнъ;
А не былъ онъ на мельницѣ,
Иванъ Кузьмичъ не грѣшенъ тутъ.

Ахъ, степь, ты степь зеленая,
Вы, пташечки пѣвучія!
Разнѣжили вы дѣвицу,
Отбили хлѣбъ у мельника!
У васъ весной присуха есть,
Сильнѣй присухъ нашептанныхъ...

УРА.

Ходитъ окликъ по горамъ,
По долинамъ, по морямъ:
Ѣдетъ Бѣлый русскій царь
Православный государь
Вдоль по царству-государству...
Русь шумитъ ему: ура!

Ходитъ окликъ по горамъ,
По долинамъ, по морямъ:
Свѣтъ-царица въ путь идетъ —
Лаской жаловать народъ...

Ей навстрѣчу, на дорогу,
Русь валитъ, шумитъ: ура!

Ходитъ окликъ по горамъ,
По долинамъ, по морямъ:
Князь наслѣдный, сынъ царя,
Дня румяная заря,
Ѣдетъ Русь святую видѣть...
Русь кипитъ, шумитъ: ура!

Мысль народа, звукъ души,
Всероссійское «ура»!
Ты—во всемъ царю отвѣтъ;
Лучшей пѣсни въ мірѣ нѣтъ.
Исполинъ царю послушный
Все сомкнулъ въ своемъ «ура».

Это пылъ любви живой,
Сильной, вѣчной и святой
Къ коронованнымъ главамъ;
Это страхъ, гроза врагамъ;
Это посвистъ богатырскій—
Вотъ что русское «ура»!

„Литер. Приб. къ Р. И.“ 1838.

ДВА ПРОЩАНІЯ.

«Такъ ты, моя
Красавица,
Лишилась вдругъ
Двухъ молодцевъ?
Скажи же мнѣ,
Какъ съ первымъ ты
Разсталася,
Прощалася?»
—Разсталась съ нимъ
Я весело;
Прощалася—
Смѣялася... *)
А онъ ко мнѣ,
Бѣдняжечка,
Припалъ на грудь
Головушкой;

*) —Прощалась съ нимъ
Я весело;
Разсталася—
Смѣялася...

И долго такъ
Лежалъ, молчалъ;
Смочилъ платокъ
Горючими...
Ну—Богъ съ тобой!—
Промолвилъ мнѣ.
Схватилъ коня,
Поѣхалъ въ путь—
Въ чужихъ краяхъ
Коротать вѣкъ.—

«И ты надъ нимъ
Смѣялася?
Его слезамъ **)
Не вѣрила?
Скажи-жъ теперь,
Мудреная,
Какъ ты съ другимъ
Прощалася?»

— Другой не то...
Не плакалъ онъ...
А и теперь ***)
Все плачу я.
Ахъ, обнялъ онъ
Такъ холодно;
Такъ сухо рѣчь
Повелъ со мной:

Я ѣду—вишь—
Не надолго;
Еще съ тобой
Увидимся,
И въ волюшку ****)
Наплачемся..
По сердцу-ли
Такой привѣтъ?
Махнулъ рукой,
Не кланяясь,
Въ мое лицо
Не смотрючи;
Пустилъ коня—
И былъ таковъ!

**) Слезамъ его
***) *Но* и теперь
****) И до-воли

«Кто-жъ памятнѣй
Останется
Душѣ твоей,
Красавица?»

— Мнѣ первова,
Конечно, жаль:
Люблю же я *****)
Послѣднева.—

1838.

ПѢСНЯ.

Ахъ, зачѣмъ меня
Силой выдали
За немилова—
Мужа старова!

Небось весело
Теперь матушкѣ
Утирать мои
Слезы горькія!

Небось весело
Глядѣть батюшкѣ
На житье-бытье
Горемычное!

Небось сердце въ нихъ
Разрывается,
Какъ приду одна
На великой день;

Отъ дружка дары
Принесу съ собой:
На лицѣ—печаль,
На душѣ—тоску!

Поздно, ро́дные,
Обвинять судьбу,
Ворожить-гадать,
Сулить радости!

Пусть изъ-за моря
Корабли плывутъ,

*****) Но я люблю

„Лит. Приб. къ Р. И.“ 1838 г., № 25.

Пущай золото
На полъ сыпится:
Не расти травѣ
Послѣ осени;
Не цвѣсти цвѣтамъ
Зимой по снѣгу!

„Моск. Наблюд." 1838 г., т. 17.

ПОСЛѢДНІЙ ПОЦѢЛУЙ.

Обойми, поцѣлуй,
Приголубь, приласкай,
Еще разъ, поскорѣй,
Поцѣлуй горячѣй.
Что печально глядишь?
Что на сердцѣ таишь?
Не тоскуй, не горюй,
Изъ очей слезъ не лей;
Мнѣ не надобно ихъ,
Мнѣ не нужно тоски... *)

На полгода всего
Мы разстаться должны.
Есть за Волгой село
На крутомъ берегу:
Тамъ отецъ мой живетъ,
Тамъ родимая мать
Сына въ гости зоветъ.
Я поѣду къ отцу,
Поклонюся родной —
И согласье возьму
Обвѣнчаться съ тобой.

Мучитъ душу мою
Твой печальный уборъ:
Для чего ты въ него
Нарядила себя?
Разрядись-уберись
Въ свой нарядъ голубой,
И на плечи накинь
Шаль съ каймой расписной;
Пусть пылаетъ лицо,

*) Мнѣ не нужно тоски:
Не на смерть я иду,
Не хоронишь меня...
„Отеч. Зап." 1839 г., т. 2.

Какъ поутру заря,
Пусть сіяетъ любовь
На устахъ у тебя!
Какъ мнѣ мило теперь
Любоваться тобой!
Какъ весна, хороша
Ты, невѣста моя!
Обойми-жъ, поцѣлуй,
Приголубь, приласкай,
Еще разъ—поскорѣй
Поцѣлуй горячѣй!

ИЗМѢНА СУЖЕНОЙ *).

Жарко въ небѣ солнце лѣтнее,—
Да не грѣетъ меня, молодца!
Сердце замерло отъ холода,
Отъ измѣны моей суженой.

Пала грусть-тоска тяжолая **)
На кручинную головушку;
Мучитъ душу мука смертная,
Вонъ изъ тѣла душа просится.

Я пошелъ къ людямъ за помочью,—
Люди съ смѣхомъ отвернулися;
На могилу къ отцу, матери,—
Не встаютъ они на голосъ мой.

Замутился свѣтъ въ глазахъ моихъ,
Я упалъ въ траву безъ памяти...
Въ ночь глухую, буря страшная
На могилѣ подняла меня...

Въ ночь, подъ бурей, я коня сѣдлалъ;
Безъ дороги въ путь отправился—
Горе мыкать, жизнью тѣшиться,
Съ злою долей перевѣдаться...

„Отеч. Зап." 1839 г., т. 1.

ПѢСНЯ.

Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ,
Траву колыхаетъ,

*) Пѣсня.

**) Пала грусть-тоска *глубокая*.
„Моск. Наблюд." 1838 г., ч. 17.

Путь, мою дорогу,
Пылью покрываетъ.

Выходи-жъ ты, туча,
Съ страшною грозою,
Обойми свѣтъ бѣлый,
Закрой темнотою.

Молодецъ удалый
Соловьемъ засвищетъ—
Безъ пути, безъ свѣта
Свою долю сыщетъ.

Чтò ему дорога,
Тучи громовыя,
Какъ придутъ по сердцу
Очи голубыя!

Что ему на свѣтѣ
Доля нелюдская,
Когда его любитъ,
Она, молодая!

ДЕРЕВЕНСКАЯ БѢДА.

На селѣ своемъ жилъ молодецъ,
Ничего не зналъ-не вѣдывалъ,
Со друзьями гулялъ-бражничалъ,
По всему селу роскошничалъ;

Въ день воскресный, съ утра до ночи,
Въ хороводѣ пѣсни игрывалъ;
Вмѣстѣ съ дѣвицей-красавицей,
Пляски новыя выдумывалъ.

Полюбилъ я эту дѣвушку:
Что душою—больше разумомъ,
Больше поступью павлиною,
Да что рѣчью соловьиною...

Какъ бывало, лѣтомъ, съ улицы,
Мы пойдемъ съ ней рука-объ-руку—
До двора ея богатова,
До крыльца ея высокова;

Да какъ гляну, противъ зорюшки,
На ея глаза, бровь черную,
На ея лицо, грудь бѣлую,
Всю монистами покрытую,—

Аль ни потъ съ лица посыпится,
Аль ни въ грудь души застукаетъ;
Мѣсяцъ въ облака закроется,
Звѣзды мелкія попрячутся...

Такъ, за полночь съ нею сидючи,
По душѣ мы рѣчь затѣяли:
Поцѣлуями помолвились,
Другъ за другомъ быть условились.

На погибель мою, староста
За сынка впередъ посватался,—
И его казна несмѣтная
Повернула все по-своему.

Тошно, грустно было на сердцѣ—
Какъ изъ церкви мою милую,
При народѣ, взялъ онъ за руку,
Съ похвальбою поклонился мнѣ.

Тошно, грустно было на сердцѣ —
Какъ онъ съ нею, вдоль по улицѣ,
Что есть духу поскакалъ, злодѣй!—
Къ своему двору широкому.

Я стоялъ, глядѣлъ, задумался;
Снявши шапку—хватилъ объ землю,
И пошелъ-себѣ загуменьемъ —
Подъ его окошки красныя.

Тамъ огни горятъ; тамъ дѣвушки
Поютъ пѣсни, тамъ товарищи
Пьютъ, играютъ, забавляются,
Съ молодыми всѣ цѣлуются.

Вотъ приходитъ полночь мертвая;
Разошлися гости пьяные,
Добры молодцы разъѣхались,
И ворота затворилися...

Въ эту пору, для пріятеля,
Заварилъ я брагу хмѣльную,
Заигралъ я свадьбу новую,
Что бесѣду небывалую:

Аль ни дымъ пошелъ подъ облаки,
Аль ни пламя закрутилося;
По сосѣдамъ — черезъ улицу —
На мою избушку бросилось.

Гдѣ стоялъ его богатый домъ,
Гдѣ была избушка бѣдная:
Утромъ все съ землей сравнялося —
Только уголья чернѣлися...

Съ той поры я съ горемъ-нуждою
По чужимъ угламъ скитаюся,
За дневной кусокъ работаю,
Кровнымъ потомъ умываюся...

ПѢСНЯ РАЗБОЙНИКА.

(Памяти друга, А. П. Серебрянскаго).

Не страшна мнѣ, добру молодцу,
Волга-матушка широкая,
Лѣса темные, дремучіе,
Вьюги зимнія, крещенскія...

Ужъ какъ было: по темнымъ лѣсамъ
Пировалъ я зимы круглыя;
По чужимъ краямъ, на свой таланъ,
Погулялъ я, поохотился.

А по Волгѣ—моей матушкѣ,
По родимой, по кормилицѣ,
Вмѣстѣ съ братьями, за добычью
На край свѣта леталъ соколомъ.

Но не Волга, лѣса темные,
Вьюги зимнія—крещенскія
Погубили мою голову,
Сокрушили мочь желѣзную...

Въ некрещеномъ славномъ городѣ,
На крутомъ, высокомъ островѣ,
Живетъ дѣвушка-красавица, *)
Дочка гостя новгородскаго...

Она, въ теремѣ, что зорюшка,
Подъ окномъ сидитъ растворённымъ: **)
Поетъ пѣсни задушевныя,
Наши братскія-отцовскія.

«Ахъ, душа-ль моя ты душенька!
Что сидишь ты! что ты думаешь?
Али рѣчь моя не по сердцу?
Али батюшка спѣсивится?..

*) Живетъ *дѣвица*-красавица, **) Подъ окномъ сидитъ *отворенными*:
„Отеч. Зап." 1840 г., т. XI.

«Не сиди, не плачь:—ты кинь отца,
Ты бѣги ко мнѣ изъ терема;
Мы съ тобою, птицы вольныя,
Жить поѣдемъ въ Москву красную».

Отвѣчаетъ ему дѣвица:
«За любовь твою, мой милый другъ,
Рада кинуть отца съ матерью;
Но боюсь суда я страшнова!»

Забушуй же, непогодушка,
Разгуляйся, Волга-матушка!
Ты возьми мою кручинушку,
Размечи волной по бережку...

ТОВАРИЩУ.

Что ты ходишь съ нуждой
По чужимъ по людямъ;
Вѣруй силамъ души
Да могучимъ плечамъ.

На заботы-жъ свои
Чуть заря поднимись,
И одинъ, во весь день,
Что есть мочи трудись.

Неудачи, бѣда?—
Съ грустью дома сиди;
А съ зарею опять
Къ новымъ нуждамъ иди.

И такъ бейся, пока
Случай счастье найдетъ
И, на славу твою,
Жить съ тобою начнетъ.

Та же сила тогда
Другой голосъ возьметъ,
И чудно, и смѣшно,
Всѣхъ къ тебѣ прикуетъ.

И тѣ жъ люди-враги,
Что чуждались тебя,—
Богъ ужъ вѣдаетъ какъ,
Назовутся въ друзья.

Ты не сердись на нихъ;
Но спокойно, въ тиши,

Жизнь горою пируй,
По желаньямъ души.

1839.

БѢГСТВО.

Ужъ какъ гляну я на поле, —
Поле чистое дрогнетъ,
Нагуститъ свои туманы,
Въ нихъ одѣнется на нôчь.

Я изъ поля въ лѣсъ дремучій, —
Лѣшій по лѣсу шумитъ,
Про любовь свою къ русалкѣ
Съ быстрой рѣчкой говоритъ.

Крикну лѣсу, топну въ берегъ, —
Лѣшій за горы уйдетъ;
Съ тихимъ трепетомъ русалка
Въ берегахъ своихъ уснетъ.

Я, чрезъ рѣчку, огородомъ,
Всю слободку обойду,
Съ темной полночью глухою
Къ дому барскому приду;

Свистну... въ теремѣ высокомъ
Вмигъ растворится окно:
Подъ окномъ душа-дѣвица
Дожидается давно.

Скучно въ теремѣ весною
Одинокой горевать;
То-ли дѣло, на просторѣ,
Друга къ сердцу прижимать!

Поднимайся, туча-буря,
Съ полуночною грозой!
Зашатайся, лѣсъ дремучій,
Страшнымъ голосомъ завой, —

Чтобъ погони злой бояринъ
Вслѣдъ за нами не послалъ;
Чтобъ я съ милою до свѣта *)
На Украйну прискакалъ.

Тамъ всего у насъ довольно;
Будетъ гдѣ намъ отдохнуть; **)

*) Чтобъ я съ *милой до разсвѣта* **) *Есть гдѣ, будетъ*—отдохнуть;

«Не сиди, не плачь;—ты кинь отца,
Ты бѣги ко мнѣ изъ терема;
Мы съ тобою, птицы вольныя,
Жить поѣдемъ въ Москву красную».

Отвѣчаетъ ему дѣвица:
«За любовь твою, мой милый другъ,
Рада кинуть отца съ матерью;
Но боюсь суда я страшнова!»

Забушуй же, непогодушка,
Разгуляйся, Волга-матушка!
Ты возьми мою кручинушку,
Размечи волной по бережку...

ТОВАРИЩУ.

Что ты ходишь съ нуждой
По чужимъ по людямъ;
Вѣруй силамъ души
Да могучимъ плечамъ.

На заботы-жъ свои
Чуть заря поднимись,
И одинъ, во весь день,
Что есть мочи трудись.

Неудачи, бѣда?—
Съ грустью дома сиди;
А съ зарею опять
Къ новымъ нуждамъ иди.

И такъ бейся, пока
Случай счастье найдетъ
И, на славу твою,
Жить съ тобою начнетъ.

Та же сила тогда
Другой голосъ возьметъ,
И чудно, и смѣшно,
Всѣхъ къ тебѣ прикуетъ.

И тѣ жъ люди-враги,
Что̀ чуждались тебя,—
Богъ ужъ вѣдаетъ какъ,
Назовутся въ друзья.

Ты не сѐрдись на нихъ;
Но спокойно, въ тиши,

[redacted]

Жизнь горою пируй,
По желаньямъ души.

1839.

БѢГСТВО.

Ужъ какъ гляну я на поле, —
Поле чистое дрогнетъ,
Нагуститъ свои туманы,
Въ нихъ одѣнется на ночь.

Я изъ поля въ лѣсъ дремучій, —
Лѣшій по лѣсу шумитъ,
Про любовь свою къ русалкѣ
Съ быстрой рѣчкой говоритъ.

Крикну лѣсу, топну въ берегъ, —
Лѣшій за горы уйдетъ;
Съ тихимъ трепетомъ русалка
Въ берегахъ своихъ уснетъ.

Я, чрезъ рѣчку, огородомъ,
Всю слободку обойду,
Съ темной полночью глухою
Къ дому барскому приду;

Свистну... въ теремѣ высокомъ
Вмигъ растворится окно:
Подъ окномъ душа-дѣвица
Дожидается давно.

Скучно въ теремѣ весною
Одинокой горевать;
То-ли дѣло, на просторѣ,
Друга къ сердцу прижимать!

Поднимайся, туча-буря,
Съ полуночною грозой!
Зашатайся, лѣсъ дремучій,
Страшнымъ голосомъ завой, —

Чтобъ погони злой бояринъ
Вслѣдъ за нами не послалъ;
Чтобъ я съ милою до свѣта *)
На Украйну прискакалъ.

Тамъ всего у насъ довольно;
Будетъ гдѣ намъ отдохнуть; **)

*) Чтобъ я съ *милой до разсвѣта* **) *Есть гдѣ, будетъ*—отдохнуть;

От боярина сокроют;
Хату славную дадут.

Будем жить с тобой по-пански... *)
Эти люди — нам друзья;
Что̀ душѣ твоей угодно,
Все добуду с ними я!

Будут платья дорогія,
Ожерелья с жемчугом!
Наряжайся, одѣвайся
Хоть парчою с серебром!

ПУТЬ.

Путь широкій давно
Предо мною лежит,
Да нельзя мнѣ по нем [1])
Ни летать, ни ходить...

Кто же держит меня?
И что̀ кинуть мнѣ жаль?
И зачѣм до сих пор
Не стремлюся я вдаль?

Или доля моя
Сиротой родилась!
Иль со счастьем слѣпым
Без ума разошлась!

По лѣтам и кудрям
Не старик еще я;
Много дум в головѣ,
Много в сердцѣ огня!

Много слуг, и казны
Под замками лежит;
И лихой вороной
Уж осѣдлан стоит.

Да на путь — по-душѣ —
Крѣпкой воли мнѣ нѣт,
Чтоб в чужой сторонѣ
На людей поглядѣть;

Чтоб порой пред бѣдой
За себя постоять,

---

*) Будем жить с тобой *мы пански*. Рукоп. И. Публ. Библ. — „Соврем." 1839, т. 14.

[1]) *Но* нельзя мнѣ по нем

Подъ грозой роковой [2])
Назадъ шагу не дать;

И чтобъ, съ горемъ, въ пиру
Быть съ веселымъ лицомъ;
На погибель идти —
Пѣсни пѣть соловьемъ!

ПѢСНЯ.

* Въ непогоду вѣтеръ
Воетъ, завываетъ;
Буйную головку
Злая грусть терзаетъ. *)

Горемышной долѣ
Нѣтъ нигдѣ привѣта:
До сѣдыхъ волосъ любовью [1])
Душа не согрѣта.

Нѣту силъ; усталъ я **)
Съ этимъ горемъ биться,
А на свѣтъ посмотришь: [2])
Жалко съ нимъ проститься!

*** Доля-жъ, моя доля!
Гдѣ ты запропала?
До поры, до время
Въ воду камнемъ пала? [3]) ***)

Поднимись,—что силы
Размахни крылами:
Можетъ наша радость
Живетъ за горами.

Если нѣтъ—у моря
Сядемъ, да дождемся;
Безъ любви и съ горемъ
Жизнью наживемся!

---

[2]) *Отъ* грозы роковой
Рукоп. Имп. Пуб. Библ.
„Отеч. Зап.“ 1839 г., т. 4.

*) Цѣлый день на небѣ
Солнышко сіяетъ;
Цѣлый вѣкъ мнѣ душу
Злая грусть терзаетъ.

**) *Нѣтъ ужъ* силъ—усталъ я

***) Гдѣ-жь ты, моя душка—
Разошлась со мною?
Гдѣ-жь ты, моя доля,—
Пала предъ судьбою?
1839 г., авг. 5.
„Отеч. Зап.“ 1840 г., № 11.

[1]) *Цѣлый вѣкъ* любовью
[2]) *Но* на свѣтъ посмотришь,
[3]) Камнемъ въ воду пала?
Рукоп. И. Пуб. Библ.

ТОСКА ПО ВОЛѢ.

Загрустила, запечалилась
Моя буйная головушка:
Ясны очи соколиныя
Не хотятъ смотрѣть на бѣлый свѣтъ.

Тяжело жить дома съ бѣдностью,
Даромъ хлѣбъ сбирать подъ окнами;
Тяжелѣй того въ чужихъ людяхъ
Быть въ неволѣ, въ одиночествѣ.

Дни проходятъ здѣсь безъ солнышка,
Ночи темныя—безъ мѣсяца;
Бури страшныя, громовыя
Удалой души не радуютъ.

Гдѣ-жъ друзья мои—товарищи?
Куда дѣлись? разлетѣлися?
Иль не хочутъ дать мнѣ помочи?
Или голосъ мой разноситъ вѣтръ?

Знать забыли время прежнее:
Какъ бывало, въ полночь мертвую,
Крикну-свистну имъ изъ-за лѣса,—
Аль ни темный лѣсъ шелохнется.

И они, мои товарищи,
Соколья, орлы могучіе,
Всѣ въ одинъ кругъ собираются—
Погулять ночь, пороскошничать.

А теперь, какъ крылья быстрыя
Судьба злая мнѣ подрѣзала,—
И друзья мои—товарищи
Одново меня всѣ кинули...

Гой ты, сила пододонная!
Отъ тебя я службу требую!
Дай мнѣ волю, волю прежнюю,—
А душой тебѣ я кланяюсь...

1839, сент. 5.
„Отеч. Зап." 1841 г., т. 14.

ХУТОРОКЪ.

За рѣкой, на горѣ,
Лѣсъ зеленый шумитъ;
Подъ горой, за рѣкой,
Хуторочекъ стоитъ.

Въ томъ лѣсу соловей
Громко пѣсни поетъ;
Молодая вдова
Въ хуторочкѣ живетъ.

Въ эту ночь-полуночь
Удалой молодецъ
Хотѣлъ быть, навѣстить
Молодую вдову...

На рѣкѣ рыболовъ
Поздно рыбу ловилъ;
Погулять, ночевать
Въ хуторочекъ приплылъ.

«Рыболовъ мой, душа!
Не ночуй у меня:
Свекоръ дома сидитъ—
Онъ не любитъ тебя...

«Не сердися, плыви
Въ свой рыбачій курень;
Завтра-жъ, другъ мой, съ тобой *)
Гулять рада весь день».

— Сильный вѣтеръ подулъ,
А ночь будетъ темна!..
Лучше здѣсь, на рѣкѣ,
Я просплю до утра.—

Опозднился купецъ
На дорогѣ большой;
Онъ свернулъ ночевать
Ко вдовѣ молодой.

«Милый купчикъ-душа!
Чѣмъ тебя мнѣ принять...
Не топила избы,
Нѣту сѣна, овса.

«Лучше къ куму въ село
Поскорѣе ступай;
Только, завтра, смотри,
Погостить заѣзжай!»

— До села далеко;
Конь усталъ мой совсѣмъ;
Есть свой кормъ у меня,—
Не печальса о немъ.

---

*) Завтра, другъ мой, съ тобой

— Я вчера въ городкѣ
Долго былъ—все купилъ;
Вотъ подарокъ тебѣ,
Что̀ давно посулилъ.—

«Не хочу я его!..
Боль головушку всю
Разломила на смерть;
Ступай къ куму въ село».

— Эта боль—пустяки!..
Средство есть у меня:
Слова два,—заживетъ
Въ мигъ головка твоя.— [1] **)

Засвѣтился огонь,
Закурилась изба;
Для гостей дорогихъ
Столъ готовитъ вдова.

За столомъ, съ рыбакомъ,
Ужъ гуляетъ купецъ...
(А въ окошко глядитъ
Удало̀й молодецъ).

«Ты, рыбакъ, пей вино!
Мнѣ съ сестрой наливай!
Если мастеръ—плясать,
Пѣть мы пѣсни давай!

«Я съ людями люблю
По-пріятельски жить;
Ваше дѣло—поймать,
Наше дѣло—купить...

«Такъ со мною, прошу,
Безъ чиновъ... по рукамъ!
Одну басню твержу
Я всѣмъ добрымъ людямъ:

«Горе есть—не горюй,
Дѣло есть—работай;
А подъ случай попалъ,—
На здоровье гуляй!»

И пошелъ съ рыбакомъ
Купецъ пѣсни играть,
Молодую вдову
Обнимать, цѣловать...

**) *И* головка твоя.
Рукоп. И. Пуб. Библ.

[1]) *Вся* головка твоя.
„Отеч. Зап.“ 1840 г., т. 8.

Не стерпѣлъ удалой,
Загорѣлась душа!
И—какъ глазомъ моргнуть—
Растворилась изба...

И съ тѣхъ поръ въ хуторкѣ
Никого не живетъ;
Лишь одинъ соловей
Громко пѣсни поетъ...

5 сент. 1839.

* * * [1]

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ;
Вѣдь сосѣди твои
Работаютъ давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что̀ ты былъ? и что̀ сталъ?
И что̀ есть у тебя?

На гумнѣ—ни снопа,
Въ закромахъ—ни зерна;
На дворѣ, по травѣ—
Хоть шаромъ покати. [2] *)

Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ,
И лошадокъ, за долгъ,
По сосѣдямъ развелъ.

И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ;
И погнувшись изба,
Какъ старушка, стоитъ. [3]

Вспомни время свое:
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой,

Со двора и гумна
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!

---

[1] **Земляку.**

[2] Хоть шаромъ *покатись.*

[3] Какъ старушка, *глядитъ.* Рукоп. И. Пуб. Библ.

*) Хоть шаромъ *покатись.* („О. З.“).

И какъ двери ему
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углу
Было мѣсто твое!

А теперь, подъ окномъ,
Ты съ нуждою сидишь, **)
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь;

А въ поляхъ, сиротой,
Хлѣбъ нескошенъ стоитъ—
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его!

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.

Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.

Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

1839, сент. 5.

ПѢСНЯ.

Говорилъ мнѣ другъ, прощаючись:
«Не грусти, не плачь ты по-пусту,
Не печаль лица ты бѣлова,
Не гаси румянца алова.

«Ты вѣдь знаешь, моя милая,
Что иду я не охотою:
Но судьба велитъ, нужда несетъ—
Отецъ силой проситъ дома жить.

«Я пойду скажу: вотъ, батюшка,
Мой избытокъ весь—возьми себѣ;
Но въ твоемъ дому родительскомъ
Не жилецъ я, не кормилецъ твой!

**) Ты съ *бѣдою* сидишь,— „Отеч. Зап.“, 1841, т. 14.

«Не держи жъ, пусти, дай волюшку
Тамъ опять мнѣ жить, гдѣ хочется,
Безъ талана гдѣ таланится,
Молодымъ кудрямъ счастливится»...

Говорилъ такъ другъ, прощаючись;
А въ душѣ его былъ замыселъ:
Не къ отцу идти—въ иномъ селѣ *)
Замужъ взять вдову богатую...

Ну, Господь съ тобой, мой милый другъ! **)
Я за твой обманъ не сéржуся...
Хоть и женишься—раскаешься,
Ко мнѣ, можетъ-быть, воротишься.

1839, ноября 2.

ПѢСНЯ.

Не булатный ножъ
Рѣжетъ грудь мою,
Не змѣя грызетъ
Ретивое въ ней:

Забралась туда
Лиходѣйка-грусть,
Сосетъ бѣлу грудь,
Рветъ сердечушко.

Не колдунъ-злодѣй
Наговорами
Въ грудь загналъ ко мнѣ
Ненасытную.

Занеслась она
Съ злою вѣсточкой,
Что дружочекъ мой
Разлюбилъ меня,—

И кольцомъ моимъ
Съ другой дѣвицей
Во чужомъ краю
Обручился онъ!

Сохни, бѣла грудь,
Рвись, сердечушко,

*) Не къ отцу идти—въ *другомъ* селѣ
**) *Но* Господь съ тобой, мой милый другъ!

„Отеч. Зап.“, 1840, т. 9.

Отпади, коса
Моя черная!
Не могилѣ ты
Въ даръ достанешься:
Завѣщаю я
Родной матушкѣ
Отослать къ дружку
На пиръ свадебный,
Какъ подарокъ мой,
Косу черную.

Тетр. Кольцова („Отеч. Зап.“, 1867, т. 170).

ПѢСНЯ РУССКАЯ.

Эхъ, не во̀-время
Тучи мрачныя
По поднебесью
Разостлалися,
Солнца яснаго
Лучи красные
Потонули въ нихъ
Среди бѣла дня.
Не въ пору завылъ
Вѣтеръ по бору:
Пѣть бы, пѣть теперь
Соловью въ лѣсу!
Эхъ, не во̀-время
Вспало горюшко
Въ молодую грудь
Добра молодца,—
Изсосало въ ней
Ретиво сердце,
Загубило въ немъ
Жизнь цвѣтущую.
Что̀ жъ за горюшко,
За кручинушка
Рано съ молодцомъ
Подружилася?
Други милые!
Со мной дѣвица
Золотымъ кольцомъ
Помѣнялася,

И любить повѣкъ
Слово молвила,—
А теперь съ другимъ
Обвѣнчалася.

Вы отдайте жъ ей
Золото кольцо;
Слово-жъ данное
Пусть ей Богъ отдастъ.

Безъ меня она
Пусть въ добрѣ живетъ,
Безъ нея же я—
Лягу въ тѣсный гробъ.

Тетр. Кольцова („Отеч. Зап.", т. 170).

1840.

ДУМА СОКОЛА.

(В. П. Боткину).

Долго-ль буду я
Сиднемъ дома жить,
Мою молодость
Ни на чтò губить?

Долго-ль буду я
Подъ окномъ сидѣть,
По дорогѣ вдаль
День и ночь глядѣть?

Иль у сокола
Крылья связаны?
Иль пути ему
Всѣ заказаны?

Иль боится онъ
Въ чужихъ людяхъ быть,
Съ судьбой-мачихой
Самъ-собою жить?

Для чего-жъ на свѣтъ
Глядѣть хочется,
Облетѣть его
Душа просится?

Иль—зачѣмъ она,
Моя милая,
Здѣсь сидитъ со мной,
Слезы льетъ рѣкой;

Отъ меня летитъ,
Пѣсню мнѣ поетъ,
Все рукой манитъ,
Все съ собой зоветъ?
Нѣтъ, ужъ полно мнѣ
Дома вѣкъ сидѣть,
По дорожкѣ вдаль
Изъ окна глядѣть!
Со двора пойду
Куда путь манитъ,
А жить стану тамъ—
Гдѣ ужъ Богъ велитъ.

1840, янв. 15.
„Отеч. Зап.", 1840, т. 10.
Рукоп. Имп. Публ. Библ.

ПѢСНЯ.

Безъ ума, безъ разума,
Меня замужъ выдали,
Золотой вѣкъ дѣвичій
Силой укоротили.
Для того-ли молодость
Соблюдали, нѣжили,
За стекломъ, отъ солнышка,
Красоту лелѣяли,—
Чтобъ я вѣкъ свой замужемъ
Горевала, плакала,
Безъ любви, безъ радости
Сокрушалась, мучилась?
Говорятъ родимые:
Поживется—слюбится;
И по сердцу выберешь—
Да горчѣе придется.
Хорошо, состарѣвшись,
Разсуждать, совѣтывать,
И съ собою молодость
Безъ разсчета сравнивать!

1840, февр. 12.
„Отеч. Зап.", 1840, т. 10.

ПѢСНЯ.

Свѣтитъ солнышко *) [1],—
Да осенью;

*) *Грѣетъ* солнышко,— („О. З."). [1]) *Грѣетъ* солнышко,— („Рук.").

Цвѣтутъ цвѣтики —
Да нѐ въ-пору...

А весной была
Степь жолтая,
** Тучки плавали
Безъ дождика **);

По ночамъ роса
Гдѣ падала —
По утру трава
Тамъ сохнула.

И тѣ пташечки [2]),
Касаточки,
Пѣли грустно такъ
И жалобно,

Что, ихъ слушая,
Кровь стынула,
По душѣ лилась
Боль смертная.

Такъ прошла моя
Вся молодость —
Безъ любви души,
Безъ радости.

1840, февр. 12.

ПѢСНЯ.

Такъ и рвется душа
Изъ груди молодой!
Хочетъ воли она,
Проситъ жизни другой!

То ли дѣло — вдвоемъ
Надъ рѣкою сидѣть,
На зеленую степь,
На цвѣточки глядѣть!

То ли дѣло — вдвоемъ
Зимню ночь коротать,
Друга жаркой рукой
Ко груди прижимать; [3])

**) Тучки шли надъ ней
Да безъ дождичка.
„Отеч. Зап.“ 1840. т. 10.

[2]) И все пташечки,
Рукоп. И. П. Библ.

[3]) Ко груди прижимать!
То ли дѣло—по немъ
Въ хороводѣ грустить;
То ли дѣло душой
Мила друга любить!
Поутру, на зарѣ...
Рукоп. И. П. Библ.

Поутру, на зарѣ,
Обнимать-провожать,
Вечеркомъ у воротъ
Его вновь поджидать!

1840, апр. 1.
„Отеч. Зап." 1841, т. 13.

РАЗЛУКА.

На зарѣ туманной юности,
Всей душой любилъ я милую:
Былъ у ней въ глазахъ небесный свѣтъ,
На лицѣ горѣлъ любви огонь.

Что̀ предъ ней ты, утро майское,
Ты, дуброва-мать зеленая,
Степь-трава — парча шелковая,
Заря-вечеръ, ночь волшебница!

Хороши вы — когда нѣтъ ея,
Когда съ вами дѣлишь грусть-тоску! [1])
А при ней васъ—хоть бы не было;
Съ ней зима — весна, ночь — ясный день!

Не забыть мнѣ, какъ въ послѣдній разъ,
Я сказалъ ей: «Прости, милая!
* Такъ, знать, Богъ велѣлъ — разстанемся,
Но когда-нибудь увидимся»... *)

Вмигъ огнемъ лицо все вспыхнуло,
Бѣлымъ снѣгомъ перекрылося, —
И, рыдая, какъ безумная,
На груди моей повиснула.

«Не ходи, постой! дай время мнѣ
Задушить грусть, печаль выплакать;
На тебя, на ясна сокола...»
Занялся духъ — слово замерло...

1840, мая 21.

ПѢСНЯ [a]).

Не скажу никому,
Отчего я весной
По полямъ и лугамъ
Не сбираю цвѣтовъ.

---

[1]) Когда съ вами дѣлишь грусть *свою!*
Рукоп. И. Пуб. Библ. (и „От. З.").

*) Когда Богъ велѣлъ—разстанемся,
Можетъ-быть, опять увидимся...
„Отеч. Зап." 1840, т. 13.

[a]) Русская пѣсня. („Утр. Заря").

Та весна далеко!
Тѣ завяли цвѣты,
[b] Изъ которыхъ мы съ нимъ
Завивали вѣнки [b])!

И тѣхъ нѣтъ ужъ и дней
Что летѣли стрѣлой,
Что любовью насъ жгли,
Что палили огнемъ!

Все прошло ужъ давно...
Не воротишь назадъ!
Для чего жъ, безъ негь
Цвѣты стану я рвать?

Не скажу никому,
Отчего у меня
Тяжело на груди,
Злая грусть налегла...

„Утр. Заря" 1841.

ПѢСНЯ.

Не на радость, не на счастье,
Знать, съ тобой мы, другъ мой, встрѣтились;
Знать, на горе горемычное
Такъ сжились мы, такъ слюбилися. *) [1])

Жилъ одинъ я, въ одиночествѣ
Холостая жизнь наскучила;
Полюбилъ тебя безродную,—
Полюбивши, весь измучился.

Гдѣ ты, время, гдѣ ты, времячко
Какъ одно я только думывалъ:
[2] Гдѣ бы какъ съ тобой увидѣться,
Однимъ словомъ перемолвиться? [2])

Тогда было — иду, ѣду ли,
Ты всегда со мной, съ ума нейдешь;
На грудь полную ручкой бѣлою
Ты во снѣ меня всю ночь зовешь... **)

---

b) Изъ которыхъ *я* съ нимъ
Завивал*а* вѣнки.
Рукоп. И. П. Библ.

*) Одну долю душой выбрали.

**) Ты всю ночь меня во снѣ
зовешь...

Рукоп. И. П. Библ.

1) Одну долю съ тобой выбрали.

2) Какъ бы гдѣ съ тобой увидѣться,
Лишнимъ словомъ перемолвиться?

„Отеч. Зап." 1841, т. 16.

А теперь другая думушка
Грызетъ сердце, крушитъ голову:
Какъ въ чужомъ углѣ съ тобой намъ жить?
Какъ свою казну трудомъ нажить?

Но куда умомъ ни кинуся, —
Мои мысли врозь расходятся,
Безъ слѣда вдали теряются,
Чорной тучей покрываются...

Погубить себя? — не хочется!
Разойтися?—нѣту волюшки!
Обмануть? своею бѣдностью
Красоту сгубить?—жаль до смерти!..

1840, іюня 12.

ПЕРЕПУТЬЕ.

До чего ты, моя молодость,
Довела меня, домыкала, —
Что ужъ шагу ступить некуда,
Въ свѣтѣ бѣломъ стало тѣсно мнѣ!

Что-жъ теперь съ тобой, удалая,
Пригадаемъ мы, придумаемъ?
Въ чужихъ людяхъ вѣкъ домаять ли?
Сидя дома ли состарѣться?

По людямъ ходить, за море плыть —
Надо кровь опять горячую,
Надо силу—силу прежнюю,
Надо волю безотмѣнную...

А у насъ съ тобой давно ихъ нѣтъ;
Мы гуляя — все потратили,
Молодую жизнь до времени
Какъ попало — такъ и прожили!

Сидѣть дома, ботѣть, старѣться,
Съ старикомъ-отцомъ вновь ссориться,
Работать, съ женой хозяйничать,
Ребятишкамъ сказки сказывать...

Хоть не такъ оно—не выгодно,
Но, положимъ — дѣлать нечего:
Въ непогоду—не до плаванья,
За большимъ въ нуждѣ не гонятся...

Но вотъ тутъ скажи, какъ придется
По душѣ спросить, по совѣсти:

Кто пойдетъ за насъ? гдѣ будемъ жить?
Гдѣ избытокъ мой зарытъ лежитъ?..

Куда глянешь — всюду наша степь;
На горахъ — лѣса, сады, дома;
На днѣ моря — груды золота;
Облака идутъ — нарядъ несутъ!..

14 авг. 1840.
„Отеч. Зап." 1840, т. 12.

ВОЕННАЯ ПѢСНЯ.

(Посвящается князю П. А. Вяземскому).

Затрубили трубы бранныя,
Собралася рать могучая,
Стала грудью противъ недруга —
За царя, за кровъ, за родину *).

Ты прости теперь, отецъ и мать,
Ты прости теперь, мой милый другъ,
Ты прости теперь, и степь, и лѣсъ,
Дорогая жизнь — весь бѣлый свѣтъ...

Гей, товарищъ мой, желѣзный штыкъ!
Послужи-жъ ты мнѣ по-старому:
Какъ служилъ ты, при Суворовѣ,
Силачу-отцу, дѣду-воину.

Гей, сестра, ты—сабля острая!
Попируемъ мы у недруга,
Погуляемъ, съ нимъ потѣшимся,
Выпьемъ браги бусурманскія!..

Ужъ когда мнѣ, добру молодцу,
Присудилъ Богъ сложить голову, —
Не на землю-жъ я сложу ее!
А сложить-сложу — на груду тѣлъ...

Труба бранная, военная!
Что молчишь? Труби, дай волю мнѣ:
Въ груди сердце богатырское
Закипѣло, расходилося!

1840 г., 22 августа.
Рукоп. И. П. Библ.; „Отчетъ" ея за 1884 г.

ПѢСНЯ.

Дуютъ вѣтры,
Вѣтры буйные;

*) За царя, за *домъ*, за родину.— „Утр. Заря" 1842 г.— „Рус. Арх." 1869 г., № II.

Ходятъ тучи,
Тучи темныя.

Не видать въ нихъ
Свѣта бѣлова;
Не видать въ нихъ
Солнца краснова.

Во сырой мглѣ,
За туманами,
Только ночка *) [1])
Лишь чернѣется...

Въ эту пору
Непогожую
Одному жить —
Сердцу холодно:

Грудь другую
Ему надобно,
Огонь-душу — **) [2])
Красну дѣвицу!

Съ ней зимою —
Лѣто теплое;
При бездольи —
Горе — нѐ горе!

ВСЯКОМУ СВОЙ ТАЛАНЪ.

Какъ женился я, раскаялся,
Да ужъ поздно, дѣлать нечево:
Обвѣнчавшись — не разженишься;
Наказалъ Господь, такъ мучайся.

Хоть бы взялъ ее я силою,
Иль обманутъ былъ злой хитростью:
А то волей своей доброю,
Гдѣ задумалъ, тамъ сосватался.

Было кромѣ много дѣвушекъ,
И хорошихъ, и таланливыхъ;
Да ни съ чѣмъ взять, видишь, совѣстно
Отъ своей родни, товарищей.

Вотъ и выбралъ, по ихъ разуму,
По обычаю — какъ водится:

---

*) *Темна* ночка
**) Огонь-*пламя*—
„Отеч. Зап.“ 1840 г., т. 13.

[1]) *Одна* ночка
[2]) Огонь-*пламя*
Рукоп. И. Публ. Библ.

И съ роднею, и съ породою,
Именитую, почетную.

И живемъ съ ней—только ссоримся
Да роднею похваляемся;
Да проживши все добро свое,
Въ долги стали неоплатные...

«Теперь придетъ время тѣсное:
Что намъ дѣлать, жена, надобно?»
— Какъ, скажите, люди добрые,
Научу я мужа глупова? —

«Ахъ жена моя, боярыня!
Когда умной ты родилася,—
Такъ зачѣмъ же мою голову
Ты сгубила, змѣя лютая?

«Придетъ время, время грозное,—
Кто поможетъ? куда дѣнемся?»
— Самъ прожился мой безумный мужъ—
Да у бабы ума требуетъ...

ПѢСНЯ. *)

Гдѣ вы, дни мои,
Дни весенніе,
Ночи лѣтнія
Благодатныя?

Гдѣ ты, жизнь моя,
Радость милая,
Пылкой юности
Заря красная?

Съ какой гордостью
Я смотрѣлъ тогда
На туманную
Даль волшебную!

Тамъ свѣтился свѣтъ
Голубыхъ очей;
Тамъ мечтамъ моимъ
Конца не было!..

Но, среди весны,
Въ цвѣтѣ юности,
Я сгубилъ твою
Душу чистую...

*) Русская пѣсня. („О. З.“).

Безъ тебя, одинъ,
Я съ тоской гляжу,
Какъ ночная тьма
Покрываетъ день...

Москва, декабря 3, 1840 г.
„Отеч. Зап." 1841 г., т. 15.

ПѢСНЯ.

Много есть у меня
Теремовъ и садовъ,
И раздольныхъ полей,
И дремучихъ лѣсовъ.

Много есть у меня
Деревень и людей,
И знакомыхъ бояръ,
И надежныхъ друзей.

Много есть у меня
Жемчуговъ и мѣховъ,
Драгоцѣнныхъ одеждъ,
Разноцвѣтныхъ ковровъ.

Много есть у меня
Для пировъ—серебра,
Для бесѣдъ—красныхъ словъ, [1]
Для веселья—вина!

Но я знаю, на что̀
Травъ волшебныхъ ищу;
Но я знаю, о чемъ
Самъ съ собою грущу...

Москва, 1840, декабря 8.

РАЗСЧЕТЪ СЪ ЖИЗНІЮ.

(В. Г. Бѣлинскому).

Жизнь! зачѣмъ ты собой
Обольщаешь меня?
Почти вѣкъ я прожилъ,
Никого не любя.

Въ душѣ страсти огонь
Разгорался не разъ,
Но въ безплодной тоскѣ,
Онъ сгорѣлъ и погасъ.

[1] Для бесѣды—*рѣчей*,— „Отеч. Зап." 1841 г., т. 15.

Моя юность цвѣла
Подъ туманомъ густымъ,—
И что̀ ждало меня,
Я не видѣлъ за нимъ.

Только тѣшилась мной
Злая вѣдьма—судьба;
Только силу мою
Сокрушила борьба;

Только зимней порой
Меня холодъ знобилъ;
Только волосъ сѣдой
Мои кудри развилъ;

Да румянецъ лица
Печаль рано сожгла,
Да морщины на немъ
Ядомъ слезъ провела...

Жизнь! зачѣмъ же собой *)
Обольщаешь меня?
Еслибъ силу Богъ далъ —
Я разбилъ бы тебя!

Москва, 1840, декабря 8.

ГРУСТЬ ДѢВУШКИ.

Отчего, скажи,
Мой любимый серпъ,
Почернѣлъ ты весь—
Что коса моя?

Иль обрызганъ ты
Въ скукѣ-горести
По миломъ дружкѣ [1])
Слезой дѣвичей?

Въ широкихъ степяхъ
Дона тихова
Зелена трава
Давно скошена;

На селѣ косцы
Давно женятся,—
Только нѣтъ его, [2])
Ясна сокола!..

*) Жизнь! зачѣмъ *ты* собой
„Отеч. Зап." 1841, т. 15.

[1]) По милу дружку
[2]) Одного лишь нѣтъ,

Иль онъ бросилъ домъ,
Разлюбилъ меня,
И не придетъ ужъ
Къ своей дѣвицѣ?..

3 Ахъ, не птица тамъ
Летитъ по небу:
То печальный слухъ
Объ немъ носится...[3])

Не къ добру-жъ тоска
Давитъ бѣлу грудь;
Нѣтъ, не къ радости [4])
Плакать хочется.

Москва, декабря 10, 1840.

НОЧЬ.

(Князю В. Ѳ. Одоевскому).

Не смотря въ лицо,
Она пѣла мнѣ,
Какъ ревнивый мужъ
Билъ жену свою.

А въ окно луна
Тихо свѣтъ лила;
Сладострастныхъ сновъ
Была ночь полна!

Лишь зеленый садъ
Подъ горой чернѣлъ;
Мрачный образъ къ намъ
Изъ него глядѣлъ:

Улыбаясь, онъ
Зубъ о зубъ стучалъ;
Жгучей искрою
Его глазъ сверкалъ...

Вотъ онъ къ намъ идетъ,
Словно дубъ большой...
И тотъ призракъ былъ —
Ея мужъ лихой...

По костямъ моимъ
Пробѣжалъ морозъ;
Самъ не знаю, какъ
Къ полу я приросъ.

---

[3]) (*Всей строфы нѣтъ въ „Отеч. Зап.“*). [4]) *Ахъ*, не къ радости „Отеч .Зап.“ 1841, т. 14.

Но лишь только онъ
Рукой за дверь взялъ,
Я схватился съ нимъ —
И онъ мертвый палъ.

«Что-жъ ты, милая,
Вся какъ листъ дрожишь,
Съ дѣтскимъ ужасомъ
На него глядишь?

«Ужъ не будетъ онъ
Караулить насъ;
Не придетъ теперь
Въ полуночный часъ!»...

— Ахъ, не то, чтобъ я...
Умъ мѣшается...
Все два мужа мнѣ
Представляются:

На полу одинъ
Весь въ крови лежитъ;
А другой — смотри —
Вонъ въ саду стоитъ!..—

Москва, 1840 г., декабря 11.
„Отеч. Зап." 1841 г., т. 14.

1841.

ДОЛЯ БѢДНЯКА.

У чужихъ людей *)
Горекъ бѣлый хлѣбъ,
Брага хмѣльная
Не разымчива!

Рѣчи вольныя —
Все какъ связаны;
Чувства жаркія
Мрутъ безъ отзыва...

Изъ души-ль, порой,
Радость вырвется,—
Злой насмѣшкою
Вмигъ отравится;

И бѣлъ-ясенъ день
Затуманится;

*) *Жить въ* чужихъ люд*яхъ*— „Отеч. Зап." 1843, т. 26.

Грустью черною
Міръ одѣнется.

И сидишь, глядишь
Улыбаючись;
А въ душѣ клянешь
Долю горькую!

1 апр. 1841 г.

ПѢСНЯ.

Не весна тогда
Жизнью вѣяла,
Не трава въ поляхъ
Зеленѣлася;

Не заря съ небесъ
Красовалася,
Не луна на насъ
Любовалася...

Нѣтъ! подъ холодомъ,
Подъ туманами,
Ты въ объятьяхъ жгла —
Поцѣлуями!

Ночи темныя,
Ночи бурныя
Шли, какъ облачки,
Мимо солнышка...

Вьюги зимнія,
Вьюги шумныя
Напѣвали намъ
Пѣсни чудныя!

Наводили сны,
Сны волшебные,
Уносили въ край —
Заколдованный!

1841.

„Отеч. Зап." 1842 г., т. 20.

ПѢСНЯ.

Ты прости-прощай,
Сыръ-дремучій боръ,
Съ лѣтней волею,
Съ зимней вьюгою!

Одному съ тобой
Надоѣло жить,
Путь-дорогою
До зари ходить!

Поднимусь, пойду
Въ свою хижину,
На житье-бытье
На домашнее.

Тамъ возьму себѣ
Молоду жену—
И начну съ ней жить
Припѣваючи...

ПѢСНЯ.

Разступитесь, лѣса темные;
Разойдитесь, рѣки быстрыя;
Запылись ты, путь-дороженька;
Дай мнѣ вѣстку, моя пташечка!

Я рѣкой пойду по бережку,
Полечу горой за облакомъ,
На край свѣта—на край бѣлова,—
Искать стану друга милова...

Я найду его, гдѣ-бъ ни былъ онъ,
Я скажу ему: стыдно-совѣстно
Бросить домъ свой, отца старова,
Да Богъ вѣсть куда завихриться.

Какъ завьетъ онъ кудри чорныя,
Какъ надѣнетъ кафтанъ бархатный,
Подпояшетъ кушакъ шелковый,
Поцѣлуетъ, скажетъ ласково:

«Нѣтъ, душа моя, ошиблась ты;
Я не въ полѣ вихремъ вѣялся,—
По людямъ ходилъ, деньгу копилъ,
За морями счастье пробовалъ. *)

** «Моя доля здѣсь счастливая:
Я нажилъ тебѣ два терема,
Лисицъ, шолку, много золота,—
Станетъ вѣкъ прожить боярами». **)

---

*) *Въ свое время* счастье пробовалъ.

**) (Строфы этой нѣтъ). „Отеч. Зап." 1843, т. 26.

Сборн. „Нивы" 1892 г. Ноябрь. Соч. Кольцова.

Ахъ, вы, душеньки-подруженьки!
Не отъ горя плачу—съ радости;
На душѣ она огнемъ горитъ,
А нѣтъ силы, словъ—души открыть!..

ПѢСНЯ. [1])

Какъ здоровъ да молодъ,—
Безъ веселья—веселъ:
Безъ призыва—счастье
И валитъ и ѣдетъ. [2])

Въ непогоду-вѣтеръ -
Шапка на макушкѣ;
Проходи попъ, баринъ,— [3])
Волоска не тронемъ!

Только думъ, заботы
У царя-головки:
Погулять по свѣту,
Пожить нараспашку;

Свою удаль-силку
Попытать на людяхъ,
Чтобъ не стыдно вспомнить
Молодое время!.. [4])

15 мая, 1841.

ПѢСНЯ.

Я любила его
Жарче дня и огня,
* Какъ другимъ не любить
Никогда, никогда! *)

Только съ нимъ лишь однимъ
Я на свѣтѣ жила;
Ему душу мою—
Ему жизнь отдала!

Что за ночь, за луна,
Когда друга я жду!
Вся блѣдна, холодна, **)
Замираю, дрожу!

[1]) **Сельская пѣсня.**
[2]) Идетъ отовсюду
[3]) Проходи *самъ* баринъ—
[4]) *Про былое* время!..
„Отеч. Зап." 1848, т. 26.

*) Какъ другія любить
Не смогутъ никогда.
**) *И* блѣдна, холодна,

Вотъ идетъ онъ, поетъ:
«Гдѣ ты, зорька моя?»
Вотъ онъ руку беретъ,
Вотъ цѣлуетъ меня!

«Милый другъ, погаси
Поцѣлуи твои!
И безъ нихъ, при тебѣ,
Огнь пылаетъ въ крови;

«И безъ нихъ, при тебѣ,
Жжетъ румянецъ лицо,
И волнуется грудь,
И блистаютъ глаза,
Словно въ небѣ звѣзда!» ***)

1841. 20 декабря.

СТАРАЯ ПѢСНЯ.

Изъ лѣсовъ дремучихъ сѣверныхъ
Поднялась не тучка темная,
А рать сильная—могучая
Царя грознова, московскова;

Словно птица быстролетная
Пролетѣла море синее,
Перешла такъ сила русская—
Степь пустую, непроходную.

И пришла она, незваная,
Къ царству славному Казанскому,—
Къ бусурману—хану лютому,
Къ своему недругу заклятому.

И куда еще—спитъ зорюшка,
А ужъ бьется Русь съ Татариномъ,—
Стѣны крѣпкія разрушила,
И пошла гулять по городу.

Воеводы, рати храбрыя
Ѣздятъ, бьютъ Татаръ по улицамъ;
А на башнѣ, съ русскимъ знаменемъ,
Юный царь стоитъ—какъ солнышко!

***) И волнуется грудь,
И кипитъ горячо;
И блистаютъ глаза
Лучезарной звѣздой!..
Я жила для него—
Я любила душой!..
„Отеч. Зап.“ 1843, т. 26.

ЕЩЕ СТАРАЯ ПѢСНЯ.

Въ Александровской слободкѣ
Пьютъ, гуляютъ молодцы,
Все опричники лихіе,
Молодые чернецы.

Посреди ихъ царь святоша,
Въ рясѣ бархатной, сидитъ,
Распѣваетъ тихо псалмы,
Жезломъ по полу стучитъ.

Самъ изъ кубка золотова
Вина, меду много пьетъ;
Поднимается какъ туча—
На всю Слободу реветъ:

«Враги царскіе не дремлютъ;
Я-жъ какъ соня здѣсь живу...
На коней скорѣй садитесь,
Да поѣдемте въ Москву!

«Что за медъ здѣсь? что за брага?
Опротивѣлъ хлѣбъ сухой;
На московской на площадкѣ
Мы сготовимъ пиръ другой!

«Наѣдимся тамъ до-сыта
Человѣчины сырой,
Перепьемся мы до-пьяна
Крови женской и мужской!

«Бѣдный рабъ, я—царь наслѣдный
Надъ моими надъ людьми:
На кого сурово взглянемъ—
Скушаемъ съ дѣтьми!»

Царь-ханжа летитъ, какъ вихорь,
Съ саранчею удальцовъ,
Москву-матушку пилатить—
Кушать мясо и пить кровь!

„Рус. Арх." 1871, № 6, стр. 250.

1842.

ПѢСНЯ.

Что онъ ходитъ за мной,
Всюду ищетъ меня
И, встрѣчаясь, глядитъ
Такъ лукаво всегда?

Что смѣшнова во мнѣ?—
Я понять не могу;
И за мною ходить—
Кто далъ право ему?

Помню, какъ-то давно,
У знакомыхъ былъ балъ;
Какъ безумный, всю ночь
Онъ со мной танцовалъ!

Слова нѣтъ—онъ хорошъ:
Брови, носъ и лицо...
Но глаза—за глаза
Ненавижу его!

Голубые они...
И какъ жарко горятъ!
Будто яда полны,—
Будто съѣсть васъ хотятъ!..

Нѣтъ, отстаньте, прошу,
Не слѣдите меня;
Вашихъ дьявольскихъ глазъ
Я боюсь, какъ огня!..

ПѢСНЯ.

Нынче ночью къ себѣ
Въ гости друга я жду...
«Безъ знакомыхъ, одинъ»,—
Сказалъ,—«радость, приду.

«Мѣсяцъ будь, иль не будь,—
Конь дорогу найдетъ:
Самъ лукавый, впотьмахъ,
Съ ней его не собьетъ.

«И до ночи мятель
Снѣгомъ путь весь закрой,—
Безъ дороги, чутьемъ,
Сыщетъ домикъ онъ твой!..»

Нынче ночью къ себѣ
Въ гости друга я жду...
Онъ, прощаясь, сказалъ:
«Хоть умру, а приду.

«Что мнѣ крѣпкой замокъ,
Караулъ, ворота?—

Воеводская дверь
Мнѣ всегда расперта.

«Не любивши тебя,
Въ селахъ слылъ молодцомъ,—
А съ тобою, мой другъ,
Города нипочомъ!»

ПѢСНЯ.

Вянетъ травка осенью
И желтѣетъ;
Сохнетъ съ грусти молодецъ —
И старѣетъ.

Гдѣ та удаль буйная,
Что̀ бывала?
Гдѣ та рѣчь разгульная,
Что̀ звучала?

Гдѣ тѣ кудри русые,
Что̀ вилися?
Гдѣ тѣ взоры пылкіе,
Что̀ такъ жглися?

Ахъ! тѣ кудри русые
Посѣдѣли;
Очи соколиныя
Потускнѣли;

Сердце молодецкое
Присмирѣло,—
Все, все въ добромъ молодцѣ
Устарѣло.

„Лит. Газ." 1848, № 41.

ПѢСНЯ.

Пламенѣя, горя,
Золотая заря
Занимается...
Чрезъ сосновый лѣсокъ,
Чуть шумя, вѣтерокъ
Пробирается...
Видно, душно ему
Стало въ темномъ лѣсу
И нерадостно?

Захотѣлося, знать,
Полетать, погулять
По раздолію?..

. . . .

Вотъ прошелъ вѣтерокъ,
Чуть шумя, чрезъ лѣсокъ—
Да какъ кинется!
И завылъ, загудѣлъ,
Черезъ степь полетѣлъ
Буйно, весело!
По дорогѣ поднялъ
Пыль столбомъ, взволновалъ
Ковыль бѣлую,—
Налетѣлъ, подхватилъ
И чрезъ степь покатилъ
Травку бѣдную!

. . . .

Не хвались ты собой,
Вѣтерокъ удалой,
И не важничай!
Я сейчасъ же сломлю
Прыть младую твою...

. . . .

На коня лишь вскочу,
За тобой полечу
Буйной удалью,
Какъ мигнуть, нагоню...
Берегись, раздавлю
Твою волюшку;
Разорву я тебя
Полной грудью коня
На двѣ стороны.!.

„Лит. Газ.“, 1848 г., № 41.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Думы.

1833.

ВЕЛИКАЯ ТАЙНА.

Тучи носятъ воду,
Вода поитъ землю,
Земля плодъ приноситъ;
Бездна звѣздъ на небѣ,
Бездна жизни въ мірѣ;
То мрачна, то свѣтла
Чудная природа...

Старѣясь въ сомнѣньяхъ
О великихъ тайнахъ,
Идутъ невозвратно
Вѣки за вѣками;
У каждаго вѣка
Вѣчность вопрошаетъ:
«Чѣмъ кончилось дѣло?»
— Вопроси другова,—
Каждый отвѣчаетъ

Смѣлый умъ съ мольбою
Мчится къ Провидѣнью:
«Ты повѣдай мыслямъ
Тайну сихъ созданій!»
Шлютъ отвѣтъ, вновь тайный,
Чудеса природы,
Тишиной, и бурей
Мысли изумляя...

Что̀ же совершится
Въ будущемъ съ природой?..
О, гори, лампада,

Ярче предъ Распятьемъ!
Тяжелы мнѣ думы,
Сладостна молитва!

„Телеск.“, 1835, кн. 26.
Изд. 1835 г.

1836.

БОЖІЙ МІРЪ.

Отецъ свѣта—вѣчность;
Сынъ вѣчности—сила;
Духъ силы—есть жизнь:
Міръ жизнью кипитъ.
Вездѣ Тріединый,
Воззвавшій все къ жизни!
Нѣтъ вѣка Ему,
Нѣтъ мѣста Ему!
Съ величества трона,
Съ престола чудесъ
Божій образъ—солнце
Къ намъ съ неба глядитъ. *)
И днемъ повѣряетъ
Всемірную жизнь.
Въ другомъ мѣстѣ неба
Оно отразилось,—
И мѣсяцемъ землю
Всю ночь сторожитъ.
Тьма, на лонѣ ночи
И живой прохлады,
Всѣ стихіи міра
Сномъ благословляетъ. **)
Въ царствѣ Божьей воли, ***)
Въ переливахъ жизни,
Нѣтъ безсильной смерти,
Нѣтъ бездушной жизни!

Воронежъ. 1836.

---

*) Сквозь небо глядитъ,
**) Сномъ благословляетъ.
Плоть ихъ укрѣпляетъ,
Свѣтъ даетъ имъ силу,
Возрождаетъ душу:
Творецъ Всемогущій
Собой обнимаетъ,
Живитъ, сохраняетъ.
Въ царствѣ Божьей воли...
Рукоп. И. Публ. Б.

***) Сномъ благословляетъ.
Свѣтъ даетъ имъ силу,
Возрождаетъ душу.
Въ царствѣ Божьей воли...
„Отеч. Зап.“, 1840, т. 11.

НЕРАЗГАДАННАЯ ИСТИНА.

Цѣлый вѣкъ я рылся
Въ таинствахъ вселенной,
До сѣдинъ учился
Мудрости священной.

Всѣ вѣка былые
Съ новыми повѣрилъ;
Чудеса земныя
Опытомъ измѣрилъ.

Мелкія причины
Тѣшились людями;
Карлы-властелины
Двигали мірами.

Райскія долины
Кровью обливались;
Карлы-властелины
Въ бездну низвергались.

Гдѣ пройдетъ коварство
Съ злобою людскою,—
Тамъ, въ обломкахъ, царство
Зарастетъ травою...

Племена другія
На нихъ поселятся,
Города большіе
Людьми разродятся;

Сторона пустая
Снова зацаруетъ,—
И жизнь молодая
Шумно запируетъ!

Подсѣку-жъ я крылья
Дерзкому сомнѣнью,
Прокляну усилья
Къ тайнамъ Провидѣнья!

Умъ нашъ не шагаетъ
Міра за границу,—
Наобумъ мѣшаетъ
Съ былью небылицу.

„Лит. Приб. къ Р. Инв." 1838 г.

ЧЕЛОВѢКЪ.

Всѣ творенья въ Божьемъ мірѣ
Такъ прекрасны, хороши!
Но прекраснѣй человѣка
Ничего нѣтъ на землѣ!

То себя онъ ненавидитъ;
То собой онъ дорожитъ;
То полюбитъ, то разлюбитъ;
За мигъ жизни вѣкъ дрожитъ...

Дастъ желаньямъ-ли свободу,—
Землю кровью напоитъ;
Буйной волѣ дастъ-ли волю,
Подъ нимъ море закипитъ.

Но измѣнятся стремленья, *)
Озарится свѣтомъ умъ,—
И своей онъ красотою
Все на свѣтѣ помрачитъ...

ВЕЛИКОЕ СЛОВО [1].

(В. А. Жуковскому).

Глубокая вѣчность
Огласилась словомъ: [2]
То слово — «да будетъ!»
«Ничто» воплотилось
Въ тьму ночи и свѣтъ;
Могучія силы
Сомкнуло въ міры,
И чудной, прекрасной
Повѣяло жизнью.
Земля красовалась
Роскошнымъ эдемомъ,
И духъ воплощенный—
Владѣтель земли—
Съ челомъ вѣчно-юнымъ,
Высокимъ и стройнымъ,
Съ отсвѣтомъ свободы
И мысли во взорѣ,—
На свѣтлое небо,
Какъ ангелъ, глядѣлъ...

*) Но измѣнятся *желанья*, „Лит. Газ.“, 1841, № 3.

[1]) **Великая истина.** (1-я рук. И. П. Б.).
[2]) Словомъ огласилась: (2-я рук. И. П. Б. и „Соврем.“).

Свобода, свобода!.. [3]
Гдѣ-жъ рай твой веселый?
Слѣды твои страшны,
Отмѣчены кровью
На пестрой страницѣ
Широкой земли!
И лютое горе
Ее залило—
Ту дивную землю,
Безславную землю!..
Но слово «да будетъ!» —
То вѣчное слово
Не мимо идетъ:
Въ хаосѣ печали,
Въ полуночномъ мракѣ
Надземныхъ судебъ,
Божественной мыслью
На древѣ Креста
Сіяетъ и свѣтитъ
Терновый вѣнецъ...
И горькія слезы
Раскаянья слезы—
На блѣдныхъ ланитахъ
Земнова царя
Зажглись упованьемъ
Высокимъ и свѣтлымъ;
И духъ вдохновляетъ
Мятежную душу,—
И сладко ей горе.
4 Понятно ей горе:
Оно—искупленье [4])
Прекраснаго рая...
Да будетъ!—и было,—
И видимъ,—и будетъ...
Всегда—безъ конца.
Кто-жъ Онъ, Всемогущій?
И гдѣ обитаетъ?..
Нѣтъ Богу вопроса.—
Нѣтъ мѣры Ему!..

1836. Степ. гр. Орловой.

[3]) Свобода *души!..*
„Соврем.", 1838, т. 11.

[4]) Понятно ей горе:
Оно—ея слава,
Оно—искупленье...
1-я рукоп. И. Публ. Б.

УМОЛКШІЙ ПОЭТЪ.

Съ душою пророка, *)
  Съ печатью величья
На гордомъ челѣ,
Родился младенецъ
На диво землѣ.

  Земныя богини,
Какъ хитрыя дѣвы,
Манили младенца
Роскошной мечтою;
Притворною лаской
Любовь обманули;
Сожгли поцѣлуемъ
Румянецъ лица;
Сорвали улыбку —
Сіянье души.
Напрасно таилъ онъ,
Напрасно берегъ
Дары вдохновеній
Отъ горняго міра —
Для жизни земной;
Напрасно онъ райской
И звучною пѣсней
Родимыя дебри,
Поля оглашалъ:
Пустыня молчала...
Толпа отступилась
Отъ взоровъ пророка! **)
Высокое чувство,
И жаръ вдохновенья,
И творчества силу
Толпа не признала:
Смѣшны ей и радость,
И горе поэта...
Сгори онъ въ пожарѣ
Презрѣнныхъ страстей, —
Она, какъ вакханка,
Его зацѣлуетъ
И братскимъ восторгомъ,

---

*) Съ душою *могучей*, **) Отъ взоровъ *могучихъ!*
„Отеч. Зап.", 1840, т. 8.

Нечистымъ, постыднымъ,
Навѣкъ заклеймить...

Очарованъ утромъ.
Обманутый полднемъ.
Одѣтый вечернимъ
Туманомъ и тѣнью
Загадочной жизни.
Глядитъ равнодушно
Безмолвный поэтъ...
Ты думаешь: палъ онъ?..
Нѣтъ! ты не замѣтилъ
Высокую думу.
Огонь благодатный
Во взорѣ его...

МОГИЛА.

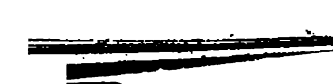
Чья это могила?
Тиха, одинока,
И крестъ тростниковый,
И насыпь свѣжа;
И чистое поле
Кругомъ безъ дорогъ...
Чья жизнь отжилася?
Чей кончился путь?

Татаринъ-ли дикій
Свершилъ здѣсь убійство
Въ ночной темнотѣ,
И свѣжею кровью
Горячею брызнулъ
На русскую быль?

Или молодая
Жница-поселянка,
Ангела-младенца
На рукахъ лелѣя,
Оплакала горько
Кончину его—
И подъ яснымъ небомъ,
Въ полѣ, на просторѣ,
Въ цвѣтахъ васильковыхъ,
Положенъ дитя?.. *)

---

*) Положенъ дитя?..
Что-жъ съ твоей невинной,
Чистою душою,
Ангелъ мимолетный?..

Вѣетъ надъ могилой—
Вѣетъ буйный вѣтеръ,
Катитъ черезъ ниву,
Мимо той могилы,
Сухую былинку—
Перекати-поле;
Будитъ вольный вѣтеръ,—
Будитъ-не пробудитъ
Дикую пустыню,
Тихій сонъ могилы!.. **)

Воронежъ. 1836.
„Моск. Набл.“, 1838, ч. 16.

МОЛИТВА [1].

Спаситель, Спаситель!
Чиста моя вѣра,
Какъ пламя молитвы!
Но, Боже, и вѣрѣ
Могила темна!
Что слухъ мой замѣнитъ?
Потухшія очи?
Глубокое чувство
Остывшаго сердца?
Что будетъ жизнь духа
Безъ этого сердца?

На крестъ, на могилу,
На небо, на землю *) [2],
На точку начала
И цѣли твореній
Творецъ Всемогущій
Накинулъ завѣсу,
Наложилъ печать... **) [3])

**) Тихій сонъ могилы!..
И встаютъ видѣнья
Въ душѣ одинокой,
Завѣтныя думы,
Смутныя мечты.
Свяжите тотъ вѣтеръ!
Окуйте неволей
Тревожную душу!
Напрасно! Блуждая,
Осеннимъ туманомъ,
По доламъ, по горамъ,—
Она въ поднебесье
Отъ узъ улетитъ...
Не такъ-ли, младенецъ,
Свободною мыслью
Уходишь ты въ небо,
Родное тебѣ...

Рукоп. Имп. Публ. Библ.

[1]) **Слеза молитвы.**
[2]) На небо *и* землю,
[3]) Положилъ печать...

Рукоп. Имп. Пуб. Библ.

*) На небо *и* землю,
**) Печать положилъ...

Ал. „Сборникъ“ 1838 г.

Печать та навѣки;
Ее не расторгнутъ
Міры, разрушаясь,
Огонь не растопитъ,
Не смоетъ вода!..

Прости-жъ мнѣ, Спаситель,
(Слезу моей грѣшной ***) [4])
Вечерней молитвы:
Во тьмѣ она свѣтитъ
Любовью къ тебѣ...

1836. Степь гр-ни Орловой.

1837.

ДВѢ ЖИЗНИ.

Двѣ жизни въ мірѣ есть:
Одна свѣтла, горитъ она какъ солнце;
Въ ея очахъ небесный тихій день;
Въ сіяніи—святая мысль и чувство;
Ея живая сила такъ роскошно
Звучитъ свободной и разумной рѣчью...
[a] И это—жизнь земнова духа:
Долга она—какъ Божья вѣчность... [a])

Другая жизнь темна;
Въ ея очахъ—земная грусть и ночь,
И спитъ она сномъ крѣпкимъ и мятежнымъ;
Таится мысль въ ея цвѣтистыхъ формахъ,
Но не звучитъ свободной рѣчью:
Наклоннѣе, во тьмѣ, она къ молчанью...
И это—жизнь земнова праха:
Кратка она—какъ блескъ звѣзды падучей...

ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ МУДРОСТЬ.

Что ты значишь въ этомъ мірѣ
Духъ премудрый человѣка?
Какъ ты можешь кликнуть солнцу:
Слушай, солнце! стань, ни съ мѣста!
Чтобъ ты въ небѣ не ходило,
Чтобъ на землю не свѣтило!

---

[4]) Слезу моей *грустной*
Рукоп. Имп. Публ. Б.

***) Слезу моей *грустной*
„Сборникъ" 1838 г.

[a]) И это—жизнь *святова* духа:
Она долга,—долга, какъ Божья вѣчность...
„Литер. Приб. къ Рус. Инв." 1838 г.

Выдь на берегъ, глянь на море:
Что̀ ты можешь сдѣлать морю,
Чтобъ вода въ немъ охладѣла,
Чтобы камнемъ затвердѣла?
Чѣмъ, какою тайной силой
Шаръ вселенной остановишь,
Чтобъ не шелъ онъ, не кружился?..
Перестрой же всю природу!
Міръ прекрасенъ... ты не хочешь...
Нѣтъ, премудрый, ты не можешь!
Да, не можешь, рабъ пространства,
Лѣтъ и времени невольникъ.
Будь ты бездна силъ, идей,
Самъ собой наполни небо,
Будь ты *все*, одинъ и всюду,
Будь ты богъ — и слово... дѣло!..
Но когда ужъ это *Все*,
Безконечно и одно,
Есть предъ нами въ ризѣ свѣта, —
То другой ужъ власти нѣтъ...
Все, что есть,—все это Божье;
И премудрость наша — Божья.

„Литер. Приб. къ Р. Инв." 1838 г.

ВОПРОСЪ.

Какъ ты можешь
Кликнуть солнцу:
Слушай, солнце;
Стань, ни съ мѣста!
Чтобъ ты въ небѣ
Не ходило,
Чтобъ на землю
Не свѣтило!
Стань на берегъ,
Глянь на море:
Что̀ ты можешь
Сдѣлать морю,
Чтобъ вода въ немъ
Охладѣла,
Чтобы камнемъ
Затвердѣла?
Какой силой
Богатырской

Шаръ вселенной
Остановишь,
Чтобъ не шелъ онъ,
Не кружился?..

Какъ же быть мнѣ
Въ этомъ мірѣ,
При движеньи —
Безъ желанья?
Что̀-жъ мнѣ дѣлать
Съ буйной волей,
Съ грѣшной мыслью,
Съ пылкой страстью?

Въ эту глыбу
Землянную
Сила неба
Жизнь вложила,
И живетъ въ ней,
Какъ царица!
Съ колыбели
До могилы
Духъ съ землею
Ведутъ брани:
Земь не хочетъ
Быть рабою —
И нѣтъ мочи
Скинуть бремя;
Духу-жъ неба
Невозможно
Съ этой глыбой
Породниться...

Много-ль время
Пролетѣло?
Много-ль время
Есть впере́ди?
Когда будетъ
Конецъ брани?
За кѣмъ поле?—
Богъ ихъ знаетъ!
Въ этой сказкѣ
Цѣль сокрыта;
Въ моемъ толкѣ
Смыслу нѣту,

Чтобъ провидѣть
Дѣла Божьи...
За могилой
Рѣчь безмолвна;
Вѣчной тьмою
Даль одѣта...
Буду-ль жить я
Въ безднѣ моря?
Буду-ль жить я
Въ дальнемъ небѣ?
Буду-ль помнить:
Гдѣ былъ прежде,
Что̀ я думалъ
Человѣкомъ?..
Иль за гробомъ
Все забуду,
Смыслъ и память
Потеряю?..
Что̀-жъ со мною
Тогда будетъ,
Творецъ міра,
Царь природы?

„Москов. Наблюд." 1838, т. 16.

ЦАРСТВО МЫСЛИ.

Горитъ огнемъ и вѣчной мыслью солнце;
Осѣнены все той же тайной думой,
Блистаютъ звѣзды въ безпредѣльномъ небѣ,
И одинокій молчаливый мѣсяцъ
Глядитъ на нашу землю свѣтлымъ окомъ.
Въ тьмѣ ночи возникаетъ мысль созданья;
Во свѣтѣ дня она уже одѣта,
И крѣпнетъ въ вѣяньи живой прохлады,
И спѣетъ въ нѣгѣ теплоты и зноя.
Повсюду мысль одна — одна идея: *)
Она живетъ и въ пеплѣ и пожарѣ;
Она и тамъ — въ огнѣ, въ раскатахъ грома;
Въ сокрытой тьмѣ бездонной глубины;
И тамъ, въ безмолвіи лѣсовъ дремучихъ;
Въ прозрачномъ и пловучемъ царствѣ водъ глубокихъ,
Въ ихъ зеркалѣ и въ шумной битвѣ волнъ;

*) Повсюду *царствуетъ* одна идея:

И въ тишинѣ безмолвнаго кладбища;
На высяхъ горъ безлюдныхъ и пустынныхъ;
Въ печальномъ завываньи бурь и вѣтра;
Въ глубокомъ снѣ недвижимаго камня; **)
Въ дыханіи былинки молчаливой;
Въ полетѣ къ облаку орлиныхъ крылій; ***)
Въ судьбѣ народовъ, царствъ, ума и чувства — всюду
Она одна — царица бытія! ****)

1839.

ЛѢСЪ.

О чемъ шумитъ сосновый лѣсъ?
Какія въ немъ сокрыты думы? [a])
Ужель въ его холодномъ царствѣ [b])
Затаена живая мысль?..

1 Коня скорѣй! Какъ соколъ быстрый,
На немъ весь лѣсъ изъѣзжу я: [1])
Вездѣ — глубокій сонъ, шумъ вѣтра,
И дикая краса угрюмо спитъ...

Когда-нибудь его стихія
Рвалася землю всю покрыть; [c])
Но, въ сонъ невольно погрузившись,
Въ одномъ движеніи стоитъ.

Порой, во тьмѣ пустынной ночи,
Былыхъ вѣковъ живыя тѣни
Изъ глубины его выходятъ, [d])
И на людей наводятъ страхъ.

Съ приходомъ дня уходятъ тѣни,
Слѣдовъ ихъ нѣтъ; лишь на вершинахъ
Одинъ туманъ, да въ темной грусти
Ночь безразсвѣтная лежитъ... [e])

Какая-жъ тайна въ дикомъ лѣсѣ
Такъ безотчетно насъ влечетъ,

**) Въ глубокомъ снѣ *разряженнаго* камня;

***) И въ дикой силѣ львиной мышцы крѣпкой;

****) Одна она — идея бытія.
О, какъ великъ, какъ счастливъ человѣкъ,
Благоговѣйно-тихо созерцая
Поэзію святую Божьей мысли.

„Современ.“ 1838 г., т. 9.

[a]) Какія въ немъ *чернѣютъ* думы?

[b]) Ужель въ его *суровомъ* царствѣ

[c]) *Хотѣла* землю всю *обнять;*

[d]) Изъ глубины *своей* выходятъ,

[e]) *Печаль глубокая* лежитъ...

1-я рук. И. Н. Б.

[1]) Коня скорѣй! Какъ соколъ *ясный*,
На немъ весь лѣсъ я *облечу:*

Двѣ рук. и „Отеч. Зап.“ 1840 г., т. 13.

ᶠ Въ забвенье погружаетъ душу
И мысли новыя рождаетъ въ ней?..
Ужели въ насъ духъ вѣчной жизни
Такъ безсознательно живетъ,
Что можетъ лишь въ предѣлахъ смерти [f])
Свое величье сознавать?..

10 ноября 1839.

ПЕРЕДЪ ОБРАЗОМЪ СПАСИТЕЛЯ.

Передъ тобою, мой Богъ,
Я свѣчу погасилъ;
Премудрую книгу
Предъ тобою закрылъ.
Твой небесный огонь
Негасимо горитъ;
Безконечный твой міръ
Предъ очами раскрытъ.
Я съ любовью къ тебѣ
Погружаюся въ немъ;
Со слезами стою
Передъ свѣтлымъ лицомъ!
И напрасно весь міръ
На тебя возставалъ,
И напрасно на смерть
Онъ тебя осуждалъ:
На крестѣ, подъ вѣнцомъ,
И спокоенъ, и тихъ,
До конца ты молилъ
За злодѣевъ своихъ!

Рукопись Имп. Публ. Библ.

1840.

ПОЭТЪ.

Въ душѣ человѣка
Возникаютъ мысли —

---

f) Въ забвенье погружаетъ *чувство*
И мысли новыя рождаетъ въ *немъ?*..
Ужели въ насъ *живая воля*
Такой свободою живетъ,
Что *нужно ей* въ предѣлахъ смерти

2-я рукоп. И. П. Б.

Въ забвенье *душу погружаетъ*
И воскрешаетъ чувство въ ней?..
Ужели въ насъ духъ вѣчной жизни
Такъ безсознательно живетъ,
Чтобъ *въ царствѣ безотрадной* смерти

1-я рукоп. И. П. Библ.

Какъ въ дали туманной
Небесныя звѣзды...
  Міръ есть тайна Бога,
Богъ есть тайна жизни;
Цѣлая природа —
Въ душѣ человѣка.
  Проникнуты чувствомъ,
Согрѣты любовью,
Изъ нея всѣ силы
Въ образахъ выходятъ...
  Властелинъ-художникъ
Создаетъ картину —
Великую драму,
Исторію царства.
  Въ нихъ духъ вѣчной жизни,
Самъ себя сознавши,
Въ видахъ безконечныхъ
Себя проявляетъ;
  И живетъ столѣтья,
Умъ нашъ поражая,
Надъ бездушной смертью
Вѣчно торжествуя.
  Дивныя созданья
Мысли всемогущей!
Весь міръ передъ вами
Со мной исчезаетъ...

1841.

ЖИЗНЬ.

Умомъ легко намъ свѣтъ обнять;
  Въ немъ мыслью вольной мы летаемъ;
Что̀ не дано намъ понимать —
Мы все какъ-будто понимаемъ;
  И рѣзко судимъ обо всемъ,
Съ вѣковъ покрова не снимая;
Дошло,—что людямъ ни-почемъ
Сказать: вотъ тайна міровая!
  Какъ свѣтъ стоитъ, до этихъ поръ,
Всего мы много пережили;
Страстей мы видѣли напоръ;
За царствомъ царство схоронили.
  Живя, проникли глубоко

Въ тайникъ природы чудотворной;
Одни познанья взяли мы легко,
Другія — силою упорной...

Но все-жъ успѣхъ нашъ не великъ.
Чтò до преданій? — мы не знаемъ;
Впередъ чтò будетъ? — кто проникъ?
Чтò мы теперь? — не разгадаемъ.

Одинъ лишь опытъ говоритъ, —
Что прежде насъ здѣсь люди жили,
И мы живемъ, и будутъ жить...
Вотъ каковы всѣ наши были!..

* * *

(Князю П. А. Вяземскому.)

Не время-ль намъ оставить
Про высоты мечтать,
Земную жизнь безславить,
Чтò есть иль нѣтъ — желать?

Легко, конечно, строить
Воздушные міры,
И увѣрять и спорить:
Какъ въ нихъ-то важны мы!

Но отъ души-ль порою
Въ насъ чувство говоритъ,
Что жизнію земною —
Нѣтъ нужды дорожить?..

Темна, страшна могила; *)
За далью — мракъ густой;
Ни вѣсти, ни отзыва
На вопль нашъ роковой!

А тутъ дары земные.
Дыханіе цвѣтовъ,
Дни, ночи золотыя,
Разгульный шумъ лѣсовъ,

И сердца жизнь живая,
И чувства огнь святой,
И дѣва молодая
Блистаетъ красотой!..

18 декабря 1841.

---

*) *Черна, темна* могила; — „Отеч. Зап.“ 1843, т. 26.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

1827.

СИРОТА.

Не прельщайте, не маните,
  Пылкой юности мечты!
Удалитесь, улетите
От бездомной сироты!
  Что-жъ вы, злыя, что вы вьетесь
Надъ усталой головой?
Что вы съ вѣтромъ не несетесь
Въ край невѣдомый, чужой?
  Были дни — и я любила
Сны о радости земной;
Но надежда измѣнила...
Радость — сонъ въ судьбѣ моей.
  На яву же, въ облегченье,
Только слезы проливать,
И не вѣрить въ облегченье,
И покоя не вкушать.
  Не прельщайте-жъ, не маните,
Свѣтлой радости мечты!
Унеситесь, улетите
Отъ бездомной сироты!

1827.
Рукоп. И. Пуб. Библ.

1828.

ПѢСНЯ.

Очи, очи голубыя,
  Мнѣ васъ болѣ не встрѣчать!
Дѣвы, дѣвы молодыя,
Вамъ меня ужъ не ласкать!

Побывали, унеслися
Дни моей златой весны;
Въ сердцѣ опытномъ слилися
Лишь отзывы старины.
Ахъ, на что же оживили
Предо мной мои мечты,
Сердцу сладостныя были
Ласки юной красоты?
Мнѣ-ль привѣтливымъ казаться,
Съ хладнымъ сердцемъ вновь любить?
Мнѣ-ль надеждой обольщаться?
Безпробудно другъ мой спитъ...

МАЛЕНЬКОМУ БРАТУ.

Расти счастливо, братъ мой милый,
Подъ кровомъ Вышняго Творца,
На груди матушки родимой,
Въ объятьяхъ нѣжнаго отца.
Будь добродѣтеленъ душою,
Великъ и знатенъ — простотою;
На сцену свѣта ты взойдешь
Любимцемъ-ли слѣпой фортуны,
Или, какъ я, полюбишь струны,
И посохъ бѣдный понесешь, —
Въ высокомъ званіи предъ бѣднымъ
Счастливой долей не гордись!
Но съ нимъ чѣмъ Богъ послалъ—послѣднимъ,
Какъ съ роднымъ братомъ, подѣлись.
Суму дадутъ — не спорь съ судьбою;
У Бога мы равны: предъ Нимъ
Смирися съ дѣтской простотою —
И съ сердца грусть слетитъ, какъ дымъ.
Пробудишь струны, — пой безъ лести!
Будь неподкупенъ въ дѣлѣ чести;
Люби Творца, своихъ владыкъ,
И будь въ ничтожествѣ великъ.

Изд. 1835 г.

ПУТНИКЪ.

Сгустились тучи, вѣтеръ вѣетъ,
Трава пустынная шумитъ;
Какъ черный пологъ, ночь виситъ,
И даль пространная чернѣетъ;

Лишь тамъ, въ дали степи обширной,
Какъ тайный лучъ звѣзды призывной,
Зажженъ случайною рукой,
Горитъ огонь во тьмѣ ночной.
Унылый путникъ, запоздалый
Одинъ среди глухихъ степей,
Плетусь къ ночлегу на своей
Кляченкѣ тощей и усталой.
Держу я путь къ тому огню;
Ему я радъ, какъ счастья дню.
И кто такъ пристально, средь ночи,
Вперялъ на дѣву страстны очи,
Кто, не смыкая зоркихъ глазъ,—
Кто такъ стерегъ условный часъ,
Какъ я, съ походною торбою,
Трясясь на клячѣ чуть живой,
Встрѣчалъ огонь во тьмѣ ночной?
То нашъ очагъ горитъ звѣздою,
То спѣетъ каша степняка,
Подъ пѣснь родную чумака!.. *)

Изд. 1835 г.

ОСЕНЬ.

Настала осень; непогоды
Несутся въ тучахъ отъ морей,
Угрюмѣетъ лицо природы,
Не веселъ видъ нагихъ полей,
Лѣса одѣлись синей тьмою, [1])
Туманъ гуляетъ надъ землею
И омрачаетъ свѣтъ очей.

---

*) **Привѣтный огонекъ.**
Сгустились тучи, вѣтеръ вѣетъ,
Дубрава темная шумитъ;
За вихремъ буйнымъ вихрь летитъ
И даль пространная чернѣетъ.
Лишь тамъ, въ дали степи обширной,
Какъ тайный лучъ звѣзды призывной,
Зажженный тайною рукой—
Горитъ огонь во тьмѣ ночной.
Усталый странникъ, запоздалый
Одинъ среди родныхъ степей,
Спѣшитъ къ ночлегу поскорѣй,—
И мчится конь подъ нимъ удалый.
Предъ нимъ и блещетъ, и горитъ
Огонь вдали сквозь пологъ чёрный.
Быть-можетъ, онъ его манитъ
Подъ кровъ родныхъ уединенный;
Ему настанетъ счастья часъ,
Тамъ встрѣтитъ онъ свою отраду;
Тамъ все его... Но мнѣ погасъ
Тотъ огнь, чтó мнѣ сулилъ награду.
Къ нему стремился я душой,
Я съ нимъ хотѣлъ здѣсь счастье встрѣтить;
Но онъ мнѣ на землѣ не свѣтитъ!
И я одинъ, во тьмѣ ночной,
Скитаюсь въ мірѣ сиротой.

1828 г., августа 4.
Тетради Кольцова („Отеч. Зап." 1867, т. 170).

[1]) Лѣса *покрылись* синей *мглою*,

Все умираетъ, охладѣло;
Пространство дали почернѣло;
Нахмурилъ брови бѣлый день;
Дожди безсмѣнные полились;
Къ людямъ въ сосѣдки поселились
Тоска и сонъ, хандра и лѣнь.
Такъ точно немочь старца скучна;
Такъ точно тоже для меня [2])
Всегда водяна и докучна
Глупца пустая болтовня. *)

НОЧЛЕГЪ ЧУМАКОВЪ.

Вблизи дороги столбовой
Ночуетъ таборъ кочевой
Сыновъ Украины привольной.
Въ степи и пасмурно и темно:
Ни звѣздъ блестящихъ, ни луны
На небѣ нѣтъ, и тишины
1 Ночной ничто не нарушаетъ;
Порой проѣзжій лишь играетъ,
И колокольчикъ почтовой,
Звеня надъ тройкой удалой,
На мигъ молчанье прерываетъ.
Между возовъ огонь горитъ;
На таганѣ котелъ виситъ;
Чумакъ раздѣтый, бородатый,
Поджавшись на ногахъ, сидитъ [1])

---

[2]) И такъ же точно для меня
Рукоп. Имп. Публ. Библ.

*) **Осень.**

Настала осень; непогоды
Помчались съ юга на востокъ;
Затмилася краса природы,
Унылъ, осиротѣлъ лужокъ.
Поля, лѣса одѣлись тьмою,
Туманъ гуляетъ надъ землею,
И вѣтръ порывный съ быстротой
Свиститъ, летитъ на край земной.
Пространство дали почернѣло,
Дожди все льются день и ночь;
Все, будто въ горѣ, помертвѣло,
Забавы улетѣли прочь;
Къ людямъ въ сосѣдки поселились
Тоска, печаль, досугъ и лѣнь;
Длиннѣе ночь, короче день,
И солнце и луна затмились.
Надолго-ль осени туманной
Веселый край опустошать?
И долго-ль вѣтеръ непрестанный
Уныло будетъ завывать?
Придетъ весна, придетъ веселье,
Къ людямъ забавы придутъ вновь...
Лишь невозвратно наслажденье
И прошлой юности любовь.

1828 г. ноября 23.
Тетр. Кол. („Отеч. Зап." 1867, т. 170).

[1]) Ночной ничто не нарушаетъ;
Вся степь роскошно почиваетъ.
Лишь у проѣзжихъ чумаковъ
Огонь горитъ между возовъ.
Старикъ раздѣтый, бородатый,
Готовя ужинъ небогатый,
Поджавшись на ногахъ,
сидитъ

И кашу съ саломъ кипятитъ.
За таборомъ невдалекѣ
Волы усталые пасутся;
Они никѣмъ не стерегутся.
Безпечно предъ огнемъ въ кружкѣ
Хохлы чумазые, сѣдые,
Съ усами хлопцы молодые,
Простершись на травѣ, лежатъ
И въ даль невесело глядятъ.
Чѣмъ чумаковъ прогнать дремоту?
Давно-ль утратили охоту
Они пѣть пѣсни старины?
Чѣмъ нынѣ такъ развлечены? [2])
Бывало, часто, ночью темной
Я съ ними время раздѣлялъ
И, помню, пѣснямъ ихъ внималъ
3 Съ какой-то радостью невольной...
Но вотъ во тьмѣ игра свирѣли,
Вотъ тихо подъ свирѣль запѣли [3])
Они про жизнь своихъ дѣдовъ,
Украйны вольныя сыновъ... [4])
И какъ тѣ пѣсни сердцу милы,
Какъ выразительны, унылы,
Протяжны, звучны, и полны
Преданьями родной страны!.. [5])

---

[2]) Какой заботою полны?
[3]) Съ какой-то радостью невольной...
Кто-бъ нынѣ съ горя пѣть началъ?
Вотъ разлилась игра свирѣли,
Вотъ тихо подъ свирѣль запѣли
[4]) Украйны *доблестной* сыновъ...
[5]) Преданьями родной страны!..
Но что, украинцы, они
Все отзываются печалью?
Давнымъ-давно прошли тѣ дни,
Когда у васъ, блистая сталью,
Шумѣлъ раздора буйный гласъ,
И кровь потоками лилась.
Давно прошли тѣ времена;
Вездѣ царюетъ тишина
Подъ скиптромъ Русскаго правленья,
И край вашъ—край теперь веселья.
Любимый, самородный трудъ
Неужли давитъ вашу грудь?
Вы чумакуете по волѣ:
Чего-жъ еще желать вамъ болѣ?
Я познакомился со свѣтомъ...
И, если бы... да въ добрый часъ!..
Готовъ остаться я у васъ!
Готовъ чумаковать все лѣто.
Тамъ, други, не живетъ веселье,
Гдѣ роскошь, золото, бездѣлье.
Гдѣ много словъ про наслажденье,
Тамъ для него душа мертва,
Какъ на сухой степи трава.
Живалъ въ большихъ я городахъ;
Бывалъ на вашихъ хуторахъ:
И замѣчалъ, гдѣ какъ живутъ,
Что̀ горемъ, что̀ добромъ зовутъ;
Съ какою цѣлью вѣкъ трудятся,
Къ чему и тѣ, и тѣ стремятся:

СПЯЩЕМУ МЛАДЕНЦУ.

О, всеблагое Провидѣнье,
Храни его успокоенье!
Еще не знаетъ онъ, что̀ скука,
Что̀ безпредѣльная любовь,
И какъ тяжка любви разлука,
И какъ хладѣетъ въ сердцѣ кровь;
Не знаетъ жизненной заботы,
Тяжелыхъ сновъ и страшныхъ бѣдъ,
И міра гибельныхъ суеть,
И дней безжизненной дремоты,
Коварства свѣта и людей,
Надеждъ, желаній и страстей.
Теперь онъ рѣзвится, играетъ,
* Незрѣлый умъ мечтой питаетъ.
Во снѣ испугъ его не будитъ, *)
Нужда до солнца встать не нудитъ,
Печаль у ложа не стоитъ:
Священнымъ сномъ невинность спитъ... **)
Но эти дни какъ тѣнь проходятъ,
Прекрасный міръ съ собой уводятъ...
О, всеблагое Провидѣнье,
Храни его успокоенье!

Узналъ, вздохнулъ... И—для меня
Пріятно въ дождикъ обсушиться
У васъ подъ буркой близъ огня,
Подъ возомъ отъ грозы укрыться;
Пріятно кашу ѣсть сухую,
Украйны слушать рѣчь простую,
Безпечно время проводить.
На волѣ любо, братцы, жить!
Въ степяхъ я городъ забываю,
Душой и сердцемъ отдыхаю.
У васъ все братски; хороша
Бесѣда ваша, безпритворна.
Гдѣ ты, прекрасная душа,
Своей природѣ такъ покорна?..
Что̀ слободской вашъ атаманъ,
Что̀ шитый шелковый кафтанъ,
Каморы полныя безъ счету
Снарядовъ разныхъ, серебра,—
Когда въ нихъ искры нѣтъ добра?
Покиньте, братцы, вы охоту
Мѣняться счастіемъ своимъ,
Мѣняться степію широкой
И продовольствіемъ простымъ:
Блистаетъ солнышко—далеко!..
Тутъ рѣчь уныла прервана
Готовой кашею простой;
Они въ кружокъ; шумитъ страна;
Усѣлись на травѣ густой.
Луна изъ облакъ выплываетъ,
Спокойный таборъ озаряетъ;
И свѣтлыхъ звѣздъ—не милліонъ—
На нихъ глядитъ со всѣхъ сторонъ.

„Библ. для Чт.“ 1836 г., т. 16.

*) Незрѣлый умъ мечтой питаетъ,
И межь своими, какъ дитя,
Онъ силы пробуетъ шутя.
Во снѣ испугъ его не будитъ,

**) *Покойнымъ* сномъ невинность спитъ...

Лит. газ. 1841 г., № 9.

ПОСЛАНІЕ МОЛОДОЙ ВДОВѢ.

Напрасно думаешь слезами
Тоску отъ сердца ты прогнать:
Всевышнимъ Богомъ—не людями
Тебѣ назначено страдать.
Конечно, сердцу нестерпимо
Разстаться съ тѣмъ, что̀ такъ любимо;
Что̀ мило—больно потерять:
Нельзя не плакать, не вздыхать.
Такъ, вѣрно, вѣрно: ты несчастна;
Твоей души супругъ прекрасный
Такъ скоро отказался жить...
Онъ жертва смерти, онъ зарытъ.
Но что? ужель весну младую
Слезамъ ты хочешь посвятить?
Ужели юность золотую
Въ тоскѣ ты хочешь проводить?
Ужель утрата роковая
Пребудетъ памятна всегда?
Ужель, что̀ было забывая,
Не улыбнешься? Милая! слезами
Тоски отъ сердца не прогнать:
Всевышнимъ Богомъ, а не нами
Тебѣ положено страдать.

1828 г., декабря 27.
Тетр. Кольц. („От. Зап.", т. 170).

КРАСАВИЦѢ.

Ахъ, кто ты, дѣва-красота?
Твои уста, твои ланиты
Такою прелестью покрыты!
И въ комъ чудесная мечта
Груди-бъ младой не взволновала,
Когда-бъ ты на скалѣ крутой,
Одна, надъ бездною морской,
Какъ дѣва Пушкина, стояла—
Подъ бѣлой дымкой покрывала?..
И вкругъ тебя одеждой снѣжной
Зефиръ привѣтливо-бъ игралъ,
По сгибу плечъ, по шеѣ нѣжной
Свитые кудри развивалъ?..
Когда-бъ, качаяся, дремало
Перо на шляпкѣ голубой,

И грудь лебяжая вздыхала
Любовью дѣвственной, святой?..
Тогда-бъ, въ сердечномъ упоеньи
Склонивъ колѣна предъ тобой,
Въ нѣмомъ и сладостномъ забвеньи
Сгорѣлъ бы весь, какъ огнь степной!..

1829.

Я БЫЛЪ У НЕЙ.

Я былъ у ней; она сказала:
Люблю тебя, мой милый другъ!
Но эту тайну отъ подругъ
Хранить мнѣ строго завѣщала.
Я былъ у ней; на прелесть злата *)
Клялась меня не промѣнять,
Ко мнѣ лишь страстiю пылать,
Меня любить, любить, какъ брата.
** Я былъ у ней; я съ устъ прелестной
Счастливое забвенье пилъ,
И все земное позабылъ
У дѣвичьей груди прелестной.
Я былъ у ней; я вѣчно буду
Съ ея душой душою жить...
Пускай она мнѣ измѣнитъ—
Но я измѣнникомъ не буду. **)

1829 г. января 7.

РОВЕСНИКУ.

О чемъ, ровесникъ молодой,
Горюешь и вздыхаешь?
О чемъ серебряной струей
Ты слезы проливаешь?
* О чемъ безсмѣнная печаль
И частыя стенанья?
Страшна-ли жизни темна даль
И съ юностью прощанье? [1])

*) Я былъ у ней; на *кучи* злата

**) Я былъ у ней; устами пилъ
Забвенье съ устъ прелестныхъ
И у груди ея чудесной
Я все земное позабылъ.
Я былъ у ней, и вѣчно буду
Къ ней въ теремъ мыслiю летать,—
И если буду смертью взять,
Ее и тамъ не позабуду.

Тетр. Кольцова. („Отеч. Зап." 1867, т. 170).

[1]) Скажи, о чемъ твоя печаль
И тяжкiя стенанья?
Страшна-ли будущаго даль
(Страшна-ли мiра темна даль)
Иль съ юностью прощанье?
(Иль жизни волнованья?)

Или нежданная бѣда
Явилась и сразила?
2 Житейская-ль тебя нужда
Такъ рано посѣтила? [2])
Иль сердца тайная любовь
Раскрыла въ немъ желанья, [3])
И юнымъ пламенемъ вся кровь
Зажглась безъ упованья?
Я вижу думу на челѣ,
Безъ словъ, безъ выраженья;
4 Но есть во взорахъ, какъ въ стеклѣ,
Востока отраженье —
Замѣтное волненье... [4])
Ахъ, то любовь, любовь!.. Она
Въ твоей душѣ играетъ;
Она, въ пиру, на ложѣ сна,
5 Покой твой разрушаетъ.
Я отгадалъ... Дай руку мнѣ!
Ты не одинъ, кипя душою,
Горишь и гаснешь въ тишинѣ:
Прошу тебя, будь другъ со мною. [5])

---

[2]) Ужель житейская нужда
Такъ рано навѣстила?
[3]) Раскрыла мракъ незнанья,
[4]) Но есть въ лицѣ, но есть въ груди
Примѣтное волненье...
[5]) Покой твой разрушаетъ.
Клянусь, когда-нибудь ты, другъ,
Волшебницѣ коварной
Открылъ души своей недугъ
Съ нераздѣлимой тайной.
И вѣрно, вѣрно думалъ ты
Съ той дѣвой съединиться
И съ ней въ объятьяхъ красоты
Любовію упиться.
Она-жъ, невѣрная, тебя
Любила... но коварно;
Обманъ и прелести любя,—
Забыла своенравно.
Отмсти-жъ и ты! Забудь ее!
Когда она не любитъ,
Пусть сердце юное твое
Измѣнницу забудетъ...
Смотри, мой другъ, какъ все кругомъ
И весело, и мило;
Тебѣ-жъ въ несчастіи твоемъ
Все мертво и уныло.
Внимай, какъ юноши поютъ
И дѣвы веселятся,
Какъ радости сердечны пьютъ
И какъ они рѣзвятся.
Лишь ты суровъ, угрюмъ и тихъ
Межъ юными друзьями;
Лишь ты одинъ глядишь на нихъ
Не свѣтлыми очами...
Невольникъ горести своей,
Алкатель сладострастій!
Забудь любовь и плѣнъ сѣтей
И огненныя страсти...
Рѣзвись; друзей въ кругу простомъ
Вновь вкусишь наслажденье,
И въ семъ бокалѣ круговомъ
Потопишь огорченье!
Повѣрь: замѣна всѣхъ утратъ—
Вино; ты имъ цѣлися.
О нашъ ровесникъ, другъ и братъ,
Будь счастливъ, веселися!..
1829, января 11.
Тетради Кольцова („Отеч. Зап." 1867, т. 170).

СЕСТРѢ.

(при посылкѣ ей моихъ пѣсенъ).

Сестра! вотъ были чудныхъ сновъ,
Вотъ звуки самодѣльной лиры,—
Мои мечты, мои кумиры,
Моя душа, моя любовь!
Сестра! земная жизнь—мгновенье;
Судьбы-жъ кто знаетъ назначенье?
Быть-можетъ, раньше я другихъ
Не окажусь въ семьѣ живыхъ.
Пройдетъ годъ-два,—за суетою,
За лживой радостью мірскою
Забудешь ты меня; но вмигъ
Когда-нибудь—прочтешь мой стихъ—
Вспомянешь брата, и вздохнешь,
И сладкихъ слезъ потокъ прольешь.

Изд. 1835 г.

ПРИДИ КО МНѢ.

Приди ко мнѣ, когда зефиръ
Колышетъ рощами лѣниво,
Когда и лугъ, и степь—весь міръ
Одѣнется въ покровъ сонливый.

Приди ко мнѣ, когда луна
Изъ облакъ въ облака ныряетъ,
Иль съ неба чистаго она
Такъ пышно воды озлащаетъ.

Приди ко мнѣ, когда весь я
Въ любовны думы погружаюсь,
Когда, красавица, тебя
Нетерпѣливо дожидаюсь.

Приди ко мнѣ, когда любовь
Восторги пылкіе раждаетъ,
Когда моя младая кровь
Кипитъ, волнуется, играетъ.

Приди ко мнѣ: вдвоймѣ съ тобой
Хочу я жизнью наслаждаться,
Хочу къ твоей груди младой
Со всею страстію прижаться...

„Листки изъ Записной книжки", Василія Сухачева (М. 1830).

ОТВѢТЪ НА ВОПРОСЪ О МОЕЙ ЖИЗНИ.

Вся жизнь моя—какъ сине море...
Съ вѣтрами буйными въ раздорѣ—
Бушуетъ, пѣнится, кипитъ,
Волнами плещетъ и шумитъ;
Уступятъ вѣтры—и оно
Сравняется какъ полотно.
Иной порою, въ дни ненастья,
Все въ мірѣ душу тяготитъ;
Порою улыбнется счастье,
Отвѣтно жизнь заговоритъ:
Со всѣхъ сторонъ печаль порою
Нависнетъ тучей надо мною—
И словно черная волна,
Душа въ то время холодна;
То мигомъ ясная година
Опять настанетъ—и душа
Пьетъ радость, радостью дыша!
Ей снова все тогда прекрасно,
Тепло, спокойно, живо, ясно,
Какъ водъ волшебное стекло—
И горя будто не было...

1829, марта 17.
Тетради Кольцова („О. З.“ 1867 т. 170).

РАЗУВѢРЕНІЕ [1]).

Да! жизнь не то, что говорили
Мои мнѣ книги и мечты;
Ее не даромъ заклеймили
Печатью зла и суеты.
Сначала искренно встрѣчая, [2]) [a])
И утро дня благословляя,
Я въ мірѣ все благословлялъ...
Дитя! я ласки расточалъ,
Я простиралъ мои объятья
Ко всѣмъ съ любовію, какъ къ братьямъ!
Пришла пора — узналъ и я,
Но ужъ не то, что прежде снилось [3]),
Чѣмъ сердце юное плѣнилось,

---

1) **Отшельникъ.**
2) *Какъ искренно* ее встрѣчая,
3) *Совсѣмъ* не то, *какъ* прежде снилось.

1-я рукоп. И. П. Б.

a) *Сперва привѣтливо* встрѣчая.
2-я рукоп. И. П. Б.

О чемъ такъ сладко думалъ я...
Узналъ родныхъ — къ родству холодныхъ,
Въ друзьяхъ — предателей притворныхъ,
Въ толпахъ людей — толпы невѣждъ,
Обманчивость земныхъ надеждъ,
Въ обѣтахъ — лживые обманы [4]),
Въ невинномъ взглядѣ — хитрый взоръ, *) [5]) [b])
Въ умахъ возвышенныхъ — туманы,
Надутой глупости позоръ... **) [6]) [c])
Богъ съ ними! Я страну земную
Съ упрекомъ тайнымъ разлюбилъ;
7 Душой постигнулъ жизнь другую, ***)
Въ ту жизнь мечту переселилъ [7]),—
И странствую безъ дальнихъ нуждъ
Земли жилецъ—земнаго чуждъ. [d])

* * *

Не мнѣ внимать напѣвъ волшебный
Въ тѣнистой рощѣ соловья;
Мнѣ грустенъ листьевъ шумъ прибрежный
И говоръ свѣтлаго ручья.
Прошла пора! Но въ дни былые
Я слушалъ филомелы гласъ;
Тогда-то въ сумраки густые
Веселья огнь во мнѣ не гасъ.
Тогда съ Анютой, милой, нѣжной,
Часовъ полета не видалъ;
Тогда, надеждой обольщенный,
Я праздникъ жизни пировалъ.
Теперь же, о друзья! со мною
Анюты скромной болѣ нѣтъ...
Съ другимъ она... и я съ тоскою
Встрѣчаю дня огнистый свѣтъ.
Такъ мнѣ-ль внимать напѣвъ волшебный
Въ тѣнистой рощѣ соловья?

[4]) Въ обѣтахъ—*льстивые* обманы,
[5]) Въ невинномъ *взорѣ*—хитрый взоръ,
[6]) Въ спѣсивой гордости—позоръ...
[7]) Святыню я нашелъ другую,
Другую вѣру полюбилъ;
1-ая рукоп. И. П. Библ. („Отчетъ" Библ. за 1867).
[b]) Въ невинномъ *взорѣ*—хитрый взоръ,
[c]) Въ *спѣсивой* гордости позоръ...
[d]) *Земной* жилецъ — земнаго чуждъ.
2-я рукоп. И. П. Б.
*) Въ невинномъ *взорѣ* — хитрый взоръ,
**) *И глупой гордости* позоръ...
***) Душой постигнулъ жизнь *иную*,
„Лит. Газ." 1841 г., № 5.

Мнѣ грустенъ листьевъ шумъ прибрежный
И говоръ свѣтлаго ручья...

„Листки" и проч., Сухачева.

МЩЕНІЕ.

(Отрывокъ).

Скажи: какія возраженья
Разсѣютъ новыя сомнѣнья?
Какую снова хочешь лесть
Въ защиту чести произнесть?
Молчи и словъ не трать напрасно:
Я знаю все — и знаю ясно,
Когда... и гдѣ... и какъ... кто онъ...
Но ты, ты скажешь: это сонъ
Развилъ невѣрное видѣнье,
Чтобъ поселить межъ насъ сомнѣнье...
Напротивъ; слушай: я скажу...
Вчера бьетъ полночь, я лежу,
Не сплю, но спящимъ притворился
И чуткимъ сномъ какъ бы забылся;
Вдругъ слышу: робко ты меня
Своей рукой пошевеля,
Тихонько встала,—и потомъ
Исчезла въ сумракѣ ночномъ;
Я всталъ, гляжу — тебя ужъ нѣтъ.
Схватилъ кинжалъ, пустился вслѣдъ.
Но я не видѣлъ, какъ ты съ нимъ
Дышала воздухомъ однимъ,
И какъ въ объятьяхъ ты его
Пылала, млѣла и сгорала,
Какъ жарко друга своего
При разставаньи цѣловала...
Забывши страхъ, законъ, себя,
Кровавымъ мщеніемъ горя,
Ужаснымъ гнѣвомъ пламенѣя,
Бѣгу... Нечаянно злодѣя,
Какъ тѣнь могильную, схватилъ
И въ грудь ему кинжалъ вонзилъ...
Гдѣ вы, любви моей мечты?
И кто довелъ?.. Теперь и ты
Страшись меня, какъ грѣшникъ ада;
Не то — подобная награда...

„Листки", Сухачева.

***

По-надъ Дономъ садъ цвѣтетъ,
Во саду дорожка;
На нее-бъ я все глядѣлъ,
Сидя, изъ окошка...

Тамъ, съ кувшиномъ, за водой,
Маша проходила;
Томный взоръ потупивъ свой,
Со мной говорила.

«Маша, Маша!» молвилъ я:
«Будь моей сестрою!
Я люблю... любимъ ли я,
Милая, тобою?»

Не забыть мнѣ никогда,
Какъ она глядѣла!
Какъ съ улыбкою любви
Весело краснѣла!

Не забыть мнѣ, какъ она
Сладко отвѣчала;
Изъ кувшина, въ забытьи,
Воду проливала...

Сплю и вижу все ея
Платье голубое,
Страстный взглядъ, косы кольцо,
Лентой перевитое.

Сладкій мигъ мой, возвратись!
Съ Дономъ я прощаюсь...
Ахъ, нигдѣ ужъ никогда
Съ ней не повстрѣчаюсь!..

ПИСЬМО КЪ Д. А. КАШКИНУ.

Давно, за пустотой безсрочной,
Къ тебѣ я, милый, не писалъ
И въ тихій край земли полночной
Докучныхъ строкъ не посылалъ;
Давно на лирѣ я для друга,
Въ часы свободы и досуга,
Сердечныхъ чувствъ не изливалъ
Теперь, освободясь душою

От безпрерывныхъ бурь мірскихъ
И отъ заботъ и дѣлъ моихъ,
Хочу порадовать игрою
Тебя, о милый другъ! И ты,
Въ замѣну хладной пустоты,
Съ улыбкой, дружеству пристойной,
Гласъ лиры тихой и нестройной
Прочтешь и скажешь про себя:
«Его трудовъ—виновникъ я!»
Такъ точно другъ, мечты младыя
. . . .
И чувствъ волненье ты впервые
Во мнѣ, какъ ангелъ, разгадалъ.
Ты—помнишь—разъ сказалъ: «разсѣй
Съ души туманъ непросвѣщенья,
И на крылахъ воображенья
Лети къ Парнасу поскорѣй!»
Совѣту милаго послушный,
Я духъ изящностью питалъ;
Потомъ, съ подругою воздушной,
Нашедши лиру, пѣть началъ;
Потомъ въ часъ лѣни молчаливой
Я рано полюбилъ покой,
Пріютъ избушки некрасивой
И разноцвѣтный садикъ мой,
Гдѣ я свободой упиваюсь
Иль славой гибельной горю,
Гдѣ долго въ думы погружаюсь,
И, другъ, тебя благодарю
За тѣ нельстивые совѣты,
Какими хвалятся поэты.

5 декабря.
Тетр. Кольцова. („Отеч. Зап.“ 1867 г. т. 170).

А. П. СЕРЕБРЯНСКОМУ *).

Не посуди: чѣмъ я богатъ,
Послѣднимъ подѣлиться радъ.
Вотъ мой досугъ; въ немъ умъ твой строгій
Найдетъ ошибокъ слишкомъ много:
Здѣсь каждый стихъ, чай,—грѣшный бредъ.
Чтò-жъ дѣлать! я такой поэтъ,
Что на Руси смѣшнѣе нѣтъ!

*) Въ тетр. Кольцова: «Д. А. Кашкину» („Отеч. Зап.“ 1867, т. 170.)

Но не щади ты недостатки,
Замѣть, что требуетъ поправки...
Когда-бъ свобода, время, чинъ,
Когда-бъ, примѣрно, господинъ
Я былъ такой, чтобъ только съ трубкой
Сидѣть день цѣлый и зѣвать,
Роскошно жить, безпечно спать, —
Тогда, клянусь тебѣ, не шуткой
Я-бъ вышелъ въ люди, вышелъ въ свѣтъ.
Теперь я самъ-собой поэтъ;
Теперь мой геній... Но довольно!
Душа грустить моя невольно...
Я чувствую, мой милый другъ:
Съ издѣтскихъ лѣтъ какой-то духъ
Владѣетъ ею не напрасно!
Нѣтъ! я не даромъ сладострастно
Люблю богиню красоты,
Уединенье и мечты!

ПѢСНЬ РУСАЛКИ.

Давайте, подруги,
Веселой толпой
Мы выйдемъ сегодня
На берегъ крутой;
И пѣснію громкой
Луга огласимъ,
Лѣса молчаливы
И даль усыпимъ.
Нарвемъ мы цвѣточковъ,
Вѣнки мы сплетемъ,
Любимую пѣсню
Царицы споемъ;
А съ утромъ, подруги,
Одна за другой
Сокроемся въ волны
Падучей звѣздой.

Тетр. Кольцова. („Отеч. Зап." 1867, т. 170).

1830.

МОЛОДОЙ ЧЕТѢ.

Сбылось, что̀ вы желали тайно.
Сбылось! насталъ желанный часъ:

Любовь благословила васъ,
И скоро перстень обручальный
На вашей ручкѣ заблеститъ,
И пастырь васъ соединитъ.
И жизнь счастливая польется,
Какъ серебристый ручеекъ
Черезъ муравчатый лужокъ,
Журча, игривой струйкой вьется.
Судьба васъ счастьемъ наградила,—
И будетъ лучъ его свѣтить
Весь вѣкъ надъ нимъ и надъ тобой
Неизмѣнимою звѣздой.
Но если васъ—избави Боже—
Когда день черный навѣститъ,
Любовь все можетъ усладить!
Любовь и дружба! ты дороже
Всего на свѣтѣ; ты одна
Въ несчастьи, въ счастіи равна.
Надежды, радости земныя,
Мгновенья жизни дорогія
Измѣнчивы для насъ всегда;
Прямая-жъ дружба — никогда!

1830 г., января 4.
Тетр. Кольцова. („Отеч. Зап." 1867, т. 170).

ПѢСНЯ.

Утративъ то, что прежде было, *)
Напрасно вновь къ себѣ зову;
Напрасно тѣнь подруги милой
Хочу я видѣть на яву.
Теперь съ тобой одно свиданье
Какой цѣною я бъ купилъ;
Я за твое существованье
Своей бы жизнью заплатилъ. **)
За нѣжный поцѣлуй, за встрѣчу,
За блескъ привѣтливыхъ очей
За жаръ любви, за звукъ рѣчей
Я бъ голову понесъ на сѣчу.
Но нѣтъ, вовѣкъ не возвратить ***),
Что было такъ душой любимо!

*) Утративъ то, что *было мило,* ***) Но нѣтъ, не возвратить
**) *Земною*-бъ жизнью заплатилъ. „С.-Пбург. Вѣд." 1864 г. № 141.

Вовѣкъ и тѣнь, съ страны незримой,
Къ призывамъ друга не слетитъ.
  О лейтесь, лейтесь же ручьями
Горючи слезы изъ очей!
Безъ ней нѣтъ жизни межъ людями—
Нѣтъ сердцу радости безъ ней!

Лебедянь. 1830 г., мая 26.
Тетр. Кольцова. („Отеч. Зап." 1867, т. 170.)

ЭЛЕГІЯ.

Въ твои объятья, гробъ холодный,
  Какъ къ другу милому лечу;
Въ твоей обители укромной
Сокрыться отъ людей хочу.
Скорѣе, смерть, сверкни косою
Надъ юною моей главою!
Немного лѣтъ я въ мірѣ жилъ...
И чѣмъ сей міръ повеселилъ?
И кто съ улыбкой мнѣ отрадной
Отъ сердца нѣжно руку жалъ?
Со мной кто, радостью желанной,
Дѣлилъ веселье и печаль?—
Никто! Но въ сей странѣ пустынной
Одинъ лишь былъ мнѣ вѣренъ другъ,
И тотъ, какъ пѣсни звукъ отзывный.
Какъ огнь мгновенный, надмогильный,
На утренней зарѣ потухъ.
Одна звѣзда меня плѣняла
Еще на небѣ голубомъ
И въ черномъ сумракѣ густомъ
Надеждой тайной грудь питала;
Но скрылася она—съ тѣхъ поръ
Привѣтныхъ звѣздъ не видитъ взоръ.
Безъ ней, какъ сирота безродный,
Влачусь одинъ, въ толпѣ людей,
Съ душою мрачной и холодной,
Какъ нераскаянный злодѣй.
Съ людями, братьями моими
Еще хотѣлъ я жизнь дѣлить;
Попрежнему хотѣлъ межъ ними
Я друга по сердцу найтить...
Но люди взорами нѣмыми
Съ презрѣньемъ на меня глядятъ

И душу хладную мертвятъ.
Къ тебѣ отъ нихъ, о гробъ холодный,
Какъ къ другу милому лечу,
Въ твоей обители укромной
Покоя тихаго ищу.
О, смерть! сомкни скорѣй мнѣ вѣжды:
Вѣрнѣй загробныя надежды.

1830 г. Іюля 30.
Тетр. Кольцова. („Отеч. Зап." 1867, т. 170).

ВЗДОХЪ НА МОГИЛѢ ВЕНЕВИТИНОВА.

Какія думы въ глубинѣ
Его души таились, зрѣли?
Когда-бъ онѣ сказалися вполнѣ,— *)
Кого-бъ мы въ немъ, друзья, узрѣли?
Но онъ, нашъ сѣверный поэтъ,
Какъ юный лебедь величавый,
Средь волнъ тоскуя, пѣсню славы
Едва началъ—и стихъ средь юныхъ лѣтъ!

Изд. 1835 г.

КЪ РѢКѢ ГАЙДАРѢ.

Стою, зловѣщей думы полнъ,
При шопотѣ, при плескѣ волнъ...
Гайдарь! все тѣми-жъ ты волнами
Катишься вдаль, какъ и всегда,
Такими-жъ свѣтлыми водами
Поишь людей, поишь стада,
И тѣ-жъ въ тебѣ глядятся горы
И моются корни лѣсовъ;
Все тѣ-жъ кругомъ поля, озеры
Все такъ же ночью вдоль бреговъ,
На лодкѣ легкой и качливой,
Плыветъ веселый рыболовъ
По влагѣ сонной, прихотливой;
Кидаетъ сѣть онъ—и впередъ
Весломъ размашисто гребетъ,
И пѣснь Украйны, для забавы,
Безъ мыслей, безъ желаній славы,
Напѣвомъ прадѣда поетъ!
Катись, Гайдарь, и пой водою

---

*) Когда бъ онѣ *проискрились* вполнѣ—
„Листокъ" 1831 г., № 22.

Брега, счастливые тобою!
Твой вѣкъ тебѣ не измѣнилъ;
А я—старикъ, всю жизнь прожилъ..
Гдѣ-жъ вы, благія упованья,
Гдѣ ты, священный сердца жаръ?..
Катися, свѣтлая Гайдарь,
Неси съ собой мои стенанья!

ВЕСЕЛЫЙ ЧАСЪ.

Дайте бокалы!
Дайте вина!
Радость—мгновенье:
Пейте до дна!
Громкія пѣсни
Гряньте, друзья!
Пусть насъ веселыхъ
Видитъ заря!
Нынѣ пируемъ!
Юность на часъ!
Нынче веселье,
Радость у насъ!
Завтра что̀ будетъ—
Знаю-ль, друзья?
Пусть насъ веселыхъ
Видитъ заря!
Шумно, разгульно
Пойте, друзья!
Лейте въ бокалы
Больше вина!
Нуте жъ, все разомъ
Выпьемъ до дна!
Пусть насъ веселыхъ
Видитъ заря!

ЧТО ЗНАЧУ Я?

Что̀, крошка мелкая, я значу?
Живу, заботливо тружусь,
Въ желаньи счастья время трачу,
И, вѣчно недовольный, плачу!
Чего жъ ищу? къ чему стремлюсь?
Въ какой странѣ, на что̀ гожусь?

Есть люди: до смерти желаютъ
Вопросы эти разгадать...
Но—что до нихъ! пусть какъ хотятъ
О всемъ серьёзно разсуждаютъ...
Я недоросль, я не мудрецъ,
И мнѣ нужнѣе знать немного;
Шероховатою дорогой
Иду шажкомъ я, какъ слѣпецъ;
Съ смѣшнымъ сойдусь ли—посмѣюсь;
Съ прекраснымъ встрѣчусь—имъ плѣнюсь;
Съ несчастнымъ—отъ души поплачу,—
И не стараюсь знать,—что̀ значу.

УТѢШЕНІЕ.

Какъ жаль, что счастія звѣзда
 На небѣ вашемъ закатилась!
Но развѣ горесть навсегда
Съ судьбою вашей породнилась?
Пройдетъ зима—настанетъ май;
Бѣда глупа—взведетъ на счастье.
Всякъ Провидѣнью довѣряй:
Оно насъ цѣнитъ безъ пристрастья.
Пусть, кто доволенъ здѣсь неправо,
Или неправо кто гонимъ...
Земныя радости—съ отравой,
Отрава—съ счастіемъ земнымъ;
Все постоянно—лишь за моремъ,
И потому, что насъ тамъ нѣтъ...
А между тѣмъ кто минутъ горемъ?
Никто... таковъ ужъ бѣлый свѣтъ!..

* * *

О, не кажи улыбки страстной!
 Не мучь надеждою напрасно;
Прошу, такъ нѣжно не гляди,
Со мной рѣчей не заводи;
Будь больше недовольна,
Будь равнодушна, хладнокровна;
Какъ недруга, пренебрегай;
Въ бесѣдахъ—съ злобою нѣмою
Со мною встрѣчи убѣгай.
Ахъ, ты неправдою такою

Меня, быть-можетъ, охладишь
И—къ счастью счастія лишишь!..

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Что душу въ юности плѣнило,
Что сердце въ первый разъ
Такъ пламенно, такъ нѣжно полюбило,
И полюбило не на часъ,—
То все я силюся предать забвенью,
И сердцу пылкому, и страстному томленью
Хочу другую цѣль найтить,
Хочу другое такъ же полюбить!
Напрасно все: тѣнь прежней милой
Нельзя забыть!
Уснешь,—непостижимой силой
Она тихонько къ ложу льнетъ,
Печально руку мнѣ даетъ,
И сладкою мечтой вновь сердце очаруетъ,
И очи томныя къ моимъ очамъ прикуетъ!..
И вновь любви привѣтный гласъ
Я внемлю страждущей душою...
Когда-жъ ударить часъ
Забвенья о тебѣ иль вѣчности съ тобою?..

Изд. 1835 г.

КЪ НЕЙ.

Опять тоску, опять любовь
Въ моей душѣ ты заронила,
И прежнее, былое, вновь
Привѣтнымъ взоромъ оживила.
Ахъ! для чего мнѣ пламенѣть
Любовью сердца безнадежной?
Мой кроткій ангелъ, другъ мой нѣжный,—
Не мой удѣлъ тобой владѣть!
Но я любимъ, любимъ тобою!
О, для чего же намъ судьбою
Здѣсь не даны въ удѣлъ благой,
На зло надменности людской,
Иль счастье, иль одна могила!
Ты жизнь моя, моя ты сила!..
Горю огнемъ любви святымъ...
Довѣрься жъ, хоть на мигъ, моимъ
Объятіямъ! я не нарушу

Священныхъ клятвъ,—ихъ грудь хранитъ,
И, вѣрь, страдальческую душу
Преступное не тяготитъ...
Изд. 1835 г. („Къ N.").

1831.

НАЯДА.

Взгрустнулось какъ-то мнѣ въ степи однообразной:
Я слегъ
Подъ стогъ
И, дремля въ скукѣ праздной,
Уснулъ. Уснулъ—и вижу сонъ:
На берегу морскомъ, подъ дремлющей сосной,
Съ унылою душою,
Сижу одинъ; передо мною
Со всѣхъ сторонъ
Безбрежность водъ и небо голубое;
Все въ сладостномъ ночномъ покоѣ,
На все навѣянъ легкій сонъ.
Казалось, море—небеса другія,
Казались моремъ—небеса:
И тамъ, и здѣсь одни свѣтила золотыя,
Одна лазурь, одна краса
Въ объятьяхъ дружбы дремлетъ.
Но кто вдали, нарушивъ тишину,
Уснувшую волну
Подъемлетъ и колеблетъ?
Прелестная, нагая,
Богиня синихъ водъ—
Наяда молодая...
Она плыветъ;
Она манитъ, она зоветъ
Къ себѣ на грудь мои объятія и очи...
Какъ сладострастный геній ночи,
Она, съ дѣвичьей красотой,
Являлась вся сверхъ волнъ нагой
И обнималася съ волной!..
Я съ береговъ, я къ ней. И—чудо!—достигаю...
Плыву-ль, стою-ль, не потопаю.
Я съ ней—ее я обнимаю,
Съ боязнью дѣтскою ловлю
Ея привѣтливые взгляды;
Сжимаю станъ Наяды,

Цѣлую и шепчу: люблю!
Она такъ ласково ко мнѣ главу склонила;
Она сама меня такъ тихо обнажила,
И рубище мое пошло ко дну морей...
Я чувствовалъ: въ душѣ моей
Рождалась новая, невидимая сила,—
И счастливъ былъ я у ея грудей...
То отъ меня притворно вырываясь,
Она, какъ дымъ сгибаясь, разгибаясь,
Со мной тихонько вдаль плыла;
То тихо отклонивъ она меня руками
Невидима была;
То долго подъ водами
Напѣвомъ чуднымъ пѣснь поетъ;
То, охвативъ меня рукою,
Шалитъ лѣнивою водою,
И страстный поцѣлуй даетъ;
То вдругъ, одѣтые въ покровъ туманной мглы,
Идемъ мы въ воздухѣ до дремлющей скалы,
Съ вершины—вновь въ морскую глубину!
По ней кружимся, въ ней играемъ,
Другъ друга, нѣжась, прижимаемъ
И предаемся будто сну...
Но вспыхнула во мнѣ вся кровь,
Пожаромъ разлилась любовь;
Съ воспламененною душою—
Я всю ее объемлю, всю обвилъ...
Но мигъ—и я отъ ужаса остылъ:
Наяда, какъ мечта, мгновенно исчезаетъ;
Коварное мнѣ море измѣняетъ—
Я тяжелѣю, я тону,
И страсть безумную кляну.
Я силюсь плыть, но надо мною
Со всѣхъ сторонъ валы встаютъ стѣною;
Разлился мракъ, и съ мрачною душой
Я поглощенъ бездонной глубиной...
Проснулся,—потъ холодный
Обдалъ меня.
Поэзія! подумалъ я:
Твой жрецъ—душа святая,
И чистая, и неземная!

Изд. 1835 г.

* * *

Мой другъ, мой ангелъ милый,
Тебя-ли я съ такою силой,
Такъ нѣжно, пламенно лобзалъ
И къ нѣжной груди прижималъ?
Или, въ минуту изступленья,
Въ жару сердечнаго волненья,
Я обнималъ одну мечту,
Твою рисуя красоту?
Какъ упоителенъ душѣ влюбленной
Живой твой взоръ полусмущенный,
Твой жгучій, страстный поцѣлуй!
Приди же вновь! страдальца поцѣлуй!
Тобой любимымъ быть прекрасно!
Прекраснѣе—тебя любить!
Что̀ муки мнѣ? душою страстной
О милой сладко мнѣ грустить! *)

*) **Посланіе къ ***.**
Мой другъ, мой ангелъ милый,
Тебя-ль я *въ тишинѣ, унылый*,
Такъ *страстно*, пламенно лобзалъ,
Съ такимъ восторгомъ руку жалъ?
Иль *былъ то сонъ, иль* въ изступленьи
Я обнималъ одну мечту,
Въ жару сердечнаго *забвенья*,
Въ своей душѣ рисуя красоту?
Твой видъ, твой взоръ смущенный,
Твой *пламенный, горячій* поцѣлуй
Такъ упоительны душѣ влюбленной,
Какъ изнуренному кристаллъ холодныхъ струй.
Ахъ! мигъ одинъ я былъ съ тобою,—
И мигъ съ тобой я счастливъ былъ;
И этотъ мигъ съ твоею красотою
Навѣкъ я въ сердцѣ затаилъ...
Тобой любимымъ быть—прекрасно;
Прекраснѣй-же—тебя любить.
Что муки мнѣ? Душою страстной
О милой мило мнѣ грустить,
Съ тобою чувствами мѣняться
И на привѣтливый твой взглядъ
Отвѣтнымъ взоромъ отвѣчать;
Съ тобою плакать, забываться—
Прекрасно, милая моя!..
Счастливъ, счастливъ тобою я!..
Пускай, пускай огнемъ тяжелымъ
Лежитъ въ груди моей любовь;
Пусть сердце съ чувствомъ онѣмѣлымъ
Мою изсушитъ кровь
Какъ во̀рона о смерти предвѣщанье,—
Она не возмутитъ мнѣ грудь:
Любви мнѣ сладостно страданье,
Мнѣ сладко о тебѣ вздохнуть!
Пусть безнадежна страсть моя;
Пусть гробъ—любви моей награда!
Но, милый другъ мой! за тебя
Снесу я муки ада.
Что до меня?.. лишь ты спокойна будь
И горе забывать старайся;
Живи, и жизнью наслаждайся,—
И бѣднаго страдальца не забудь...

„Листокъ“ 1831 г., № 39.

СОЛОВЕЙ.

(Подражание Пушкину).

Плѣнившись розой, соловей
И день, и ночь поетъ надъ ней;
Но роза молча пѣснямъ внемлетъ,—
Невинный сонъ ее объемлетъ...
На лирѣ такъ пѣвецъ иной
Поетъ для дѣвы молодой;
Онъ страстью пламенной сгораетъ...
А дѣва милая не знаетъ,—
Кому поетъ онъ, отчего
Печальны пѣсни такъ его...

КЪ ДРУГУ.

Развеселись, забудь что̀ было!
Чего ужъ нѣтъ—не будетъ вновь!
Все-ль намъ на свѣтѣ измѣнило?
И все-ль взяла съ собой любовь?
Еще отрадъ у жизни много,
У ней мы снова погостимъ;
Съ однимъ развелъ насъ опытъ строгой,—
Поладимъ, можетъ-быть, съ другимъ...
И что̀ мы въ жизни потеряли—
У жизни снова мы найдемъ!
Что намъ мгновенныя печали?
Мы-ль ихъ съ тобою не снесемъ?
Что грусть земли? ужель за гробомъ
Ни жизни, ни награды нѣтъ?
Ужели тамъ, за синимъ сводомъ,
Ничтожество и тьма живетъ?
Ахъ, нѣтъ! кто мучится душою,
Кто въ мірѣ за-живо умретъ,
Тотъ тамъ, за дальней синевою,
Награды вѣрныя найдетъ!
Не вѣрь истлѣнія кумиру,
Не вѣрь себѣ, не вѣрь людямъ,
Не вѣрь пророчащему міру,—
Но вѣруй, вѣруй небесамъ!
И пусть меня людская злоба
Всего отраднаго лишитъ,
Пусть съ колыбели и до гроба

Лишь зломъ и мучитъ, и страшитъ,—
Предъ ней душою не унижусь,
Въ мечтахъ не разувѣрюсь я;
Могильной тлѣнью въ прахъ низринусь,—
Но скорби не отдамъ себя!..

Изд. 1835 г.

1832.

ИЗСТУПЛЕНІЕ. *)

Духи неба, дайте мнѣ
Крылья сокола скорѣй!
Я въ полночной тишинѣ
Полечу въ объятья къ ней!
Сладострастными руками
Кругомъ шеи обовьюсь;
Ея черными глазами
Залюбуюсь, загляжусь!
Беззаботно къ груди полной,
Какъ пчела къ цвѣтку, прильну,
Сладострастьемъ усыпленный,
Безпробудно я засну.

1833.

ПОЭТЪ и НЯНЯ.

«Няня, няня! правда-ль это,
Что̀ здѣсь сказано поэтомъ?
Будто мнѣ не вѣкъ играть,
Что достанется узнать
Дѣвушкѣ дѣвичье горе,
Своенравное какъ море;
И что̀ мнѣ теперь такъ мило,
Будетъ горестно, постыло;
Что привыкну тосковать
И украдкою вздыхать...
День-ли весело проснется,—
Дѣва дню не улыбнется;
Выйдетъ съ грустью на крыльцо
Освѣжить свое лицо;
Поглядитъ-ли на дубравы,
На невинныя забавы,

*) См. варіанты къ „Домику Лѣсника“, на стр. 24.

На шелковые луга,
На зеленые брега,—
Все подъ твердью голубою
Дышетъ радостью земною,—
Ей лишь скучно, и слеза
Ороситъ ея глаза...»
— И!.. не вѣрь, мое дитя,—
Они гуторятъ шутя.
Ихъ ты сказкамъ не внимай,—
Плюнь на книжку! пой, играй!

1836.

ЦВѢТОКЪ.

Природы милое творенье,
Цвѣтокъ, долины украшенье,
На мигъ взлелѣянный весной,
Безвѣстенъ ты въ степи глухой!
Скажи, зачѣмъ же такъ алѣешь,
Росой заискрясь, пламенѣешь,
И дышешь чѣмъ-то какъ живымъ,
Благоуханнымъ и святымъ?
Ты для кого въ степи широкой,
Ты для кого отъ селъ далеко?
Не для крылатыхъ-ли друзей,
Поющихъ въ воздухѣ степей?
Для нихъ-ли, въ роскоши, семьями,
Румяной ягодой, цвѣтами
И обаяньемъ для души
Вы, травы, зрѣете въ тиши? *)
О, пой, косарь! зови пѣвицу,
Подругу, красную дѣвицу,
Пока еще, шумя косой, **)
Не тронулъ ты травы степной! ***) [1])

---

*) Вы, *травки*, зрѣете въ тиши?
**) Пока еще *твоей* косой
„С. Отеч.“ 1838, т. 2.
***) Не тронулъ ты *степи своёй*!
Рукоп. И. Пуб. Библ.

[1]) **Цвѣтокъ.**
Природы милое творенье,
Цвѣтокъ, долины украшенье,
На мигъ взлелѣянный весной,—
Чудесный, милый! Красотой
Какъ ты цвѣтешь, какъ ты алѣешь,
Росой заискрясь, пламенѣешь
И дышешь чѣмъ-то неземнымъ!—
Но для кого въ степи широкой?..
Конечно, дѣвамъ молодымъ
Здѣсь не найти тебя, далеко;
Быть-можетъ, мой же конь ногой

1838.

ПОСЛѢДНЯЯ БОРЬБА.

Надо мною буря выла,
Громъ по небу грохоталъ. *)
Слабый умъ судьба страшила,
Холодъ въ душу проникалъ.

Но не палъ я отъ страданья.
Гордо выдержалъ ударъ,
Сохранилъ въ душѣ желанья,
Въ тѣлѣ—силу, въ сердцѣ—жаръ!

Что погибель! что спасенье!
Будь, что будетъ—все равно!
На святое Провидѣнье
Положился я давно!

Въ этой вѣрѣ нѣтъ сомнѣнья,
Ею жизнь моя полна!
Безконечно въ ней стремленье!..
Въ ней покой и тишина...

Не грози-жъ ты мнѣ бѣдою,
Не зови, судьба, на бой:
Готовъ биться я съ тобою,—
Но не сладишь ты со мной!

У меня въ душѣ есть сила,
У меня есть въ сердцѣ кровь;
Подъ крестомъ—моя могила,
На крестѣ—моя любовь!

1838 г. сент. 20.
Рукоп. И. Пуб. Библ.

КЪ МИЛОЙ.

Давно разстались мы съ тобою.
Быть-можетъ, ты теперь не та:
Быть-можетъ, ужъ другой
Потоптетъ здѣсь тебя съ травой!—
И я, съ душою нѣжной, страстной,
Сюда, вздыхая о прекрасной,
Въ прохладѣ утренней приду—
И ужъ тебя здѣсь не найду.
О дѣва, цвѣтъ моей души!
Такъ, безмятежна, ты въ тиши
Растешь цвѣтешь красой небесной...
Но, милый другъ, мой другъ прелестный,—
Я-ль, съ вѣрной, пламенной душой,
Путь жизни раздѣлю съ тобой?..

Декабря 21.
Тетради Кольцова. („Отеч. Зап." 1867 т., 170).

*) Громъ *на небѣ* грохоталъ.
„Отеч. Зап." 1841, т. 18.

Тебя отъ сладкаго забвенья [1])
Для новой жизни пробудилъ,
И въ тѣхъ же снахъ другія сновидѣнья,
Роскошнѣе моихъ, твою лелѣютъ душу. [2])
Хорошъ-ли онъ? вполнѣ ли замѣнилъ
Огонь любви моей могучей,
И силу страстнаго лобзанья,
И наслажденья безъ конца?
Что, если онъ, своею волей,
Съумѣлъ любовь пересоздать,
И на разрушенныхъ обломкахъ
3 Построилъ міръ другой—
Подобье дня подъ небесами? [a])
И въ этотъ міръ, волшебной силой,
Прелестныя мечты безъ образовъ собралъ, [3])
Кругомъ тебя разсыпалъ,
4 Преобразилъ въ живыя лица,
Святой любовью озарилъ, [4]) [b])
И власть тебѣ онъ далъ
Ихъ безконечно ощущать?..
5 Ахъ, если такъ, то ты счастлива! [c])
Среди духовъ небесныхъ
Нѣтъ духа счастливѣй тебя!..
Что жъ я?—ненужное созданье?.. [5]) [d])
Приди ко мнѣ, моя богиня,
Во время сна, въ покровахъ ночи,
Возьми къ себѣ въ его прекрасный міръ, [e])
И съ нимъ въ одно созданье слей!

БѢДНЫЙ ПРИЗРАКЪ.

Убилъ я жизнь, искавши счастья,
* Сгубилъ себя,—а счастья нѣтъ;

---

[1]) Тебя отъ *тихаго* забвенья
[2]) Роскошнѣе *былыхъ*, твою лелѣютъ душу.
[3]) Построилъ міръ другой
И въ этотъ міръ, волшебной силой,
Прелестныя мечты *толпой* собралъ,
[4]) Живыми лицами одѣлъ,
Святой любовью *прояснилъ*,
[5]) Ахъ, если такъ, то ты счастлива!
Что жь я? ненужное *творенье*?..
[e]) Возьми *съ собой* въ его прекрасный міръ,
„Соврем." 1838, т. 12.

[a]) Подобье *храму божества!*
[b]) Святой любовью *прояснилъ*,
[c]) *О*, если такъ, то ты счастлива!
[d]) Что жь я *теперь*?—ненужное созданье?..
„Моск. Наблюд." 1838, ч. 16.

Пойду къ друзьямъ на пиръ старинный *)
И заживу я съ ними вновь.

«Противъ меня возстали люди;
Судьба караетъ день и ночь;
На свѣтѣ жить несносно, горько;
Страдальцу дайте отдохнуть».

Отвѣта—нѣтъ. Друзья-счастливцы
На бѣдность холодно глядятъ;
Со мною встрѣчи избѣгаютъ
И «нѣту дома» говорятъ.

Какъ будто я, недобрый гость,
Пришелъ богатство ихъ присвоить, **)
Печалью радость отравить,
Свое имъ горе навязать! ***)

И вотъ дожилъ, на старость лѣтъ,
Что не съ кѣмъ слова перемолвить,
Сердечной скуки раздѣлить,
Кому-бъ «ночь добрую» сказать.

О, ночь! приди хоть ты... Но съ этой мыслью ****)
Вся повѣсть прежнихъ дней
Изъ глубины души выходитъ
И тѣнью страшною стоитъ.

И грустно мнѣ смотрѣть—
Весной на лугъ зеленый,
На плодъ любимыхъ яблонь
И на пожатый колосъ нивъ...

20 октября 1838 г.

ПРИМИРЕНІЕ.

На пиръ сердечныхъ наслажденій,
На свѣтлый пиръ любви младой,
Съ судьбою грозной злые люди
Напали буйною толпой.
И я, въ безумномъ изступленьи,
Изъ міра дѣвственной любви,
Къ моимъ врагамъ на праздникъ шумный
Съ челомъ открытымъ гордо вышелъ:

---

*) Несчастій много—счастья нѣтъ:
Пойду *жъ* къ друзьямъ на пиръ старинный

**) *Пришелъ ихъ счастіе* присвоить,

***) Свое имъ горе *передать*

****) Гдѣ-жъ ты теперь?.. Но съ этой мыслью

„Отеч. Зап." 1841 г., т. 16.

На злобу — злобой ополчился,
* И на бѣду — съ бѣдой пошелъ;
Противъ людей я грудью сталъ!
На смертный бой судьбу я вызвалъ.
И гдѣ-жъ она?.. гдѣ злые люди?..
Гдѣ сила ихъ, оружье, власть?..
Ихъ зло на нихъ же обратилось,
И все кругомъ меня, безмолвно,
Въ одно мгновенье покорилось.
А я стоялъ, глядѣлъ на небо,— *)
И улыбнулось небо мнѣ...
Не небо... нѣтъ! — ея прекрасный,
Привѣтный взоръ я встрѣтилъ тамъ...

Теперь, лукавый соблазнитель,
Ты, демонъ гибнущей души,
** Оставь меня. Ни прелестью порока,
Ни буйной страстью грѣшныхъ наслажденій **)
Не увлечешь меня ты больше;
Не для тебя — для ней одной
Я жизнью пламенной живу.
И вотъ, ужъ нѣтъ пространства между нами;
И вотъ, ужъ нѣтъ въ пространствѣ пустоты;
Она и я — различные два міра —
*** Въ одну гармонію слились,
Одною жизнію живемъ!

Но что за грустныя сомнѣнья
Порой еще мою волнуютъ грудь?
Ужель, души моей надежды, ***)
Есть за могилой вамъ конецъ?
Ужель, всѣ истины на свѣтѣ —
**** Одна лишь выдумка ума?
Ужель и ты, святая вѣра чувствъ, —
Людскихъ страстей пустая тѣнь?..

---

*) И на бѣду—съ бѣдой пошелъ:
На смертный бой судьбу я вызвалъ,
Противъ *гиганта* грудью сталъ,
Схватилъ его въ объятьяхъ мощныхъ;
И этотъ страшный призракъ
Упалъ,—и все кругомъ меня
Склонилося безмолвно ницъ.
А я стоялъ, *смотрѣлъ* на небо...

**) Оставь меня. Ни прелестью порока,
Ни низкими дарами счастья,
Ни буйной страстью грѣшныхъ наслажденій

***) Въ одну гармонію слились...
Ужель, души моей надежды,

Нѣтъ, нѣтъ! не для того на небѣ солнце ходитъ, ****)
Чтобъ бѣлый день покрылся тьмой!..

Рукоп. Имп. Публ. Библ.
„Соврем." 1841 г., т. 21.

МІРЪ МУЗЫКИ.

Въ стройныхъ звукахъ льются пѣсни
Гармонической волной,
По душѣ волшебно ходятъ
И проходятъ съ быстротой.

Полечу я вслѣдъ за ними,
Погружуся въ нихъ душой,
Въ очарованномъ забвеньи [1])
Позабуду міръ земной!

Сколько звуковъ, сколько пѣсенъ
Раздалося вновь во мнѣ!
Сколько óбразовъ чудесныхъ
Оживилось въ вышинѣ!

Между нихъ она, младая,
Заблистала красотой!
Чистой, пламенной любовью
Озарился міръ земной... [2])

Улетайте-жъ въ небо, звуки,
Сокрывайтеся вдали!
Здѣсь я съ нею, здѣсь я счастливъ, —
Любо жить мнѣ на землѣ!

1839.

Я ДОМА.

Опять въ глуши, опять досугъ
Страдать и тѣломъ, и душою,
И одиночества недугъ
Кормитъ привязчивой тоскою.
Охъ, этотъ кормъ! какъ горекъ онъ! —
Съ него душа не пополнѣетъ,
Не вспыхнетъ кровь, а смертный сонъ
Скорѣй крыломъ на жизнь повѣетъ!
Но я, въ укоръ моей судьбѣ,

****) Одна лишь выдумка ума?
Нѣтъ, нѣтъ! не для того на
небѣ солнце ходитъ,
„Москов. Наблюд." 1838 г., ч. 17.

[1]) Въ *тихомъ*, *сладостномъ* забвеньи
[2]) *Озарила* міръ земной.
„Лит. Приб." къ Р. И. 1839 г., № 1.

Судьбѣ враждующей со мною,
Томясь съ злосчастіемъ въ борьбѣ,
Не отравленъ еще тоскою.
Еще я вѣрю, что минетъ
Година горькихъ испытаній,
И снова солнышко взойдетъ
И сгонитъ съ сердца мглу страданій!
Что нужды, если срокъ уйдетъ,—
Жизнь на закатѣ разсвѣтлѣетъ:
Насъ въ полдень солнце очень жжетъ,—
А подъ-вечеръ отрадно грѣетъ.

1839 г., января 5.
Тетр. Кольцова. („Отеч. Зап." 1867 г., т. 170).

* * *

Когда моей подруги взоръ
Мнѣ явно высказалъ презрѣнье.
Другаго счастье, мой позоръ
И клятвъ святѣйшихъ нарушенье:
Тогда кольцо ея разсѣкъ
Булатомъ горскаго кинжала,
И жизнь свою на месть обрекъ,
И злоба мнѣ подругой стала!
Я все къ себѣ на помощь звалъ:
Свинецъ, и ядъ, и ухищренья,
И сердце силой заставлялъ
Одѣться въ броню озлобленья,—
Чтобъ сожалѣнье и любовь
Къ нему ужъ не были доступны.
Чтобъ ему пищей были — кровь
И пагуба клятвопреступной.
Молилъ я солнце, чтобъ оно
Свои лучи на грудь невѣрной,
Какъ лаву жгучую, лило
И выжгло-бъ сердце лицемѣрной.
Молилъ я ночь, чтобы она
Къ ея очамъ не допускала
Отрады сладостнаго сна —
И горькихъ слезъ съ нихъ не стирала.
Неслись-ли тучи,—ихъ молилъ,
Чтобъ мракомъ жизнь ея покрыли;
Гремѣли-ль громы,—ихъ просилъ
Чтобы измѣнницу сразили.

Но съ той поры, какъ вѣсть пришла,
Что на землѣ ея не стало,—
Какъ дуновенье отъ стекла,
Отъ сердца жажда мстить отстала.

Тетради Кольцова. („Отеч. Зап." 1867 г., т. 170).

* * *

Дюканжъ! ты чародѣй и милый, и ужасный.
Твой Жоржъ, игрокъ несчастный,
Твоя Амалія, твой Варнеръ — стоятъ слезъ!
Но неужель артистамъ въ честь ни слова?
Я былъ обвороженъ игрою Соколова:
Я видѣлъ Жоржа въ немъ—и жалъ меня морозъ
И сердце обмирало.
Я-бъ сплелъ для той вѣнокъ изъ розъ...
Ахъ, нѣтъ! для ней и двухъ лавровыхъ мало,—
Кто не Амаліей, а ангеломъ тамъ былъ.
Но кто, но кто изобразилъ
Злодѣя Варнера,—онъ меня смутилъ.
Я вѣрить не хотѣлъ, что это лишь притворство:
Такія мины, видъ, ехидность и проворство...
Неподражаемый, ты всѣхъ взбѣсилъ.
Я въ ярости на Варнера забылъ,
Что ты Канищевъ самъ!
Ты перешелъ границы похваламъ,—
И, наконецъ, тебя бранили!
Но я люблю сей блескъ таланта;
На зло злодѣевъ ты играй
И омерзеніе къ злодѣйству всѣмъ внушай,
Лишь самъ противу зла будь тверже адаманта.

Тетради Кольцова. („Отеч. Зап." 1867 г., т. 170).

* * *

Не разливай волшебныхъ звуковъ!
Не уноси ты въ свой прекрасный міръ!
Твоя душа — какъ Божій ангелъ!
Вся жизнь твоя — какъ свѣтлый день! [1])
Ты можешь силой дивной пѣсни
Созвать невидимыхъ духовъ:
Они всю прелесть чудной жизни
Въ твоихъ видѣньяхъ разольютъ;

---

[1]) *Твоя вся жизнь*—какъ свѣтлый день!

Мятежный міръ въ мечтахъ сокроютъ,
Съ печалью радость съединять;
Коснется-ль грусть — на душу снидетъ
Всесильной жизни благодать! [2])
А предо мной — лишь прошлыхъ дней
Всѣ образы страстей безумныхъ
Изъ глубины души поднимутъ
Во всей ихъ страшной наготѣ.
И если ты, мой милый другъ,
Не озаришь меня своимъ сіяньемъ,
Не дашь руки, «люблю» не скажешь,
Со мною вмѣстѣ не пойдешь,—
Тогда погибъ я навсегда!
Тогда, страдалецъ одинокій,
Ни для земли, ни для небесъ
Я не воскресну никогда!

1839, сентября 15.
„Отеч. Зап." 1841 г., т. 15.

КЪ ***

Ты въ путь иной отправилась одна,
И для преступныхъ наслажденій,
Для сладострастья безъ любви,
Другихъ любимцевъ избрала...
Ну что-жъ—далеко-ль этотъ путь пройдетъ?
Какія впечатлѣнья
Въ твоей душѣ оставилъ онъ?
Изъ всей толпы избранниковъ твоихъ
Съ тобой остался-ль хоть одинъ,
И для спасенья твоего
Готовъ-ли жертвовать собой?
Гдѣ-жъ онъ? Дай мнѣ его обнять,
Обоихъ васъ благословить
На безконечный жизни путь!
Но ты одна—надъ страшной бездной,
Одна, несчастная, стоишь!
Въ безумномъ изступленьи
Враговъ на помощь ты зовешь,
И съ безнадежною тоскою
На гибель вѣрную идешь.
Дай руку мнѣ: еще есть время
Тебя отъ гибели спасти...

---

[2]) *Святаго духа* благодать!
Рукоп. Имп. Публ. Библ.

Какъ холодна твоя рука!
Какъ тяжело намъ проходить
Передъ язвительной толпой!
Но я рѣшился, я пойду,
И до конца тебя не брошу,
И вновь я выведу тебя
Изъ бездны страшнаго грѣха...
И вновь ты будешь у меня
На прежнемъ небѣ ликовать,
И трудный путь судьбы моей
Звѣздою свѣтлой озарять!..

1840.

ВОПЛЬ СТРАДАНІЯ. *)

Напрасно я молю святое Провидѣнье
Отвесть ударъ карающей судьбы,
Укрыть меня отъ бурь мятежной жизни
И облегчить тяжелый жребій мой;

Иль, слабому ничтожному творенью,
Дать силу мнѣ, терпѣнье, вѣру,
Чтобъ могъ я равнодушно пережить **)
Земныхъ страстей безумное волненье.

Пощады нѣтъ! душевную молитву
Разноситъ вѣтръ во тьмѣ пустынной,
И вопли смертнаго страданья
Безъ отзыва въ дали глубокой тонутъ.

Ужель, во цвѣтѣ лѣтъ подъ тяжестью лишеній,
Я долженъ пасть, не насладившись днемъ
Прекрасной жизни, досыта не упившись
Очаровательнымъ дыханіемъ весны?

ПОМИНКИ.

(Памяти Н. В. Станкевича).

Подъ тѣнью роскошной
Кудрявыхъ березъ,
Гуляютъ, пируютъ
Младые друзья!

Могучая сила
Въ душѣ ихъ кипитъ;

*) Вопль страда*ній.*
**) Чтобъ *равнодушно могъ я перенесть*—Рукоп. Имп. Публ. Библ.

На блѣдныхъ ланитахъ
Румянецъ горитъ.
Ихъ очи, какъ звѣзды
По небу, блестятъ;
Ихъ думы—какъ тучи,
Ихъ рѣчи горятъ. *)
Давайте веселье!
Давайте печаль!
Давно ихъ не манитъ.
Волшебница даль!
И съ міра, и съ время
Покровы сняты;
Загадочной жизни
Прожиты мечты.
Шумна ихъ бесѣда,
Разумно идетъ;
Роскошная младость
Здоровьемъ цвѣтетъ.
Но вотъ къ нимъ приходитъ
Невѣдомый гость,—
И молча садится,
Какъ темная ночь.
Лицо его мрачно,
И взгляды—что̀ ядъ;
И весь на немъ страненъ
Печальный нарядъ.
И лучшему другу
Онъ руку пожалъ;
И глазъ его черный
Огнемъ засверкалъ.
Въ мигъ юноша вздрогнулъ **)
И очи закрылъ;
И темные кудри
На грудь опустилъ.
Прозрачно, какъ мраморъ,
Застыло лицо —
Уснулъ онъ надолго,
Уснулъ глубоко!..
Подъ тѣнью роскошной
Кудрявыхъ березъ

---

*) Ихъ рѣчи *кипятъ*.
**) *И* юноша вздрогнулъ—„Отеч. Зап.“ 1842, т. 20.

Гуляютъ, пируютъ
Младые друзья!
Ихъ такъ же, какъ прежде
Бесѣда шумна;
Но часто невольно
Печаль въ ней видна.

Москва. 1840. 12 декабря.

БЛАГОДѢТЕЛЮ МОЕЙ РОДИНЫ.

(Д. Н. Бѣгичеву).

Есть люди — межъ людей они,
Стоятъ на ступеняхъ высокихъ,
Кругомъ ихъ блескъ, и слава [1])
Далеко свой бросаетъ свѣтъ;
Они-жъ, съ ходулей недоступныхъ,
Съ безумной глупостью глядятъ, [2])
Въ страстяхъ, порокахъ утопаютъ;
И глупо такъ проводятъ вѣкъ. [3])
И люди мимо ихъ смиренно
Съ лицомъ боязненнымъ проходятъ,
Взглянуть на нихъ боятся, [4])
Колѣна гнутъ, цѣлуютъ платья;
А въ глубинѣ души своей безмолвно
Плюютъ, и презираютъ ихъ. [5])

Другіе люди есть: они отъ Бога
Поставлены на тѣхъ же ступеняхъ;
И также блескъ, величье, слава
Кругомъ ихъ свѣтъ бросаютъ свой.
Но люди тѣ — всю жизнь свою
Дѣламъ народа посвятили,
И искренно, для пользы государства,
И день, и ночь работаютъ свой вѣкъ... [6])
Кругомъ же ихъ, съ почтеньемъ *люди*
7 Колѣна гнутъ, снимаютъ шапки,
Молитвы чистыя творятъ... [7])
О, много разъ — несчастныхъ, бѣдныхъ
Васъ окружала пестрая толпа,

---

[1]) Кругомъ ихъ *шумный* блескъ и слава
[2]) Съ безумной *гордостью* глядятъ.
[3]) *Проводятъ безполезный* вѣкъ.
[4]) Взглянуть на *лица ихъ* боятся;
[5]) *Клянутъ*—и презираютъ ихъ.
[6]) *Работаютъ свой вѣкъ они...*
[7]) Колѣна гнутъ, *благоговѣйно*
Молитвы чистыя *творя...*

Когда вы всѣмъ по силѣ-мочи,
Съ любовью, помогали имъ.
Тогда, съ благоговѣньемъ тайнымъ,
Любилъ глядѣть я молча, [8])
Какъ чудно благодатнымъ свѣтомъ
Сіяло ваше свѣтлое лицо... [9])

„Рус. Арх." 1874 г. I.

1841.

ЗВѢЗДА.

Гдѣ-бъ ни былъ я — всегда,
До утренней зари, алмазная звѣзда
Противъ меня стоитъ
И въ очи мнѣ язвительно глядитъ...
При ней когда-то часъ разлуки былъ...
Но я давно ее и часъ тотъ позабылъ!
Одинъ лишь этотъ лучъ неотразимъ, —
И я никакъ не свыкнусь съ нимъ!
Порою онъ приводитъ въ умиленье,
Порой въ восторгъ и изступленье,
Порою въ горькую печаль...
И мнѣ ее, погибшую, все жаль!

НА НОВЫЙ 1842 ГОДЪ.

Прожитый годъ, тебя я встрѣтилъ шумно,
Въ кругу знакомыхъ и друзей —
Широко, вольно и безумно,
При звукахъ бѣшеныхъ рѣчей.

Тогда, забывшись на мгновенье,
Впередъ всякъ дерзостно глядѣлъ,
Своихъ страстей невольное стремленье
Истолковать пророчески хотѣлъ.

Въ комъ сила есть на радость, на страданье —
Въ томъ духъ огнемъ восторженнымъ горитъ:
Тотъ о своемъ загадочномъ призваньи
Свободно, смѣло говоритъ.

Такъ, до зари, бесѣда наша
Была торжественно шумна!

---

[8]) Любилъ глядѣть я *молчаливо.*
[9]) Сіяло ваше *доброе* лицо.
„О. Отеч." 1840 г., т. 2.

Веселья круговая чаша
Всю ночь не осушала дна!

Но годъ прошелъ: однимъ — звѣздою ясной,
Другимъ — онъ молніей мелькнулъ;
Меня-жъ годъ, встрѣченный прекрасно —
Какъ другъ, какъ демонъ, обманулъ!

Онъ, за таинственнымъ покровомъ,
Мученья горькія скрывалъ,
И, въ этомъ свѣтѣ безтолковомъ,
Меня вполнѣ рокъ грозный испыталъ.

Тяжелый годъ, тебя ужъ нѣтъ, а я еще живу,
И новый, тихо, безъ друзей, одинъ встрѣчаю;
Одинъ въ его заманчивую тьму
Свои я взоры потопляю.

Что въ ней таится для меня?
Ужели новыя страданья?
Ужель безвременно изъ міра выйду я,
Не совершивъ и задушевнаго желанья?

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I.

Первоначальные опыты Кольцова *).

ПѢСНЬ УТРУ.

Съ зарею красною восходитъ
Солнце яркое съ востокъ,
Изъ-за лѣса, горъ выходитъ,
Зашумѣлъ живой потокъ.
Освѣтило долъ росистый,
Озлатило зыби водъ,
Потряссся и боръ вѣтвистый,
Вдругъ поднялся хороводъ
Нѣжныхъ пташекъ, пѣнье,
И свирѣли пастуховъ.
Всюду радость и веселье
Средь долины и луговъ;
Всѣхъ плѣняло, веселило
Милый взоръ среди природъ!
О, какъ нѣжно; о, какъ мило,
Утро встрѣтить и восходъ!
1826, октября 10.

(ИЗЪ ПИСЬМА).

I.

Что за счастье, что за рай
Жить вдали отъ милой,
И былое оживлять
Памятью унылой?
  Что за радость, что за счастье
  О ней плакать, тосковать,
  Вѣчно съ нею не вкушать
  Любви сладострастья?
Сердцу что за наслажденье,
Что за дружескій обѣтъ,
Коль въ сердечномъ упоеньѣ
Цѣловать ее не смѣть?

II.

Что за райская мечта,
Что земная красота,
Коль любить ее мученье,
Слезы—награжденье?
  Если-бъ ты у ногъ прекрасной
  О свиданьи умолялъ,
  Еслибъ ты съ подругой страстной
  Въ полной нѣгѣ утопалъ!

III.

Что могу своимъ назвать,
Мнѣ всего то лучше, краше;
Чѣмъ другимъ дано владать,
То чужое, то не наше.
О красавицѣ младой
Страстны юноши вздыхали
Каждый взглядъ ея живой
Даромъ неба бы считали!

ПЕРВЫЙ ШАГЪ ЛЮБВИ.

Извините, я невольно
Васъ увидѣлъ, полюбилъ;
Это сердцу ужъ прискорбно,
Если-бъ пламень я убилъ.
Если можно, изъяснитесь...
Вы, я знаю, возгордитесь
Со мной дружбу завести.
Отказъ милой я забуду,
Но любить во вѣки буду...
Ангелъ, да иль нѣтъ? прости!
1827, января 6.

ПЬЯНЮШИНУ.

Козьма, говорятъ, хворъ!
  Ай, вздоръ!
Такъ развѣ съ пуншу заболѣлъ;
И вправду, какъ не околѣлъ!
1827, января 8.

ПРОСТОДУШІЕ СОСѢДА.

Сосѣдъ мой пьетъ аракъ;
Такъ видно не дуракъ.
1827, января 12.

ИРИСѢ.

«Не вѣрю, чтобъ Ириса
«Чужой красой сіяла».
Хоть какъ ты не божися,
Но все-жъ не угадала:
У ней фальшивы волоса,
Всегда поддѣльная краса.
1827, января 15.

---

*) Тетради Кольцова. („Отеч. Зап." 1867, т. 170, ст. Малыхина).

СЕМИНАРИСТУ, ПИСАВШЕМУ ЭПИГРАММУ.

Вралевъ, писавшій эпиграмму,
Теперь, признаться, докончалъ;
Но что̀-жъ онъ ею укорялъ?—
И не мужчину, и не даму.
1827, января 28.

ОТЦВѢТШАЯ КРАСА.

Жизнь моя несется,
Какъ пылиночка весной;
Пламень страстный льется
И уноситъ мой покой.
Милы гдѣ предметы:
Поле, рощи и луга,
И младыя лѣта,
И пріютные брега?
Гдѣ твоя награда—
Воли страсти молодой?
Гдѣ твоя услада,
Незамѣтная тоской?
Гдѣ цвѣточекъ лживый—
Свѣтлоокіе глаза,
Блескъ въ лицѣ игривый
И пріятная краса?
Рано ты сокрылась,
Милой юности черта,
Мнѣ же бѣдной мнилась;—
Сонъ, игривая мечта.
1827, февраля 1.

СОНЪ.

Въ бурной жизни сновидѣнья
Я люблю одинъ мечтать,
Посреди-жъ уединенья
Я готовъ стихи кропать.
Но когда мой тихій геній
Съ музой стройной улетитъ,
Я ношусь между селеній,
Тамъ, гдѣ милымъ должно жить.
Если скучный посѣтитель
Мнѣ явится одному,
То надежда-утѣшитель
Собесѣдуетъ ему.
Одино́кій, я скучаю
И утѣхъ вездѣ ищу,
И томлюся, и вздыхаю,
Самъ не знаю чѣмъ грущу.
1827, марта 12.

ПОСЛАНІЕ къ Е. Г. О.

(Акростихъ).

Если, Лизанька милая,
Любишь нѣжно ты меня,
И, любовію сгорая,
Съ тобой счастливъ вѣчно я,—
Ахъ, любезная, жестоко
Въ нѣмой страсти слезы лить!
Если-жъ скукѣ одинокой
Терпѣливость положить,—
Есть-ли что лютѣе въ свѣтѣ,
Грустнѣй, тяжче черныхъ бѣдъ?
Разлучаетъ страсть въ предметѣ
И велитъ любя терпѣть,
Горячѣе любовь станетъ,
Образъ милый сохраня.
Разъ, ахъ! тѣнь ея летаетъ
Этой милой вкругъ меня.
Въ вѣрномъ сердцѣ сохраняю
Непреложную любовь,
Отъ любови согрѣваю
И сердце, грудь, и кровь.
Ангелъ милый, я неложно
Горжусь чувствомъ и тобой!
Ахъ, красавицы, возможно-ль
Разлучить меня съ драгой?
Колько-жъ, Лиза дорогая,
Отягченному страдать,
Вѣрно сердце предлагая
Отъ любови увядать,
И въ любви надеждъ искать?
1827, марта 16.

АКРОСТИХЪ.

Красавицѣ любезной
Отдалъ послѣдній часъ.
Любовь, твой даръ чудесный
Царями ставитъ насъ.
О, любовь, твой малый даръ
Вездѣ ставитъ намъ алтарь,
Къ удовольствію надежный,
Тихій, мирный, безмятежный.
1827 г., марта 16.

ТОСКА О МИЛОЙ.

Въ чужой странѣ далеко,
Съ тобою разлученъ,
Скитаюсь одинокой,
Лишь милой оживленъ.
Тобою только въ страсти
Питаю скорбь мою,
Вздыхаю, въ лютой части
Кончаю жизнь свою.
Я вяну повсечасно
И сердцемъ, и душой!
Въ разлукѣ жить ужасно,
О, милая, съ тобой!
1827 г., марта 25.

РЫЦАРЬ.

(Баллада).

Плыветъ рыцарь одинокій
Въ полночь быстро по рѣкѣ,
Въ путь собравшися далекій,
Темно-блѣденъ, въ челнокѣ,
И въ рукахъ весло сіяетъ;
Величавъ и милъ гребецъ;
Вѣтеръ парусомъ играетъ.
Полонъ страха. Но пловецъ
Устремляетъ взоръ смущенный
Гдѣ чернѣетъ быстрина.
Видитъ онъ: въ дали премѣнно
Колыхается волна;
Въ мигъ изъ волнъ Днѣпра
глубокихъ
Появилися въ цвѣтахъ:
То три дѣвы черноокихъ,
Знать, рѣзвиться на водахъ!
Ближе къ рыцарю подходятъ,
Рыцарь мчится въ челнокѣ;
Взявъ челнокъ, его уводятъ
Быстро далѣ по рѣкѣ.
Всѣ три дѣвы молодыя
Влекутъ рыцаря и челнъ
Черезъ пурпуры сѣдые,
Не страшатся бурныхъ волнъ.
Рыцарь, въ думу погруженный,
Руки тянетъ къ небесамъ;
Но, вдругъ силъ и чувствъ
лишенный,
Не противится красамъ.
А прелестницы игривы
Прямо къ рыцарю въ челнокъ;
Страхъ!—но тщетные порывы:
Силъ лишается сѣдокъ.
Онъ Творца молить не можетъ
И рукъ къ небу не взнесетъ,
Пуще страхъ его тревожитъ,
Потъ съ чела холодный льетъ.
Видитъ берегъ обнаженный
И туманъ вокругъ сѣдой,
По лазури мѣсяцъ блѣдный
Путь свершаетъ тихо свой.
Дѣвы къ рыцарю прильнули
И невольно всѣ вздохнули:
Слышенъ милый голосъ сей:
«Рыцарь, рыцарь, бѣжишь бури,
Но избѣгъ-ли ты сѣтей?»
И, склоняся головами,
Онѣ тихими шагами
Влекутъ рыцаря съ собой—
И, разлившися струями,
Очутились подъ водой.
Рыцарь сдѣлался добычей
Обитательницъ Днѣпра,
А челнокъ его летучій
Очутился близь шатра.

УНЫНІЕ.

На что мнѣ, Боже сильный,
Далъ жизнь и бытіе,
Когда въ странѣ изгнанья
Прямаго счастья нѣтъ?
Когда въ ней вихри, бури
И вѣютъ, и шумятъ,
И сѣрые туманы
Скрываютъ солнца свѣтъ?
Я мнилъ, что въ мірѣ люди
Какъ ангелы живутъ,
И дружбою прямою
Крѣпятъ сердецъ союзъ;
Я мнилъ, что въ сердцѣ, въ
мысляхъ
Одинъ у нихъ законъ:
Къ Тебѣ, Отецъ небесный,
Любовью пламенѣть
И ближнимъ неимущимъ,
Съ веселіемъ души,
Чѣмъ можешь, чѣмъ богатъ,
При крайности помочь.
Но нѣтъ—не то мнѣ опытъ
Въ странѣ сей показалъ:
Всѣ люди, будто звѣри,
Другъ друга не щадятъ,
Другъ друга уязвляютъ
Нетрепетной рукой!..
Надменность, гордость, слава—
Молебный ихъ кумиръ,
Сокровища жъ и злато—
Владыка ихъ и богъ!
А истина святая
Забыта навсегда,
Любовь и добродѣтель
Чужда понятью ихъ.
И Ты, Отецъ небесный,
Создавшій сихъ людей,
Не престаешь съ улыбкой
Щедроты лить на нихъ!..
И такъ, внемли жъ молитву
Мою, Всезрящій Царь!
Прерви печальной жизни
Печально бытіе,
И въ міръ иной, чудесный
Пересели мой духъ.

1829 г., января 26.

НА ОТЪѢЗДЪ Д. А. КАШКИНА ВЪ ОДЕССУ.

Что груди тяжельше?
Что сердцу больнѣй?
Что конь мой удалый
Споткнулся не разъ?
Иль заяцъ трусливый
Мой путь перебѣгъ?
Ужъ видны мнѣ кровли
Родныхъ и друзей,
И храма святаго
Сіяющій крестъ.
О чемъ же ты грустномъ
Пророчишь, душа?..
Ужъ обнялъ съ восторгомъ
Счастливецъ семью.
Но гдѣ-жъ, о, родные,
Безцѣнный мой другъ?
Онъ отбылъ надолго
Въ низовы края...
Не даромъ же конь мой
Споткнулся не разъ,
Не даромъ же сердце
Вѣщало печаль!
Когда-жъ возвратишься
Въ родную страну?
Дождусь-ли, въ уныньѣ,
Тебя, другъ, назадъ?

1829 г., августа 2.

КЪ М...

Вы милы всѣмъ, вы очень скромны;
Не спорю я—вашъ кротокъ нравъ;
Но я узналъ, что онъ притворный,
Что онъ съ природы такъ лукавъ.
Въ васъ нѣтъ капризовъ, нѣтъ и чванства,
Но только много шарлатанства;
Къ тому жъ вашъ вѣжливый языкъ
И увѣрять, и льстить привыкъ.
Къ свиданьямъ тайнымъ вы согласны,—
Но тѣ свиданья мнѣ опасны,
Затѣмъ, что въ нихъ сокрытъ обманъ
Иль вновь затѣянный романъ
Въ веселый часъ хоть вы твердите:
Забудьте прежнее—любите!—
Да какъ, скажите, васъ любить,
Какъ непорочность обольстить?
О, нѣтъ, такія мнѣ оковы
Не милы, какъ вѣнокъ терновый.
Притомъ же хладная любовь
Въ объятіяхъ застудитъ кровь.
Сказать велите-ль откровенно:
Во вѣкъ такой, какъ вы, презрѣнной
Затѣмъ не соглашусь любить,
Чтобы осмѣяннымъ не быть.

1829 г., октября 6.

(КЪ А. Д. МАЛЫХИНУ).

Милостивый государь
Александръ Дмитріевичъ!

Въ селѣ, при первой встрѣчѣ нашей,
Для васъ и для супруги вашей
Я, помню, обѣщалъ прислать
Торквато милое творенье,
Пѣвца любви и вдохновенья;
И слова даннаго сдержать
Не могъ донынѣ, затѣмъ что прежде
Обманутъ былъ въ своей надеждѣ.
Но обѣщанью измѣнить
За стыдъ, за низость я считаю—
И вотъ, успѣлъ лишь получить
Двѣ книги—вамъ ихъ посылаю.
Мнѣ лестно вамъ угоднымъ быть.
Такъ—незначительный мечтатель—
Я вашимъ мнѣньемъ дорожу,
И восхищусь, коль заслужу
Вниманье ваше... Обожатель
Всего прекраснаго...

Вашъ покорнѣйшій
Мѣщанинъ Алексѣй Кольцовъ.

9 октября 1829 г.

КЪ М...

Подобныхъ Машѣ очень мало
И въ мірѣ равныхъ не бывало:
Лицо, движенья, рѣчь и взглядъ
Стальное сердце распалятъ.
Любить ее и я бы радъ,
Когда-бъ въ груди не скрылось жало,
Когда-бъ въ любви ея—не ядъ.

1829 г., октября 12.

КЪ ПОДРУГѢ МОЕЙ ЮНОСТИ.

Зачѣмъ ты, дѣва, не желаешь
Со мною быть наединѣ?
Скажи, скажи: зачѣмъ при мнѣ
Ты такъ робѣешь, такъ скучаешь?
Ужель со мной опасно быть?
Ужель тебѣ кажусь я страшенъ?
О, вѣрь мнѣ, вѣрь: я не опасенъ!

Я весь передъ тобой открытъ,
И въ сердцѣ лишь любовь горитъ.
Ты помнишь, другъ мой, съ юныхъ лѣтъ
Съ тобою мы росли, рѣзвились,
И что на мысли не придетъ,
Мы всѣмъ довѣрчиво дѣлились.
А нынь, не знаю почему,
Меня ты, дѣва, презираешь
И средь людей, и одному
Невинныхъ чувствъ не довѣряешь.
Оставь, красавица, свой стыдъ,
Не будь ко мнѣ ты равнодушна;
Будь такъ, какъ прежде, простодушна,
Какъ прежде, будемъ братски жить.

1829 г., октября 25.

ПОВѢСТЬ МОЕЙ ЛЮБВИ.

Посвящаю воронежскимъ дѣвушкамъ.

Красавицы, дѣвушки,
Одноземки, душеньки!
Вамъ хочу я, милыя,
На досугѣ кое-какъ
Исповѣдать таинство,
Таинство чудесное.
И у насъ въ Воронежѣ
Никому до этихъ поръ
Не хотѣлъ открыть его;
Но для васъ, для васъ однѣхъ
Я его повѣдаю,
И такъ, какъ по грамоткѣ,
Какъ хитрецъ по карточкамъ,
Разскажу по-дружески
Повѣсть о самомъ себѣ.
Скучно и нерадостно
Я провелъ вѣкъ юности;
Въ суетныхъ занятіяхъ
Не видалъ я красныхъ дней;
Жилъ въ степяхъ съ коровами
Грусть въ лугахъ разгуливалъ,
По полямъ съ лошадкою
Одинъ горе мыкивалъ:
Отъ дождя въ шалашикѣ
Находилъ убѣжище.
Дикаремъ степникою
Я въ Воронежъ ѣзживалъ
За харчами, деньгами,
Чаще—за отцовскими *)
Мудрыми совѣтами;
И въ такихъ занятіяхъ
Мнѣ пробило двадцать лѣтъ. **)
Но клянусь вамъ совѣстью,
Я еще не зналъ любви.
Въ городахъ всѣ дѣвушки
Какъ-то мнѣ не нравились;
Въ слободахъ, въ селеніяхъ
Всѣми брезговалъ—гребовалъ...
Разъ одинъ, въ Воронежѣ,
Гдѣ не помню, встрѣтилась
Со мной одна дѣвушка:
Смазливенькимъ личикомъ,
Умильными глазками,
Осанкою, поступью,
Рѣчью лебединою
Вспламенила молодца.
Вдругъ сердечко пылкое
Зажглось, раскалилося,
Забилось и искрами
По груди запрядало.
Я тогда не въ силахъ былъ
Удержать порывъ страстей—
И въ ея объятіяхъ
Уснулъ очарованный,
Упившись любовію,—
И съ тѣхъ поръ той дѣвушки
Сталъ я вѣчнымъ плѣнникомъ.
Кто-жъ она? вы спросите,
Одноземки милыя...
Не скажу... Но если вы
По весельямъ ѣздите,
На гульбахъ бываете,
Тамъ, повѣрьте мнѣ,
Вы ее увидите:
Всѣхъ скромнѣй, красивѣе,
Всѣхъ простѣй и ласковѣй,
Откровеннѣй, радостнѣй.

1829, ноября 1.

*) Домой въ городъ ѣзживалъ
За дѣлами крайними,
Чаще-жъ—за отцовскими

**) Двадцать лѣтъ ударило.

„Рус. Арх." 1884, № 6, стр. 364.

МѢЩАНСКАЯ ЛЮБОВЬ.

И такъ, вчерашній разговоръ
Свершилъ нежданый приговоръ...
Не нужны темные намеки,
Ни ясный, ни лукавый взоръ,
Гдѣ въ честь за поцѣлуй—упреки,
За ласки—дерзностный укоръ,
За шутку скромную—презрѣнье
Платить обратно въ награжденье,
И доводить враждой до слезъ.
Что взглядъ послѣдній произнесъ?
Вы думали, меня смутите?..

Нѣтъ, я не стану возражать,
Ни кланяться, ни умолять.
По-моему: любить—любите,
А нѣтъ—прощайте! что̀ вздыхать?
Я не дитя: я не заплачу,
Не потужу я, что утрачу
Для новыхъ благъ одну тебя.
Лишь ты, немилая моя,
Забудь презрѣннаго скорѣй;
А я найду, повѣрь, другую
Себѣ красавку городскую,
Тебя моложе и милѣй.

Декабря 19.

ЭПИТАФІЯ.

Онъ жилъ,—и былъ здѣсь всѣмъ чужой;
Но всѣ душой его любили,
И сожалѣньемъ, и слезой,
Прощаясь, прахъ его почтили...

„Библ. Зап." 1861 г., т. III, № 16.

МАЛОРОССІЙСКАЯ ПѢСНЯ.

Голубонько, доню!
Чому ты не любишь
Мене, казаченька,
Мене молодого?

Хиба жъ ты иного
Вже парубка маешь;
Хиба жъ ты другого,
Серденько, бажаешь?

Иль чимъ, мое серце,
Тобѣ не влюбився?
Хиба моя бидность
Тобѣ такъ лякае?

Голубонько, доню!
Я бажавъ, кохавъ бы
Тебе дужче того,
Що въ золоти ходить.

„Спб. Вѣд." 1864 г., № 141.

II.

Стихотворенія, приписанныя Кольцову.

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНІЕ О БОЖІЕМЪ ВЕЛИЧІИ, СОЧ. ЛОМОНОСОВА, ПЕРЕЛОЖЕННОЕ ВЪ РУССКІЙ РАЗМѢРЪ *).

День сокрылъ лице; ночь въ поляхъ лежитъ;
Черна тѣнь взошла на вершины горъ,
Свѣтлый лучъ погасъ въ синевѣ небесъ;
Бездна звѣздная раскрывается—
Нѣтъ числа звѣздамъ, безднѣ мѣры нѣтъ!

Какъ песчинка, намъ незамѣтная,
Въ бурной хляби водъ, искра въ вѣчномъ льдѣ;
Какъ въ порывѣ бурь перелетный прахъ;
Какъ перо въ огнѣ: такъ въ сей безднѣ я
Исчезаю весь, весь теряюсь я,
Утомленный мыслей бременемъ.

Намъ гласятъ уста велемудрыя:
Тамъ другихъ міровъ область вѣчная;
Тамъ горятъ солнцы неизсчетныя;
Тамъ народовъ жизнь, новый кругъ вѣковъ;
Тамъ для славы Всемогущаго
Вещество хранитъ силу равную...

Но, природа, гдѣ твой, скажи, законъ?

*) «Литер. Прибавл. къ Русск. Инв." 1838 г., № 32. «Размѣромъ своимъ (стихотвореніе) напоминаетъ многія пѣсни Кольцова», говоритъ академикъ М. И. Сухомлиновъ (Соч. Ломоносова, изд. Импер. Акад. Наукъ. СПБ. 1891, стр. 241 примѣчаній). По всей вѣроятности оно и принадлежитъ Кольцову, многія стихотворенія котораго помѣщены въ «Лит. Приб.» вышеуказаннаго года. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и подпись, только разъ и встрѣчающаяся въ названномъ изданіи на 1838 годъ.

Съ полуночныхъ странъ вдругъ встаетъ заря.
Или солнце тамъ ставитъ свой престолъ?
Или вѣчный ледъ морей вспыхнулъ вдругъ?
Вотъ холодный огнь покрываетъ насъ;
Вотъ на землю день всталъ средь полночи!
Вы, которыхъ взоръ книгу дивную
Непостижныхъ правъ проницаетъ въ глубь;
Вы, которымъ знакъ незамѣтный намъ
Раскрываетъ вдругъ естества уставъ!
Вамъ извѣстенъ путь всѣхъ планетъ, всѣхъ звѣздъ:
Такъ скажите намъ, что̀ смущаетъ насъ?
Что̀ сей зыблетъ лучъ ясный въ полночи?
Что̀ сей мещетъ огнь въ твердь небесную?
Какъ вдругъ молнія отъ земли въ зенитъ,
Безъ громовыхъ тучъ, безъ грозы, летитъ?
И какъ можетъ быть, чтобы мерзлый паръ
Среди хладныхъ зимъ порождалъ пожаръ?
Или споритъ тамъ жирна мгла съ водой?
Или солнца лучъ сквозь туманъ густой,
Преломившись, къ намъ наклоняется?
Или тучныхъ горъ тамъ верхи горятъ?
Или въ море дуть пересталъ зефиръ,
И бьютъ волны вверхъ изъ морей въ эфиръ?..
Если вашъ отвѣтъ столь сомнѣній полнъ
И о томъ, что близь почти вашихъ глазъ;
Такъ скажите-жъ намъ: какъ пространенъ свѣтъ?
И что кроется выше дальнихъ звѣздъ?
Коль невѣдомъ вамъ край творенія,
Разскажите намъ, какъ великъ Творецъ.

К—въ.

РУССКАЯ ПѢСНЯ *).

Во широкой степи
На раздольныхъ поляхъ
Много дивныхъ цвѣтовъ
Расцвѣтаютъ весной.
Но они не плѣнятъ
Меня чудной красой;
Ихъ не буду я рвать
И не стану сбирать.
Мнѣ вѣнки для дружка
Ужь изъ нихъ не свивать!
Тѣ и дни протекли,
Какъ искала я ихъ,
И то время давно
Огнемъ будто сожгло.
Вы цвѣтите-жъ цвѣты
Во широкой степи!
У меня-жъ въ дни весны
Сердце вянетъ въ груди!..

РУССКАЯ ПРОСТОНАРОДНАЯ ПѢСНЯ.

Ахъ, не сонъ клонитъ
Буйну голову
На широку грудь
Молодецкую;
А клонитъ ее
Печаль горькая
Съ думой черною—
Неразлучною!

*) Это и слѣдующее стихотворенія появились въ «Ярослав. Губ. Вѣд.» 1853 г. въ №№ 43 и 44, съ подписью Александръ Мыльниковъ; но въ томъ же году перепечатаны въ «Сѣв. Пчелѣ», № 282, съ заявленіемъ Сеславина, что они написаны Кольцовымъ и подарены въ разное время, вмѣстѣ съ другими, одному изъ товарищей юности поэта, отъ котораго Мыльниковъ и получилъ ихъ. Вѣроятно, стихотворенія дѣйствительно принадлежатъ къ раннимъ произведеніямъ Кольцова, и первое изъ нихъ представляетъ въ такомъ случаѣ самую первую редакцію пѣсни: «Не скажу никому».

Зла кручинушка
Лежитъ на сердцѣ,
Какъ змѣя его
День и ночь сосетъ;
Твердитъ молодцу
Про измѣнницу,—
Ненаглядную
Красну дѣвицу...
Кудри русые,
Въ кольцо свитые,
Со печали той—
Будто въ непогодь—
Разсыпаются
Развиваются.
Лицо молодца—
Вянетъ розово;
По немъ смертная
Блѣдность стелется:
Что съ другимъ она
Дѣлитъ радости,
А ему по смерть
Сулитъ горести.
Вольно-жъ молодцу
Разудалому
Печаль горькую
Таить на сердцѣ;
Но нѣтъ силъ въ душѣ
Разлюбить ее.

* * * [1])

Хмуритъ брови сине небо,
Идутъ съ неба тучи.
Вы гдѣ, тучи, воду брали,
Куда понесете?
Не тоска-ли въ васъ чернѣетъ
Мутными волнами?
Вы не слезы-ль собирали
Для дождей, для града?
Вы не брали-ль съ буйнымъ вѣтромъ
Вздохи изъ Украйны?
Выше, выше подымитесь:
Гулъ вашъ не привѣтенъ!

[1]) Стихотвореніе появилось въ «Рус. Арх.» 1864 г., № 9 (стр. 990) въ качествѣ принадлежащаго Кольцову. Но г. Малыхинъ («Отеч. Зап.» 1867 г., т. 170, кн. 3-я, стр. 498), разсмотрѣвшій найденныя тетради Кольцова, совершенно основательно утверждаетъ, что стихотвореніе это написано, вѣроятно, *другомъ Кольцова*, Серебрянскимъ.

Мчися, вѣтеръ, лугомъ, лѣсомъ,
Несись черезъ поле!
Свѣй ты съ сердца думу-горе,
Свѣй кручину злую.

УТѢШЕНІЕ. *)

Не тоскуй,
Не горюй,
Душа дѣвица;
Изъ очей
Слезъ не лей
На грудь бѣлую.
Все пройдетъ,
Другъ придетъ
Вновь съ любовію,
Обойметъ
И прижметъ
Къ груди пламенной.
Не брани,
Не кори
Добра молодца!
Не гнѣвись,
Помирись,
Забудь прошлое:
Не отъ зла—
Отъ любви
Откровененъ онъ.
Улыбнись
И взгляни
Взоромъ ласковымъ,
Ему вновь

*) Это и два слѣдующія стихотворенія напечатаны были съ именемъ Кольцова въ «Пантеонѣ» 1848 г., т. II, кн. 4 и 6. Но въ «Лит. Газ.» того же 1848 года т. II, № 41, въ примѣч. къ пѣснямъ Кольцова «Вянетъ травка осенью» и «Пламенѣя, горя»—сказано было: «Въ іюньской книжкѣ «Репертуара» («Пантеонъ») напечатаны двѣ пѣсни: «Баяну» и «Измѣна». Подъ ними было также подписано имя Кольцова; но авторъ ихъ объявилъ намъ, что... это заблужденіе... что стихи принадлежатъ М. Владимірову». Въ справедливости сказаннаго «Лит. Газ.» сомнѣваться едва-ли возможно: какъ названныя ею стихотворенія, такъ и «Утѣшеніе» (вѣроятно того же Владимірова) Кольцова напоминаютъ мало.

Протяни
Ручку нѣжную—
И скажи
Отъ души:
Другъ! я счастлива...

БАЯНУ.

Не играй, молодецъ,
Мой домашній пѣвецъ,
Въ гусли звонкія!
Пѣсни теплой души
Прячь въ завѣтной глуши
Отъ глазъ зависти!
Прежде-время они
Сократятъ твои дни—
Дни веселые;
Звонки гусли—сожгутъ,
Пѣсни всѣ—раскрадутъ,
Пустятъ по-вѣтру...
И твоимъ же добромъ
Въ хороводѣ людскомъ
Будутъ хвастаться...
И такъ, лучше иди,
Да погодушки жди
Съ моря синяго!
Закипитъ въ немъ вода—
И съ песчанаго дна
Всплыветъ счастіе.
Ты къ себѣ примани,
У гуслей пріюти
Этотъ перлъ дорогой!
Веселѣй, и чуднѣй,
И для многихъ слышнѣй
Заиграешь тогда.

ИЗМѢНА.

Цвѣлъ цвѣтокъ лазоревый—
Да поблекнулъ;
Любилъ меня милый другъ—
Да покинулъ.
Какъ цвѣтку отжившему
Не цвѣсть лѣтомъ,
Такъ и другу милому
Не знать счастья.
Зимой—снѣги бѣлые
Цвѣтъ засыплютъ;
Весной—ручьи быстрые
Цвѣтикъ смоютъ...
Такъ и милъ-сердечный другъ,
Съ злой кручины,
Боясь чистой совѣсти,
Уйдетъ въ землю.
Я приду съ кручиною
На могилку
Милаго, желаннаго—
И поплачу;
За него съ усердіемъ
Помолюся,
И, простивъ обманъ его,
Распрощуся.

Краткія примѣчанія къ стихотвореніямъ Кольцова.

1) **Размолвка** (стр. 18). Рукоп. Имп. Пуб. Библ., на отдѣльномъ листкѣ, вмѣстѣ со стих. «**Сирота**» (стр. 104), представляетъ собою, очевидно, ту самую, съ которой стих. печаталось въ изд. 1846 г., Некрасова и Прокоповича: текстъ ея, за нижесказанными исключеніями, совершенно тождественъ съ печатнымъ; на ней сдѣланы «исправленія» знаковъ препинанія красными чернилами; не вошедшіе въ печатный текстъ стихи «По что виной,—Могу-ли знать» очерчены краснымъ карандашомъ, какъ и въ другихъ рукописяхъ, когда стихи исключались въ печати, а что Кольцовъ не самъ ихъ выбросилъ, доказывается уже тѣмъ, что они вошли въ *позднѣйшую* передѣлку, приведенную у насъ подъ текстомъ. Стихъ въ рукописи «Что огнь любви» ничѣмъ не отмѣченъ, но передѣлка его въ «Любви огонь», нужно думать, послѣдовала въ корректурѣ. Рукопись даетъ намъ право на слѣдующія заключенія: 1) издатели въ 1846 году располагали нѣкоторыми рукописями Кольцова, чѣмъ и объясняется присутствіе въ изданіи ихъ не одного десятка стихотвореній, которыхъ мы не нашли въ журналахъ напечатанными ни при жизни поэта, ни въ первые годы послѣ его смерти, до изд. 1846 года; 2) издатели измѣняли по своему вкусу текстъ, и не всегда, какъ увидимъ, къ выгодѣ его; 3) тексты изданія 1846 года (главный текстъ и нашего) не всегда авторитетнѣе тѣхъ, которые приведены нами подъ текстомъ.— Вторая редакція стихотворенія, найденнаго Малыхинымъ въ тетрадяхъ Кольцова, случайно купленныхъ на рынкѣ въ Воронежѣ, хотя она и позднѣйшая, не можетъ, однако, считаться болѣе важною, чѣмъ первой рукописи, помѣченной 1828 годомъ; она—очевидная передѣлка по какому-то поводу, когда Кольцову понадобилось укорить потухшій «дружбы огнь» вмѣсто такого же «огня любви».

2) **Кольцо** (стр. 21). Рукопись сохранилась въ бумагахъ Краевскаго; передѣлано въ ней только заглавіе. Въ *Лит. Газ.*—первая редакція.

3) **Домикъ лѣсника** (стр. 24). Загл. въ изд. 1846 года «*Домъ* лѣсника», а въ оглавленіи оставлено «Домикъ»; окончаніе отдѣлено въ особое стихотв. подъ загл. «Изступленіе», съ нѣкоторыми варьянтами.

4) **Удалецъ** (стр. 27). Исключенія въ строф. 6—10 въ изд. 1835 и 1846 годовъ обусловливались, вѣроятно, цензурными соображеніями.

5) **Молодая жница** (стр. 34). Въ рукоп. стихъ: «Разминется съ ней», отмѣченъ краснымъ карандашомъ; и онъ несомнѣнно измѣненъ въ корректурѣ изд. 1846 года, въ которомъ стихотвореніе печаталось именно съ этой рукописи; въ журналахъ мы его не нашли.

6) **Пѣсня: Перстенечекъ золотой** (стр. 36). Измѣненіе послѣдняго стиха—примѣръ крайне неудачной передѣлки въ изд. 1846 года: два желанія, чтобы перстенечекъ, въ случаѣ грусти «ея» *почернѣлъ*, а въ случаѣ исчезновенія любви опять-таки *почернѣлъ,* но только «самъ собой» почему-то, звучатъ странно. Текстъ *Отеч. Зап.*, выражающій для послѣдняго случая желаніе полнаго уничтоженія («разсыпься самъ собой») перстня, нужно думать, только одинъ и можетъ быть приписанъ Кольцову. Помѣтка въ *Отеч. Зап.* 1840 годомъ едва-ли можетъ служить серьезнымъ основаніемъ для перенесенія стихотворенія въ тотъ годъ; издатели 1846 г. знали эту помѣтку и безъ основанія не перемѣстили бы стихотвореніе.

7) **Косарь** (стр. 36). Измѣненія текста *Телескопа* въ изд. 1846 года *объясняются* нѣкоторой грубостью выброшенныхъ стиховъ, хотя

слѣдовало бы оставить такіе стихи, какъ «Вѣтеръ полудня» (т. е. по народному—«полудённый вѣтеръ»), неприкосновенными. Измѣненный стихъ—и «Не *подрѣ*жусь я»; въ *Телескопѣ* онъ читался «Не *зарѣ*жусь я». Въ рядѣ слѣдующихъ стихотвореній измѣненія незначительны и, какъ напр., въ «Порѣ любви», могли быть сдѣланы и самимъ авторомъ.

8) **«Ура»** (стр. 47). Помѣщенное, какъ и «Пора любви», въ *Литер. Приб.* 1838 года (стр. 189), стихотвореніе могло быть не внесено въ изд. 1846 года только намѣренно.

9) **Горькая доля** (стр. 42). Стихи «Что любилъ какъ душу И *та̀* измѣнила» (т. е. измѣнила и та, *которую* любилъ) совершенно неудачно передѣланы въ «Что̀ любилъ... и то...» Дальше говорится о *любви* именно.

10) **Два прощанія** (стр. 48). Въ стихахъ 9—12 новый примѣръ неудачнаго исправленія. Кольцовъ хотѣлъ сказать, что «красавица» прощалась весело, а когда простилась (разсталась), то смѣялась надъ тѣмъ, что произошло; измѣненіе совершенно исказило смыслъ. Неудачна и замѣна такихъ чисто народныхъ выраженій, какъ «до̀-воли».

11) **Бѣгство** (стр. 57). Рукопись—въ особой, пріобрѣтенной Имп. Пуб. Библ. отъ П. В. Жуковскаго, тетрадкѣ, въ которой написаны, съ помѣтками подъ ними (помѣщаемыми нами въ скобкахъ), слѣдующія стихотворенія: **Передъ образомъ Спасителя** (отд. В. А. Владиславлеву) (стр. 101); **«Не разливай волшебныхъ звуковъ»** (отд. А. А. Краевскому) (138); **Путь** (напеч. въ *Отеч. Зап.*) (58); **«Грѣетъ** (а не *свѣтитъ*) **солнышко»** (напеч. въ *Отеч. Зап.*) (68); **Вопль страданій** (отд. П. А. Плетневу) (140); **«Не на радость, не на счастье»** (отд. А. А. Краевскому) (71); **Послѣдняя борьба** (отд. А. А. Краевскому) (132); **«Въ непогоду вѣтеръ»** (напеч. въ *Отеч. Зап.*) (59); **Разлука** (отд. А. А. Краевскому) (70); **Лѣсъ** (дума) (напеч. въ *Отеч. Зап.*) (100); **Дуютъ вѣтры** (напеч. въ *Отеч. Зап.*) (73); **«Долго-ль буду я»** (напеч. въ *Отеч. Зап.*) (67); **«Не скажу никому»** (отд. В. А. Владиславлеву) (70); **Что ты спишь, мужичокъ** (отдана А. А. Краевскому) (63); **«Такъ и рвется душа»** (69); **Военная пѣсня** (отд. В. А. Владиславлеву) (73); **Примиреніе** (отд. П. А. Плетневу) (134); **Бѣгство** (напеч. въ *Соврем*). (57); **Хуторокъ** (напеч. въ *Отеч. Зап.*) (60). Напечатанными помѣчены тѣ, которыя появились въ 1839 г., а отданными—которыя появились въ концѣ 1840 или въ 1841 году; слѣдовательно, тетрадка помѣчалась позже 1839 и прежде 1841 года. Она совершенно чистая и безъ помарокъ, и измѣненія ея текстовъ въ печати всего вѣроятнѣе объясняются поправками въ редакціяхъ *Отеч. Зап.* и *Соврем.* Плетневъ въ своемъ *Современникѣ* **Вопль страданій** не помѣстилъ, а **Военную пѣсню** изъ *Утр. Зари* Владиславлева издатели 1846 года не взяли. Поправки были сдѣланы въ большинствѣ случаевъ неудачно. Такъ въ стихотвореніи:

12) **Свѣтитъ солнышко** (стр. 68) поправкою въ изд. 1846 г. искаженъ совершенно смыслъ: Кольцовъ могъ именно сказать, что солнце *грѣетъ,* да только когда не нужно, когда цвѣтамъ все равно не расти.

13) **Великая тайна** (стр. 88). Принадлежность этого стихотворенія, какъ и стих. «Божій міръ» и «Молитва», Кольцову заподозрѣна (*СПБ. Вѣд.*, 1867 г., № 77, фельетонъ; Де-Пуле: «Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ», СПБ., стр. 141 и слѣд.). Но по всему своему характеру это Кольцовскіе стихи; на «Молитвѣ» въ рукописи помѣтка: «Степь гр-ни Орловой. 1836.» Нельзя же предположить, чтобы Кольцовъ на чужихъ стихахъ сталъ дѣлать помѣтки для памяти времени своего заимствованія. Нѣкоторая наивность стиховъ, выброшенныхъ изъ рукописи

«Божьяго міра», говоритъ ясно за то же, что стихи совсѣмъ не *медика* Серебрянскаго.

14) **Великое слово** (стр. 91). 1-я рукопись—въ витринѣ въ Имп. Публ. Библ.; она, за исключеніемъ заглавія, согласна съ печатнымъ текстомъ. 2-я рукопись—на отдѣльномъ листкѣ, также какъ и стихотворенія: **Могила** (стр. 94) и **«Молитва»** (стр. 95).

15) **«Человѣческая мудрость»** (стр. 96). Нѣкоторыми стихами сходное съ «Вопросомъ», стихотвореніе тѣмъ не менѣе самостоятельное. Оно пропущено въ изд. 1846 г.

16) **Лѣсъ** (стр. 100). Одна изъ рукописей стихотворенія (1-я)—въ бумагахъ Жуковскаго; другая (2-я)—въ тетради (см. прим. 11).

17) **Сирота** (стр. 104). Рукопись на отдѣльномъ листкѣ, съ котораго печаталось въ изд. 1846 г. очевидно.

18) **Путникъ** (стр. 105) и **Осень** (106). Первоначальныя редакціи—въ тетрадяхъ Кольцова, описанныхъ Малыхинымъ въ *Отеч. Зап.* **Осень** съ варьянтами—въ бумагахъ Краевскаго.

19) **Ночлегъ чумаковъ** (стр. 107). Конецъ стихотв. изъ *Библ. д. Ч.* не взятъ въ изд. 1846 г. очевидно намѣренно.

20) **Приди ко мнѣ** (стр. 113). Обыкновенно значится, что Сухачевъ въ своихъ *Листкахъ* воспользовался *однимъ* стихотвореніемъ Кольцова. Но ихъ три вошло въ листкѣ цѣликомъ: «*Приди ко мнѣ*», **«Не мнѣ внимать»** (стр. 115) и **Месть** (стр. 116), да въ четвертомъ, именно въ «Сѣтованіи» (стр. 5 «Лист.») много Кольцовскихъ отдѣльныхъ стиховъ. Де-Пуле и др., очевидно, не справлялись въ самыхъ *Листкахъ* внимательно. Сухачевымъ стихотв. Кольцова напечатаны съ нѣкоторыми измѣненіями, показывающими его бездарность; мы не находимъ нужнымъ приводить ихъ въ качествѣ варьянтовъ.

21) **Разувѣреніе** (стр. 114). Рукоп. въ бумагахъ Краевскаго (2-я), текстомъ своимъ немногимъ отличается отъ обычнаго печатнаго, происхожденіе котораго неизвѣстно. Можно думать, однако, что послѣдній обязанъ опять поправкамъ; напр. стихъ «Въ невѣрномъ взорѣ—хитрый взоръ» могъ быть измѣненъ для того, чтобы слово взоръ не встрѣчалось въ одномъ стихѣ два раза — стилистическая щепетильность. Это же самое стихотвореніе въ автографѣ, подъ заглавіемъ **Отшельникъ**, было принесено въ даръ Имп. Пуб. Библ. д. с. с. В. В. Григорьевымъ въ качествѣ «нигдѣ не напечатаннаго», о чемъ и значится въ «Отчетѣ Библ. за 1867 г.». Но оно было напечатано еще въ 1841 году и затѣмъ во всѣхъ изданіяхъ.

22) **Пѣсня: «Утративъ то»** (стр. 120). Любопытный примѣръ, показывающій, что и послѣ, находя стихотв. Кольцова, считали нужнымъ исправлять ихъ. Пѣсня напечатана въ *СПБ. Вѣд.* изъ тѣхъ же тетрадей, но оказались тѣмъ не менѣе «варьянты». Это относится и къ другимъ стихотвореніямъ, взятымъ изъ тетрадей, Де-Пуле, напр., и печатавшимся въ *Рус. Арх.*

23) **Что значу я** (стр. 123). Рукопись въ Имп. Пуб. Библ. въ бумагахъ Краевскаго,

24) **Цвѣтокъ** (стр. 131). Рукоп. въ Имп. Пуб. Библ. на отдѣльномъ листкѣ. Съ нея стих. печаталось въ изд. 1846 г., съ поправками. Въ тетрадяхъ Кольцова—первая редакція стихотворенія.

25) **Благодѣтелю моей родины** (стр. 142). Въ *Рус. Арх.* напечатано въ качествѣ не бывшаго въ печати, съ рукописи отъ князя Ю. А. Оболенскаго; но оно появилось еще въ 1840 г. въ *Сынѣ Отеч.*

Оглавленіе.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Отдѣлъ первый: Пѣсни и бытовыя картины.

Отдѣлъ второй: Думы.

Отдѣлъ третій: стр.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.